

АЛЕКСАНДР
БЫЧЕНИН

ЕГЕРЬ

ЕГЕРЬ

ПОСЛЕДНИЙ БИЛЕТ В РАЙ
КОТЕНОК

Вселенная Сафари

Александр Быченин

**Егеръ. Последний билет
в рай. Котенок (сборник)**

«АСТ»

2017

УДК 21.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Быченин А. П.

Егерь. Последний билет в рай. Котенок (сборник) /
А. П. Быченин — «АСТ», 2017 — (Вселенная Сафари)

ISBN 978-5-17-103374-3

Что может быть романтичнее профессии Егеря? Разве что она же, но с бонусом в лице, то есть морде, охотничьего кота. Новые миры, новые люди, новые обстоятельства, каждый следующий шаг – в неизвестность! Слава первопроходца, всеобщее уважение, девичья любовь... Именно так оно и было. В мечтах. На деле же все оказалось не столь радужно. Напарник – рыжая язва и сластолюбец. Девушка? Ну да, есть такая. Рыжая язва номер два. Да еще и с собственными тараканами в голове (наверняка тоже рыжими). Новые миры? А как же! Повезло вляпаться в Первую Дальнюю, еле ноги унесли с Находки. И ладно бы этим все и ограничилось! Но потом была Нереида – планета-курорт, жемчужина Федерации. Для всех, кроме Егеря, его девушки и кота. Никогда не соглашайтесь работать на секретной научно-исследовательской базе, особенно если ученые балуются с наследием Первых. Едва выбрались, перехватив в буквальном смысле последний билет в рай. И кто бы мог подумать, что даже переезд на Ахерон не обойдется без последствий – спасибо халтурке от майора Тарасова! Подумаешь, отыскать на тропическом архипелаге пропавшую археологическую экспедицию! Раз плюнуть. Да и не остался Егерь Олег Денисов внакладе. Потому что ценнее любви и дружбы ничего нет. Даже такой своеобразной, как приключилась однажды у кота Петровича.

УДК 21.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-103374-3

© Быченин А. П., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Егеръ	7
Глава 1	7
Глава 2	31
Глава 3	54
Глава 4	80
Глава 5	103
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Александр Павлович Быченин

Егеръ

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

© Александр Быченин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Егерь

Глава 1

Тише едешь, дальше будешь

Самарская Лука, санаторий «Волжский»,

25 июля 2537 года, вечер

– Заходи, располагайся. – Я, как истинный джентльмен, пропустил девушку в номер и вошел следом, тихонько затворив дверь. Время позднее, а в соседках у меня сварливые старые карги. – На кота не наступи.

В прихожей слабо светилась тускловатая панелька – я специально ее так настроил, чтобы глаза не резала после полутемного коридора.

– У тебя есть кот?! – восхитилась Маша и порхнула в комнату.

Дождаться, когда я зажгу свет, не стала – и напрасно, как незамедлительно показала практика: уже через секунду в темноте раздался дикий мяв, затем что-то грохнуло, и здоровенный рыжий котяра сибирской породы вихрем пронесся мимо, едва не сбив меня с ног. Его утробному вою вторил тонкий девичий визг.

– Петрович, блин! – в сердцах выругался я, нашарив сенсор.

Если честно, я думал, что будет гораздо хуже, но из разрушений обнаружилось лишь перевернутое кресло да пара диванных подушек на полу – это Петрович, известный сибарит, ложе себе из них устроил. А так как длины в нем без малого метр (считая хвост), то онный хвост на лежбище не поместился, и как раз на него незадачливая гостья и наступила, чем вызвала бурное негодование хозяина. Сама тоже перепугалась, ясное дело. Хорошо хоть визжать перестала – двери-то звуконепроницаемые, а вот окна я не закрываю по случаю жары. Как бы кто не услышал.

– Испугалась? – проявил я заботу, приобняв Машу за талию. – Давай пожалею.

– Дурак! – притворно надулась девушка, но отстраняться не стала. – Я вообще-то кошек люблю, но у тебя зверюга жуткая... Думала, ногу мне располосует.

– Не, Петрович себя контролирует. Садись, показывай, где болит.

– Вот. – Маша плюхнулась на диван и вытянула стройную ножку. – Прямо на икре.

– Тут? – Я беззастенчиво распустил руки, но возражений со стороны девушки не последовало.

Наоборот, она мечтательно зажмурилась и промурлыкала:

– Выше...

Я принялся нежно массировать икру, потом прошелся ладонью по коленке, рука моя скользнула по бедру выше, к подолу чуть задравшегося платяца... и тут в мозгу вспыхнула отчетливая картинка: я резким движением переворачиваю девушку на живот, придавливаю всем телом, вгрызаюсь в холку и начинаю с утробным мявом огуливать размашистыми толчками...

– Твою мать!

– Что? – испуганно пролепетала Маша, поджав ноги.

– Не обращай внимания, я сейчас. – Я вышел в прихожую и приглушил свет. – Так лучше, не находишь?

Петрович, скотина похотливая! Вот я тебе ужо!..

– Лучше, – согласилась девушка. – Идем, сколько можно ждать?

От приглашения я, естественно, отказываться не стал, прилег рядом и нашарил в полутьме ее губы. На вкус они оказались весьма недурны – казалось молодое игристое вино, которым мы не так давно угощались в баре. Занятие это оказалось столь увлекательным, что я совершенно не обратил внимания на легкий шорох кошачьих лап. Думать не хотелось ни о чем, разве что о девушке, лежащей рядом и активно участвующей в процессе. Руки мои вольничали вовсю, я уже чувствовал, насколько она возбуждена – тонкая ткань летней одежды в этом не помеха, – так что облом оказался неожиданным: Маша вдруг отстранилась и прошептала:

– Я не могу... Он смотрит!

– Кто? – не сразу врубился я в ситуацию. Потом проследил за взглядом девушки и рявкнул, сопроводив слова мысленным броском подушки: – Петрович, брысь, скотина!

Кот нехотя спрыгнул с подоконника и вальяжно прошествовал в кухню.

– Так нормально?

Вместо ответа Маша закрыла глаза и потянулась ко мне. Но и на этот раз идиллия продолжалась недолго: не успел я как следует заняться упругими холмиками, уютно лежащимися в ладонь, как она закусила губу и простонала:

– Опять!..

Я сграбастал с пола ближайшую подушку и швырнул в окно. Бросок получился отменный: чертова Петровича в буквальном смысле слова смело с подоконника, и он с невнятным мявом вывалился наружу.

– Вот и все, – успокоил я Машу. – Продолжим?

– Нет! – Она уперлась ладонями мне в грудь, оттолкнула и вскочила с дивана. – Ты зачем его выкинул?!

– А чего он?! – не нашелся я, что ответить. – Сама же говорила, что мешает...

– Ты совсем того?! Шестой этаж же!

– Да не будет ему ничего. – До меня наконец дошло, что так расстроило девушку. – Это же Петрович!

– Извини, но я так не могу! – отрезала Маша уже из прихожей.

– Тебе свет включить?

– Не надо, я босоножки нашла. Пока.

Дождавшись хлопка двери, я залез в бар и плеснул в стакан на два пальца виски. Холодильник снабдил меня пригоршней льда, и я, во всеоружии устроившись на диване, уставился в окно и сосредоточился. Мысленно нарисовал портрет наглой рыжей морды, послал зов, и уже через пару минут за стеной послышался скрежет когтей по пенобетону, и над подоконником показалась сначала та самая наглая рыжая морда, а потом и весь кот. Крупный сибиряк уселся рядом с чудом уцелевшим горшком с карликовой пальмой, дернул ухом и принялся пожирать меня преданным взглядом.

– Надеюсь, ты понимаешь, что обломал мне интим?

Кот моргнул и пренебрежительно фыркнул, дескать, было бы что обламывать. В мозгу незамедлительно сформировался образ маленького белого котенка с огромными голубыми глазами, и пушистый комочек умильно поерзал лапой по полу.

– Стыдно, говоришь? Ладно, верю. Иди, за ухом почешу, как ты любишь.

Зверь сорвался с подоконника, на удивление мягко приземлившись на все четыре конечности, разлегся у меня на коленях и включил встроенный урчальник, радуясь ласке. А я отхлебнул виски, запустил пальцы в густую шерсть и подумал, что надо бы завтра с утра отыскать под окном подушку.

Самарская Лука, санаторий «Волжский»,

26 июля 2537 года, утро

Звонок застал меня посреди пробежки. Я успел намотать километра три по санаторскому парку и уже собирался рвануть к пляжу: заключительный трехкилометровый отрезок по сложившейся за две недели традиции пролегал по волжскому берегу, благо погода радовала. К тому же нет удовольствия больше, чем ухнуть с разбега в прохладную по причине раннего утра воду и смыть пот с разгоряченного тела. Не пойму, почему Петровичу не нравится? Бегать со мной он столь же традиционно отказывался, предпочитал заменять тренировку ночным моционом по местным кошечкам. Впрочем, ему виднее. Он хоть и генно-модифицированный мутант, но исконную кошачью водобоязнь сохранил в полном объеме.

– У аппарата, – буркнул я, на бегу ткнув пальцем в браслет инфора.

Не люблю сверхкомпактные модели, которые в ухе умещаются. Там место наушникам, причем хорошим – не дело круги нарезать в тишине. Под хорошую ритмичную музыку и бежится веселее.

– Денисов Олег Игоревич? – официальным тоном осведомились на другом конце провода.

– Да. Чем могу?

Краткость сестра таланта, ага. Шесть километров в не самом быстром темпе – не та дистанция, чтобы хоть чуть-чуть выложиться, но дыхание надо беречь.

– Меня зовут Дмитрий Евграфович, я из кадрового агентства «Космос-Плюс». Мы хотим предложить вам работу. Интересует?

– Возможно.

– Насколько я знаю, вы сейчас не связаны контрактом, – проявил настойчивость агент. – Смею надеяться, наше предложение вас устроит. Я выслал пакет документов на ваш электронный ящик, перезвоните мне, пожалуйста, когда прочтете.

– Хорошо.

– Всего наилучшего! – Абонент отключился, а я с облегчением вырулил на знакомую аллею, ведущую аккурат на пляж.

Ну что за народ, я не понимаю! Не успел еще отпуск отгулять, а уже достают предложениями, от которых я не смогу отказаться. А как же, других они не делают, тем более людям с такой редкой профессией.

Я отогнал посторонние мысли, растворившись в ритме, взвинтил темп, в рекордные семь минут добил дистанцию и с ходу нырнул в Волгу, как был, в шортах и кроссовках. С удовольствием поплескался некоторое время, потом выбрался на берег и развалился на теплом песке. Вот теперь можно и о работе поразмыслить.

В принципе агент прав, пора уже задумываться о ближайшем будущем. Положенный отпуск почти отгулял: две недели на Карибах, две недели на волжских просторах. Сегодня, если разобраться, последний день законного отдыха. А потом у меня будет еще ровно две недели, и если за это время не найду интересную работу, придется довольствоваться госслужбой, а там уже как повезет: могут с одинаковым успехом и нормальный проект предложить, и в жуткую дыру загнать. И ведь не поспоришь: условия для всех одинаковые – что для обычного Егеря, что для супер-пупер-профессионала-фелинолога. Государевой службой я уже сыт по горло: пять лет в академии, год в фелинологической учебке и обязательный двухлетний контракт. Да я и сейчас себе по большому счету не принадлежу, поскольку обязан отпахать на родную Федерацию еще не менее десяти лет. Но тут есть один маленький нюанс: по истечении очеред-

ного договора я могу в установленный срок заключить новое трудовое соглашение по своему выбору – из имеющихся на данный момент предложений, разумеется. И речь не идет о частных подрядчиках, если только они не выполняют госзаказ. Короче, взглянуть на документы не помешает.

Мучимый сомнениями, я нехотя побрел к жилому корпусу. Оказавшись в номере, первым делом принял душ, смыл песок, и устроился у терминала. Сеть была доступна по всей территории санатория – все-таки не в Средневековье живем, а консерватизм хорош, только когда он в меру. Почтовый ящик встретил меня обширным списком спама, скопившегося за месяц, и письмом с пометкой «Контракт». В пару кликов избавившись от мусора, я вскрыл послание Дмитрия Евграфовича и углубился в чтение, а минут через двадцать свернул браузер и задумчиво почесал в затылке. Хотелось подробностей, и это означало, что агент практически достиг своей цели – умеет заинтриговать, ничего не скажешь.

С улицы в открытое окно маханул Петрович, уселся на подоконнике и уставился на меня гипнотическим взглядом. Перед глазами возник рыжий кот, с озадаченным видом обнюхивающий некую абстрактную хреновину. Перевести данный образ можно было классической при сказкой айтишников: WTF?

– Да сам еще не до конца разобрался, – хмыкнул я в ответ, пожав плечами. Этот жест Петрович прекрасно понимал. – Вроде работу предлагают, и даже интересную.

Для усиления эффекта я представил Егеря в полном снаряжении, пробирающегося с верным котом по диким джунглям неизвестной планеты. Петрович довольно заурчал – ему отпуск уже порядком наскучил. И то верно, всех местных кисок огулял, а к воде его и сметаной не заманишь.

– Уговорил, звоню. – Я выбрал в списке контактов нужный номер и послал вызов. Дождавшись прекращения гудков, осведомился: – Дмитрий Евграфович? Денисов беспокоит, Олег Игоревич который.

– Весьма рад! – отозвался агент.

В голосе его отчетливо слышалось удовлетворение: дескать, говорил же, что перезвонишь.

– Я прочитал ваше письмо. Предложение заманчивое, но есть вопросы.

– Хотите обсудить их при личной встрече? – ничуть не удивился агент.

– Было бы неплохо...

– Ново-Садовая, двадцать три. Корпус два, офис сто двенадцать ноль десять. Приезжайте в любое удобное время. Рабочий день у нас до семнадцати часов. До скорой встречи.

– Ага, – буркнул я, вырубая инфор. – Ну что, Петрович, поеду с работодателем трепаться. Веди себя хорошо, старушенций не терроризируй. Тем более они нашу подушку притащили.

Самара, 26 июля 2537 года, утро

Искомый офис обнаружился на сто двенадцатом этаже высотной «свечки» в центре города. Добрался я быстро, благо таксисты около санатория дежурили круглосуточно и цены не ломили. Дольше пришлось толкаться в вестибюле офисного центра, дожидаясь очереди в лифт. Шел десятый час утра, многие клерки еще только выдвинулись на работу, и я совершенно среди них затерялся, облаченный по случаю важной встречи в выходной костюм, ради которого пришлось заглянуть в ближайший «Shelby's». Считай, в местный час пик попал. Тем более что забираться пришлось на самую верхотуру: фирма «Космос-Плюс» позиционировала себя как солидное заведение, а потому занимала просторный пентхаус. Впрочем, после встречи с Дмитрием Евграфовичем выяснилось, что были и другие, не менее веские, причины.

Практически на пороге у работодателя я умудрился вляпаться в перепалку с какой-то рыжей язвой: когда уже было начал протискиваться в кабинку лифта, откуда ни возьмись нари-

совалась миниатюрная, если не сказать худосочная, девица и нагло вклинилась в свободное пространство прямо передо мной. Я успел лишь проводить недоуменным взглядом скрывшуюся за створками девчонку и выругался матерно, в последний миг уменьшив громкость. Зато следующий лифт от меня не ушел, и через три минуты стремительного подъема я вывалился из кабинки и уперся в дверь с цифрами «112010». Деликатно постучал, дождался традиционного «войдите» и оказался в просторной приемной, оснащенной, как водится, миловидной брюнетистой секретаршей. Здесь же в одном из гостевых кресел уже устроилась давешняя наглая девица.

– К Дмитрию Евграфовичу могу попасть? – осведомился я, одарив секретаршу фирменной улыбкой.

Та ответила той же монетой, но сказать ничего не успела – влезла рыжая язва:

– Вообще-то я тоже к Дмитрию Евграфовичу. Будьте любезны подождать своей очереди, молодой человек!

Я демонстративно окинул девицу изучающим взглядом, и та ожидаемо смутилась и очаровательно покраснела, как это умеют рыжие. Вполне себе любопытный экземпляр, ага. Все-таки миниатюрная, а не худосочная: во всех нужных местах из-под легкомысленного брючного костюма выступали аппетитные округлости, хоть и не поражающие пышностью, но удивительно пропорциональные. И лицо миловидное, с очаровательными ямочками на щеках. Слегка курносая, глаза светло-голубые. Стрижка короткая, волосы лишь закрывают уши. И цвет – не огненно-рыжий, не золотой, а глубокого медного оттенка, плотный и насыщенный. А на вид вы, дамочка, очень даже ничего. Жаль, если стервой окажется.

– А на вашем месте, мисс, я бы про очередь и не заикался, – грубовато ответил я на ее выпад. – Удобно было в лифте?

Рыжая задрала нос и отвернулась, и я, воспользовавшись моментом, приземлился в ближайшее к двери кресло. Наглая девчонка набрала в грудь воздуха, явно вознамерившись устроить скандал, но тут очень своевременно вмешалась секретарша:

– Господа и дамы, будьте благоразумны! Дмитрий Евграфович примет вас одновременно. Вы ведь Денисов, Олег?

Я кивнул, подтверждая очевидное.

– А вы Рыжик, Галина?

Я громко хмыкнул, рыжая язва вспыхнула и ответила с вызовом:

– Да, это я!

– В таком случае все в порядке. Дмитрий Евграфович примет вас. – Секретарша одарила нас профессиональной улыбкой и обернулась к открывшейся двери: – Вот, он как раз освободился.

Из кабинета вышел средних лет мужчина, задубевшая кожа и неестественный цвет лица которого лучше любого досье говорили, что он из экипажного состава и в космосе времени провел много больше, чем на шариках.

– До свидания, Елена!

– До свидания, Петр Иванович! – Елена склонилась над селектором и пропела: – Дмитрий Евграфович, к вам Денисов и Рыжик.

– Запускайте, – прохрипел динамик.

Мы с рыжей язвой одновременно встали с кресел и протиснулись в дверной проем. На двоих он явно не был рассчитан, но нам удалось проделать сей трюк без потерь: признаться, я и сам не блистал габаритами. Сухой и жилистый, среднего роста, в свои двадцать четыре я больше походил на восемнадцатилетнего пацана-недокормыша, что вовсе не удивительно, в корпус Егерей других не брали. Это вам не Десант, мы на своих двоих ходим и в лесу должны быть как можно незаметнее. В принципе, двухметровый детина тоже может попасть к нам, но ему придется несравнимо труднее.

Дмитрий Евграфович оказался добродушным дядечкой лет пятидесяти. Он поприветствовал нас традиционным «здравствуйте», жестом предложил присаживаться, и мы, не сговариваясь, упали на стулья по разные стороны гостевого стола, приставленного к хозяйскому буквой «т».

– Ну что, молодые люди, приступим? – Дмитрий Евграфович окинул нас понимающим взглядом, но комментировать не стал. – Я так думаю, большая часть вопросов у вас совпадает. Позвольте, я сначала озвучу условия, а потом уже вы уточните, если возникнет такая необходимость.

Я кивнул. Галя Рыжик (дал же Бог фамилию при такой внешности!) приняла позу отличницы, скрестив перед собой руки, и преданно уставилась на вербовщика.

– Итак, я представляю интересы государственной исследовательской компании «Внеземелье», – зашел тот издалека. – Как вы знаете, это филиал Службы Глубокого Поиска, который занимается исследованием уже открытых миров. На данный момент компания формирует экспедицию в систему звезды HD 44594. Читали, наверное, в сетевых новостях: полгода назад туда добрался разведчик и доставил маяк.

– Вы про Находку говорите? – уточнил я.

Дмитрий Евграфович сделал неопределенный жест:

– Это неофициальное название, но я именно ее имею в виду.

Да, об этом я слышал краем уха. Новый рейдер с экспериментальным навигационным комплексом в первом же испытательном прыжке достиг планетной системы в восьмидесяти трех световых годах от Солнца, и неожиданно для всех там обнаружилась землеподобная планета, причем с весьма мягким климатом и умеренно агрессивными флорой и фауной. И что еще более важно, генетически совместимыми с земными организмами. А это означало, что люди смогут употреблять в пищу местные продукты, да и наши животные и растения будут чувствовать себя в новом мире вольготно. Было бы странно, если бы федеральные власти отказались от такой находки, тем более сейчас, когда Федерация оправилась от Большой Войны и вновь встал вопрос перенаселенности Внутренних систем.

– Экспедиция намечается крупная, – продолжил между тем Дмитрий Евграфович. – В Систему отправляется автономный исследовательский комплекс «Да Винчи»...

– Постойте-постойте! – вклинился я в речь вербовщика. – Это вы про ту развалину, что на стационарной орбите у Болла крутится? Ей же больше ста лет, она сыпаться уже должна от старости.

– База законсервирована, техническое состояние признано удовлетворительным, – отрезал агент. – Или вы думали, что специально для вас за полгода новую построят?

Вот тут он прав. Дальних экспедиций уже больше века не было – и во Внутренних системах работы хватало, а там такая техника без надобности. В военное же время все верфи усиленно клепали боевые корабли, так что дай бог в ближайшие два-три года хотя бы одну приспособят для сборки столь специфических громадин. Поэтому командование пошло по пути наименьшего сопротивления: расконсервировали старую развалюху, подлатали, навигационное оборудование обновили, и готово.

– Экипаж уже укомплектован, технических специалистов тоже набрали, – сообщил Дмитрий Евграфович. – Обеспечение безопасности лежит на третьем батальоне второго полка корпуса Егерей. Вы, Олег Игоревич, с этими ребятами знакомы?

– Охотники, – хмыкнул я со знанием дела. – Непростая планета, видимо? Ребят из «двойки» рутинной не грузят.

– Подробных сведений у меня нет, – вздохнул с сожалением агент. – Если согласитесь работать с нами, непосредственное руководство введет вас в курс дела. Это детали. Экспедиция формируется на Болле, в системе Росс-614.

Я усмехнулся, отогнав воспоминания. Хорошая планета Болл, год там проторчал, пока с Петровичем контакт налаживал. Да и раньше бывал, на практиках, это еще в бытность свою в академии. Очень любопытная экосистема на шарике, у Егерей там два десятка полигонов с разнообразными условиями. Жить там не очень весело, но местные пообвыклись и уезжать не спешат.

– Вы, Галина?..

– Юрьевна.

– Вы, Галина Юрьевна, претендуете на место младшего научного сотрудника биологической лаборатории профессора Накамуры. – Агент пробежался взглядом по какой-то распечатке. – В принципе, доктор дал добро на контакт с вами, его впечатлили ваши успехи на научном поприще. Он сказал буквально следующее: ваша работа выглядит перспективной, и он будет рад помочь и с удовольствием выступит вторым научным руководителем. Профессор Новиков не возражает, мы с ним уже разговаривали. Так что решающее слово за вами.

– Я согласна, – еле слышно пробормотала девушка и снова очаровательно покраснела.

Ах ты моя скромняшка! Вот ей-богу, если не будешь стерву включать, приударю за тобой.

– Теперь вы, молодой человек. В составе экспедиции уже есть двое Егерей-индивидуалов, однако руководство выказало желание привлечь хотя бы одного фелинолога. Пока что вы единственный доступный специалист такого профиля. Уровень вашей подготовки, равно как и вашего партнера, работодателя устраивает. Осталось получить ваше согласие.

Да тут и думать нечего. Перед визитом в «Космос-Плюс» я изучил сайты всех более-менее крупных сетевых кадровых агентств, но на данный момент все вакансии представляли собой именно что рутину, какую я без малейших усилий с моей стороны неминуемо заполучу через две недели, да еще и в приказном порядке. Так что подвернувшийся шанс грех упускать.

– Я согласен.

– Замечательно, – расплылся в довольной улыбке Дмитрий Евграфович. – Сейчас мы с вами составим контракты, юридически оформим, и вы будете считаться официально зачисленными в состав экспедиции. И тогда останется лишь одна формальность – добратся до системы Росс-614. К сожалению, – последний корабль компании покинул Солнечную систему двое суток назад, так что вам придется добираться рейсовым лайнером. Советую не откладывать покупку билетов на потом. Впрочем, могу предложить билеты на завтрашний рейс – лайнер «Саратога» стартует с орбиты в двадцать ноль-ноль по Гринвичу. Челнок уходит из космопорта Курумоч.

– А в чем подвох? – прищурился я.

Уж больно мне выражение лица агента не понравилось.

– Лететь придется в двухместном номере. Других билетов, к сожалению, нет в наличии, и эти-то с трудом удалось забронировать. Можете, конечно, поискать сами, но учтите, что на Болл нужно прибыть не позднее чем через шестеро суток.

– Я попытаюсь сама, – буркнула Галя, зыркнув на меня исподлобья. – Не желаю несколько дней делить с этим хамом каюту.

– Собственно, возразить нечего, – хмыкнул и я. – Попробую выкрутиться.

– Ну, как знаете, – развел руками Дмитрий Евграфович. – Бронь до пяти вечера, так что поторопитесь.

Самара, 26 июля 2537 года, день

Дмитрий Евграфович как в воду глядел – альтернативных вариантов и впрямь не нашлось. Один дорогий люкс на «Эскалейде» – суперлайнере, обслуживающем «золотой треугольник» Внутренних систем, – прямо из-под носа увел какой-то мажор, остальные же рейсы не устроили меня из-за сроков: минимальное опоздание составляло трое суток. При-

шлось скрепя сердце отзваниваться агенту и принимать его предложение. Тот, выслушав мое признание, понимающе ухмыльнулся и посоветовал готовить вещи. В заключение еще пообещал прислать глайдер за два часа до отправления, и с тем отключился.

Нищему собраться – только подпоясаться. Весь мой скарб легко уместился в средних размеров чемодане: по въевшейся привычке я лишним барахлом себя не обременял, предпочитая обзаводиться одеждой на месте, а излишки отправлять в утилизатор. Лишь мыльно-рыльные принадлежности с собой возил, да еще коннектор – нечто вроде ажурной короны с блямбами усилителей на висках. Эта приبلуда уникальная, почти год ее настраивали с Петровичем. Столь же уникальным – не в плане «железа», а в плане «софта» – был и комплектный КПК в виде браслета, который обеспечивал подключение коннектора к любому подходящему вычислителю. На крайний случай в защищенном сетевом хранилище имелись архивные копии программ, но утрата оригиналов сулила нешуточный бюрократический геморрой. Посему беречь оборудование приходилось как зеницу ока, особенно в последний месяц: я поленился снимать ячейку в банке, да и толком не знал, где окажусь в конце отпуска, так что в отелях селился в номерах с сейфами. Второй, повседневный, комп-планшетник упаковывать куда не стал. Нужно будет вечером еще по Сети пошарить в поисках доступной информации.

Упаковав компактный «кейс» с оборудованием в чемодан, туда же отправил несколько смен белья, пару футболок, джинсы и кеды: перелет три дня, нужно будет в чем-то по кораблю ходить. По прибытии на основное место службы обзаведусь положенными комплектами формы, и можно будет от излишков избавиться. Только костюм от «Shelby's» сохраню – слишком дорогое удовольствие, чтобы его утилизатору скормливать. Вот в нем и отправлюсь в космопорт, шикану напоследок. Так же решил поступить и с консервативного вида полуботинками из натуральной кожи. Пускай будут гражданской «парадкой»: автономный исследовательский комплекс – это целый космический город со всеми сопутствующими атрибутами, включая увеселительные заведения. Чем черт не шутит, вдруг придется «выйти в свет».

Из предметов первой необходимости остались лишь Петровичев контейнер – стандартная клетушка для перевозки домашних любимцев, да запас копченых кальмаров в нарезке. Ума не приложу, что он в них нашел, но эти стружки неопределенного вкуса проходили у моего напарника в графе «лакомство». Да, еще спецшампунь: шерсть у охотничьего кота особенная, на вид и на ощупь мягкая и шелковистая, но густая до такой степени, что держит чуть ли не любой удар. Когти с нее соскальзывают, равно как и зубы, поэтому Петровича поцарапать, порезать или нанести ему иное повреждение верхних покровов практически нереально. Опасны лишь переломы да компрессионные травмы, но даже кинетическое воздействие шерсть по большей мере демпфирует. Плюс ко всему кончики волосков способны менять цвет, как шкура у хамелеона, так что Петрович рыжий лишь в домашней обстановке, а во всех остальных случаях подстраивается под окружающий пейзаж, причем автоматически – с младых ногтей приучен.

Покончив со сборами, я отправился в санаторскую столовую, а после, как и планировал, залез в Сеть, убив остаток дня. Можно было, конечно, с Машей попробовать помириться, но желания такого я не испытывал, а Петрович не настаивал, хоть и послужил причиной раздора. Этот гад, когда я сообщил ему свежие новости, решил в оставшееся время оттянуться на год вперед и сбежал из номера уже знакомым способом – через окно. На шестой этаж ему было плевать: с его когтями спуститься по шероховатому пенобетону труда не составляло. Даже от пайки из столовки отказался, до того торопился на прощальное свидание. Или свидания, учитывая его любвеобильность.

Космопорт Курумоч, 27 июля 2537 года, вечер

Обещанный глайдер прибыл вовремя, я как раз успел сдать номер строгой консьержке и перетащить пожитки к подъезду. Верткая машина сине-белой корпоративной окраски приземлилась буквально у моих ног, багажник приветливо распахнулся, и мне осталось лишь закинуть туда чемодан. В щегольском костюме и с клеткой в руках я чувствовал себя скованно, но водила оказался парнем бывалым – и не такое видывал, особенно когда готовых клиентов с гулянок развозил, – так что не удивился. Я кое-как втиснулся на заднее сиденье и пристроил напарника рядом, послав ему успокаивающий мысленный импульс. Тот в ответ нарисовал умильного котенка, скребущего лапой закрытую дверь, но я оставил нытье без внимания: все равно до космопорта добираться как-то надо, и глайдер не самый плохой вариант. Водила понимающе ухмыльнулся и рванул с места в карьер, резко набрав высоту. Желудок ухнул в район пяток, но вскоре от неприятных ощущений не осталось и следа, и я отдался упоительному чувству полета. Петрович же беспокойно метался по своему узилищу и утробно подвывал: он с младенчества не любил две вещи – летать и мыться.

Против ожидания водила направил глайдер к видневшимся вдалеке свечкам небоскребов, хотя я был уверен, что нам в другую сторону. Но спорить не стал, мало ли какие у него резоны.

– Еще одного пассажира заберем, – пояснил тот через некоторое время, не вдаваясь в подробности.

Пунктом назначения оказался давешний офисный центр, вернее, его крыша с шикарным пентхаусом и вертолетной площадкой. И знаете, я ничуть не удивился, когда из стеклянных дверей показалась Галя Рыжик. Сопровождал ее сам Дмитрий Евграфович, нагруженный парой увесистых баулов.

– Добрый вечер! – поздоровался я сразу с обоими, но наглая девчонка жест доброй воли с моей стороны проигнорировала.

– Добрый, – пропыхтел Дмитрий Евграфович, сваливая сумки в багажник. – И счастливого пути! Надеюсь, путешествие будет приятным.

Девушка устроилась на переднем сиденье, всем своим видом показывая, что очень в этом сомневается, водила галантно захлопнул дверцу и, что называется, поддал газку. Посадочный пятак ухнул вниз, и глайдер заложил крутой вираж, выходя на курс. Галя фыркнула, оценив манеру пилотажа водилы, и сморщила нос, подозрительно уставившись на клетку.

– Только не говорите, что у вас там кот! – прогнусавила она и чихнула.

Блин, только этого нам не хватало! Неужели в наш век всесильной медицины она страдает аллергией? И на кого – на кошек! Не могла на чем-нибудь попроще остановиться, на пыли там или тополином пухе...

– А-пчихи!!! У бас дам дочно кот! – Девушка со страдальческим вздохом выудила из сумочки влажную салфетку и принялась промокать слезящиеся глаза. Правда, помогло это мало, а тут еще и нос начал предательски хлюпать. – Ну как же так! Аааа-пчихи!!! Дасморк еще! Нет, я так не могу! Знала бы, что у вас кот, ни за что бы не согласилась ехать вместе!

– Дмитрий Евграфович говорил ведь, что я фелинолог, – попытался я переложить часть ответственности на вербовщика. – А почему вы сами не сказали, что у вас на кошек аллергия?

– Да откуда я могла знать, что фелинолог – это с котами связано? – сделала большие глаза Галя. С учетом покраснения и непрерывно катящихся слез видок у нее был тот еще. – Хотя подозревала, проскальзывали ассоциации с кинологами. А-пчихи!

Хочешь не хочешь, а с каютой придется как-то решать вопрос. Трое суток в одном помещении с нами она однозначно не выдержит. Но и Петровича сдавать в багаж я не собираюсь... Дилемма, ага. Весь оставшийся до космопорта путь девушка тихо страдала, то и дело утирая

слезы и чихая, а я по мере сил боролся с чувством вины. В конце концов, не выбрасывать же Петровича из глайдера? Могла бы и предупредить...

Когда летательный аппарат аккуратно примостился у пассажирского терминала, Галя едва дождалась, пока водила разблокирует дверцы, и пулей вылетела из салона. Самолично нырнула в багажник и с трудом поволокла баулы к стойке регистратора, но и там надолго не задержалась – уже через пару минут она гордо прошествовала в посадочную зону. Глаза у нее слезиться почти перестали, но нос все еще хлюпал.

Я извлек чемодан на свет божий, подхватил клетку с Петровичем и попрощался с водилой, не забыв расплатиться. Тот, покончив с формальностями, незамедлительно прыгнул в глайдер и умчался куда-то вдаль, причем маневрировал куда аккуратнее, чем в санатории, – видимо, диспетчеры космопорта воздушного хулиганства не поощряли.

Я же вздохнул тяжело, но времени решил не терять – от сложного разговора все равно не отвертеться. Остановившись у стойки, пристроил клетку на пол и улыбнулся миловидной девушке-оператору:

– Добрый день! У меня возникли кое-какие сложности, вы не могли бы мне помочь?

– Здравствуйте! – профессионально скрыв озабоченность, отозвалась та. – Постараюсь сделать все, что в моих силах.

– У меня билет на «Саратогу», восьмичасовой рейс. Я хотел бы поменять каюту, желательно на одноместную.

– Все каюты заняты, – покачала головой операторша, стрельнув глазами на скрытый от меня монитор. – Извините, ничем помочь не могу.

– Понимаете, это не прихоть. Помните девушку, которая передо мной регистрировалась? Так вот, мы летим с ней в одной каюте. Со мной питомец, а у нее тяжелейшая аллергия на кошек. Думаю, лучше разрешить ситуацию сейчас, чтобы на старте не было неожиданностей.

– Вообще-то вы должны перевозить животное в специальном контейнере в специально оснащенной комнате. На «Саратоге» такой отсек есть, – недоуменно посмотрела на меня собеседница.

Вместо ответа я извлек из кармана Петровичев идентификатор. Девушка воткнула пластиковый прямоугольник в щель сканера, потратила чуть больше минуты на чтение и без возражений взялась за инфор:

– Диспетчерская? Срочно пришлите квартирмейстера с «Саратоги», возникла проблема с размещением специфических пассажиров.

Что ей ответили, я не расслышал, но девушка поспешила меня успокоить:

– Подождите несколько минут, сейчас подойдет лейтенант Бернс и что-нибудь вам посоветует.

Упомянутый лейтенант явился удивительно быстро. Выслушал мои объяснения, поглазел на Петровича и глубоко задумался. Результатом интенсивной мыслительной деятельности делиться не спешил, взвешивая все «за» и «против», но в конце концов решение предложил:

– Уважаемый Олег Игоревич, во-первых, я от лица команды лайнера «Саратога» приношу вам извинения за доставленные неудобства. Во-вторых, с прискорбием должен сообщить, что свободных мест нет. Я могу попытаться договориться с кем-нибудь из пассажиров о замене, но на это нужно время. Придется вам часть пути делить жилище с госпожой Рыжик.

– Вообще, мне это особых неудобств не доставит, – немного покривил я душой. Ладно, с собственной совестью как-нибудь договарюсь. – Только, боюсь, госпожа Рыжик мириться с таким положением дел не будет. Насколько я ее успел узнать, она устроит грандиозный скандал. И я бы на месте ваших менеджеров уже начал готовиться к судебному разбирательству.

– Думаете, госпожа Рыжик настолько стерва? – усомнился Бернс. – В принципе, есть еще вариант. Но он сопряжен с некоторыми для вас неудобствами.

Я впопыхи заломил бровь.

– Свободных пассажирских кают у нас нет, – зачастил лейтенант, – зато пустует несколько матросских кубриков. Но, сами понимаете, они расположены на другом уровне корабля, добираться оттуда до столовой и прочих заведений очень неудобно.

– Плевать! – зацепился я за предложение. – Неужели вы думаете, что меня, профессионального Егеря, испугают такие мелочи? Удобства в кубрике имеются?

– Конечно! – оскорбился за родную посудину лейтенант. – У нас новейший лайнер. Кубрик четырехместный, но вы будете там жить один, то есть с котом... да. Компания возместит вам ущерб за счет снижения стоимости перелета.

– Да забудьте, – отмахнулся я. – Главное, вы мне пропуск выправьте, чтобы не пришлось на проходной каждый раз объясняться.

– Само собой! – Довольный Бернс пожал мне руку в знак договоренности и двинулся на посадку.

Я возражать против такого развития событий не стал, подхватил пожитки с Петровичем и поспешил за провожатым. Честно говоря, от встречи с лейтенантом я даже выиграл – не пришлось толпиться в посадочной зоне. Бернс приехал на электрокаре, так что до челнока докатили с ветерком. Чуть растрепанная Галя уже заняла место в салоне, и я постарался устроиться как можно дальше от нее, дабы не спровоцировать рецидив аллергической реакции. Эк завернул! Кстати, тревожный звоночек: столь велеречивым я обычно становлюсь, если мне барышня реально нравится. Чур меня, чур меня! Не хватало еще с этой рыжей язвой связаться.

До старта оставалось еще почти полчаса, поэтому я не отказал себе в удовольствии употребить «соточку» коньяка, весьма кстати предложенного стюардессой. Последовавшие процедуры предполетной подготовки, разгон и маневрирование на околоземной орбите пролетели удивительно быстро – я незаметно для себя задремал, утомленный сегодняшней суетой. А после стыковки с лайнером на выходе из шлюза меня перехватил лейтенант Бернс и увлек к служебным лифтам. Я успел заметить недоуменный взгляд, которым меня проводила Галя, но сразу выбросил ее из головы: размещение на новом месте дело серьезное, даже если обитать в нем предстоит всего трое суток.

Лайнер «Саратога»,

27 июля 2537 года, вечер

Немного позже, когда лайнер закончил разгон и лег на курс к точке перехода, я отправился на разведку. Лейтенант Бернс по секрету проболтался, что прыжок планируется только через тридцать часов, когда по корабельному времени будет глубокая ночь, поэтому для большинства пассажиров он останется незамеченным. А куда можно сходить в одно из увеселительных заведений, расположенных на третьей палубе. Список прилагался и даже впечатлял: «Саратога» – лайнер крупный, почти две тысячи пассажиров берет, и всей этой ораве как-то нужно убивать в полете время. Это нам с коллегой хорошо – один прыжок, всего трое суток. А некоторые деятели и до конечной летят, а это пять систем, итого больше двух недель. Посему в развлекательном комплексе было все необходимое, начиная с уютных кафешек и заканчивая шикарными ресторанами и кабаре, да и про спортивные объекты проектировщики не забыли.

До третьей палубы пришлось добираться на лифте, миновав проходную: без надобности персонал старался в пассажирских отсеках не показываться, за чем следили специально обученные люди. Ко мне у них вопросов не возникло, и я благополучно выбрался на местный Бродвей. Петровича скрепя сердце оставил в кубрике – нечего ему по кораблю шастать, людей пугать. Не мудрствуя лукаво свернул в ближайшее заведение и попал в автоматизированное кафе с уклоном в европейскую кухню. Заказал ужин, легко справившись с совестью – Петрович

уже получил свою порцию стружки кальмара и банку корма. Тот еще деликатес, если подумать, но ему полезно – от человеческой еды для него проку мало, так, полакомиться. А за этим дело не станет, специально для него что-нибудь прихвачу... потом.

Не успел я приняться за шницель в сливочно-грибном соусе, как завершал инфор на руке. Недовольно покосившись на дисплей, я все же ответил на вызов:

– Галя? Вы что-то хотели?

– Ой, а вы где? – прощепетала девушка на том конце провода. – Я вас найти никак не могу...

– А вам зачем?

– Поблагодарить хочу, – рассмеялась Галя. – Вы мой герой! Как вы умудрились себе каюту выбить? Откроете секрет?

– Не-а, это ноу-хау, торговать буду. – Я окинул взглядом внутренности кафешки и зацепился за меню. – Кафе «Европа», это на третьей палубе.

– Ой, да я рядом совсем! – обрадовалась девушка и отключилась.

Так оно и оказалось: через несколько минут Галя впорхнула в зал и рухнула в кресло напротив меня. Огляделась в поисках Петровича и скорчила разочарованную гримаску:

– А где ваш питомец? Я хотела с ним поближе познакомиться.

– В кубрике запер, чтоб не набедокурил чего, – пояснил я, передав девушке меню. – Будете заказывать?

– Если только десерт, – отмахнулась она. – Волнуюсь что-то, на сладкое тянет.

– Первый раз в космосе?

– Ага. – Галя сдула непослушную рыжую прядку и осведомилась: – А что, так заметно?

– Нет, просто у меня интуиция развита. – Я вернулся к шницелю и некоторое время сосредоточенно жевал. Невежливо, конечно, но я вообще-то сюда пожрать пришел, а не на свидание. – Вина?

– Давайте. Только выбирайте сами, я в этом не разбираюсь.

– Сейчас будет. А вы действительно раньше никогда не летали?

– Не-а, – улыбнулась девушка. – Сама поражаюсь, за двадцать с лишним лет даже на Луну не выбралась. Наука, что вы хотите.

– А вы не похожи на фаната биологии, – хмыкнул я. – У меня слово «ученый» совершенно с другим типажом ассоциируется. Я бы вас скорее за мелкого клерка принял.

– Сомнительный комплимент, – укорила меня Галя. – Впрочем, про вас бы я тоже не подумала, что вы супермен.

– Да боже упаси! Наша работа суперменства не поощряет. У нас прежде всего думать надо и очень много ходить.

– А как же романтика?

Я помотал головой, задумчиво уставившись на киберофицианта, который как раз доставил заказанное вино и пару фужеров.

– Можно подумать, у вас много романтики. – Я заглянул Гале в глаза, уловил в них пляску веселых чертиков и решил: – Предлагаю тост: во-первых, за знакомство с красивой девушкой, во-вторых, за дружбу и, в-третьих, за удачу!

– Поддерживаю! – Галя легонько звякнула своим фужером о тонкую ножку моей емкости и пригубила вино. – Вы действительно считаете, что я красивая?

– Несомненно! – сделал я честное лицо. – Правда, вы мне сначала показались слегка стервозной.

– Не в бровь, а в глаз! – рассмеялась девушка. – Именно за это меня мужчины и не любят. А еще за то, что я умнее многих из них.

Блажен, кто верует. Хотя вполне может быть – не зря же ее в штат экспедиции взяли, да еще какой-то профессор Накамура лично. Собственно, на профессора плевать с высокой

колокольни, а вот с Галиной неплохо бы завести более тесное знакомство. Очень приятная девушка, а с характером потом разберемся.

– А давайте на «ты»? – предложила Галя, опередив меня на мгновение.

– Это нужно понимать как предложение мира?

– Полного и безоговорочного! Осознала вину и раскаялась. На брудершафт пить будем?

– Оставь эти пошлости. – Я отсалютовал собеседнице фужером. – За тебя!

– Спасибо. Может, все-таки расскажешь, как каюту выбил?

– Это все Петрович, – перевел я стрелки на напарника. – Он у меня очень важная персона.

– Издеваешься? – надулась Галя.

– Серьезно. Петрович – охотничий кот. А я Егерь-фелинолог.

– А я биолог-исследователь, – хмыкнула девушка. – Зоолог, изучаю эукариотические организмы. В частности, физиологию и анатомию животных.

– Уела! – поднял я руки в жесте «сдаюсь». – Ладно, буду объяснять по пунктам.

Галя приняла уже знакомую мне позу прилежной ученицы и приготовилась слушать.

– Охотничий егерский кот – это специально выведенная генномодифицированная порода... – зашел я издалека.

– Генная инженерия запрещена.

– Это сейчас, – отмахнулся я. – А сто пятьдесят лет назад она была обычным явлением вплоть до моратория триста восьмидесятого года. Ну это когда андроиды взбунтовались на Калисто. Короче, не важно. Петрович – особенное животное. Для фелинолога его охотничий кот больше чем просто питомец и даже больше чем друг. Кот – вторая половина. Понимаешь, у нас с ним ментальная связь, мы можем напрямую обмениваться мыслеобразами. А если еще коннектор подключить, который образы конвертирует в осмысленные фразы, вообще общаться можем без проблем. Уровень интеллекта у него соответствует пятилетнему ребенку, разве что абстрактное мышление очень слабо развито.

– Ты разговариваешь с котом? – По лицу девушки было видно, что она не очень-то и поверила в мои рассказы.

– Не разговариваю, – поморщился я. – Он слов не понимает, животное все же. Я посылаю ему мысленные образы, для него доступные. А он посылает образы мне. Когда общаемся напрямую, приходится картинки расшифровывать, а когда подключен коннектор, он автоматически переводит образы Петровича в слова, а мои слова – в образы для кота. Понятно, что это возможно лишь для определенного набора таких картинок, короче, как словарь. Если возникает какое-то новое понятие, коннектор его не преобразует, а передает именно образ, который я расшифровываю самостоятельно и заново в базу данных. Так и живем. Мы с Петровичем целый год просидели на егерском полигоне, пока словарь составляли и притирались друг к другу.

– Как интересно! – восхитилась Галина. – А почему я об этом никогда не слышала?

– А тебе и не положено, – пожал я плечами. – Фелинологов... Егерей-фелинологов то есть... всего пара сотен на весь корпус Егерей. Мало у кого из людей есть врожденные предпосылки, а искусственно их развить и вовсе нереально, если способностей нет.

– Но почему именно коты?

– Потому что, – соригинальничал я и повторно наполнил бокалы. – Давай, за удачу!

Девушка тост поддержала, но скорее из любопытства, – видимо, поняла, что я должен обдумать речь. Между прочим, информация отнюдь не для свободного распространения, как бы не выйти за рамки.

– Из всех домашних животных у кошек наиболее ярко выраженные способности к телепатии, – продолжил я. – Этот факт сыграл решающую роль в выборе. Оставалось лишь усилить их и приспособить этот довольно слабый вид к неблагоприятным условиям. Генетикам

это удалось, заодно они развили интеллект кошек и усилили их в физическом плане. Видела Петровича?

– Нет, мне хватило одного его присутствия, – потупилась девушка. – А потом глаза заслезились.

– Так вот, сибирская порода и так одна из самых крупных, но их еще увеличили. Охотничий кот лишь немногим мельче средней собаки, но гораздо выносливее – может за сутки пройти до пятидесяти километров без последствий для здоровья. Плюс шерсть у него очень плотная и упругая, держит удар когтями и сопротивляется зубам. Короткошерстные породы не подходят, селекция проводилась у сибиряков, персов и шотландских хайлендеров. К тому же такой кот может менять окрас – неосознанно, на автомате. Он просто сливается с окружающей средой, когда охотится. А в обычное время колер у него постоянный, мой Петрович, например, рыжий. Почти как ты.

– Но ведь у собак нюх лучше, логично было бы их для охоты использовать? – удивилась Галя.

– Нет, это заблуждение. Кошки – идеальные хищники. У них хорошее зрение, особенно ночное, острый слух и достаточно чувствительный нюх. А еще они очень чистоплотные – предпочитают растворяться в окружающих запахах, поэтому свой тщательно уничтожают. Заметила, что кошки постоянно вылизываются? А для Внеземелья это очень хорошо: на любой чужой планете новый запах выделяется особенно сильно. Собака только моментально выдала бы себя.

– Век живи – век учись! – заключила девушка. – Можно я с Петровичем как-нибудь пообщаюсь?

– У тебя же аллергия.

– Переживу, на крайний случай фильтры в нос вставлю.

– Почему нет? – не стал возражать я. – Приходи в гости. Хотя это вряд ли, тебя на техническую палубу не пустят... Лучше мы к тебе.

– Хорошо. А почему его нельзя в спецотсеке перевозить?

– Перевозить можно, только это отрицательно сказывается на его психике. Все-таки Петрович уже не просто животное, он мыслящее существо, и оказаться запертым в компании бессловесных тварей для него нешуточный стресс. Можно, конечно, общаться и на расстоянии, но контакт будет слабый, его это не устроит. А в момент прыжка ему лучше всего находиться в непосредственной близости от меня, иначе может «настройка» сбиться, и придется нам еще год на полигоне куковать. И это в лучшем случае. В худшем – связь разорвется навсегда, и кот элементарно сойдет с ума.

– Но почему?

– Потому что он связан только со мной. Партнера поменять не получится. Пары подбираются очень тщательно, с учетом множества параметров, потом долго притираются друг к другу и работают вместе пожизненно. Именно поэтому Петрович – кот. С кошкой я бы не смог наладить полноценный контакт, ментальность разная. Даже если бы и наладил, то скоро бы шизофреником стал: каково, по-твоему, мужику делить собственный мозг с особью женского пола, обладающей интеллектom и непосредственностью ребенка, но со взрослыми желаниями? Тут иногда на Петровича такое находит, что с трудом верится. Он пошляк еще тот, и весьма активный в этом отношении.

– Но ведь кошки недолго живут... У егеря стресс жуткий случается после потери партнера?

– Очень редко, если только кот внезапно гибнет, но это самый неблагоприятный исход. Егерю тогда приходится долго в клинике торчать, пока доктора мозги в порядок не приведут. А вообще охотничьи коты живут около сорока лет, из них порядка тридцати период активности. Мы с Петровичем уже три года работаем, и на пенсию выйдем вместе – я лет в пятьдесят, он,

соответственно, в тридцать с гаком. Опять же без реабилитации никак не обойтись. Но такова наша судьба, и оно того стоит.

– Как все сложно, – вздохнула Галя. – Хотя жутко интересно. А почему у твоего кота имя такое странное?

– Ничего не странное, – вступился я за питомца. – Это сокращение. Он все-таки породистый и по документам числится как Василий Иоганн Петровский Распадок, причем Петровский Распадок – это питомник, откуда он родом. Каждый раз выговаривать язык сломаешь. Василий – слишком банально, Иоганн вообще ни в какие ворота... Вот и прижился Петрович. Ему нравится, и мне удобно. Кстати, странно, почему у тебя на него аллергия – сибиряки ее как раз не вызывают. Может, это у тебя просто условная реакция на любую кошку?

– Ага, у меня психогенная аллергия – чисто психологической природы, – подтвердила девушка. – Поэтому и вылечить не могут, куда уже только ни обращалась.

Вот теперь все понятно. Тут способ избавления ровно один – побольше общаться с кошками, и постепенно от аллергии не останется и следа. Был у нас в учебке один паренек с такой же проблемой. За полтора месяца вылечился, пока на волну кота настраивался. Потом стали не разлей вода.

– Может, еще куда-нибудь заглянем? – предложил я, убедившись, что бутылка опустела. – В кино, например?

– Не тянет что-то. Хотя идея хорошая – пойдем, может, и найдем что подходящее...

Система Росс-614, планета Болл,

космопорт «Диптаун», 30 июля 2537 года, день

– Господин Денисов? – Вертлявый коротышка средних лет перехватил нас на входе в пассажирский терминал, я даже толком не успел оглядеться.

– Допустим, – кивнул я, без энтузиазма пожимая пухлую ладошку. – С кем имею честь?

– Егоров Викентий Федорович, младший научный сотрудник биологической лаборатории профессора Накамуры, – отрекомендовался мужчина. – Шеф просил вас встретить. А вы, я так понимаю, госпожа Рыжик, наш новый специалист-зоолог? Весьма польщен.

Викентий Федорович галантно приложился губами к Галиному запястью, для чего повернулся к ней всем телом – шеи у него почти не было, зато имелось задорно торчащее пузо и обширная плешь. Любопытный типаж, этакий живчик плотной комплекции, рубаха-парень и душа компании. Причем с первых мгновений стало ясно, что он такой и есть на самом деле – ни капли притворства, открытый и приветливый. До назойливости. Ладно, переживем. Уж лучше надоедливый записной весельчак, чем скрытная сволочь в маске шута. Самое главное, такие люди обычно не злопамятны, легко идут на контакт и в общении ненапряжные. Можно и послать при случае, воспримет это как должное и через минуту забудет.

– А почему именно вы нас встречаете? – поинтересовался я на ходу, когда мы пересекли терминал и направились к ярко-желтому глайдеру. – Ладно, Галя, коллега, можно сказать. А я вам зачем? До кучи?

– А вы еще не знаете? – изумился Викентий Федорович. – Вообще-то мы все коллеги. Вы зачислены в штат биологической лаборатории. Будете обеспечивать безопасность полевых выходов и добывать образцы.

За-ши-бись, как говорится.

– Значит, мы будем работать вместе? – дошло наконец до Гали. – Как хорошо! Видеться будем часто.

Блин, мне бы твои заботы! Вот чего угодно ожидал, только не того, что придется быть нянькой при биологах. Обеспечивать безопасность полевых выходов! Ха, ха и еще раз ха! Это халтурка для ребят из батальона, а не для уникального, не побоюсь этого слова, специалиста. Похоже, фелинолога привлекли лишь по прихоти неведомого профессора Накамуры – тому, видать, показалось, что будет очень круто иметь в подчинении представителя столь редкой профессии. И по фигу, что молодые ученые страдают избытком энтузиазма, а потому склонны влипать во всяческие неприятности. И уследить за ними просто нереально: такие вот Гали Рыжики без всякого злого умысла умудряются влезать в такую задницу, что диву даешься. И потом искренне недоумевают: а что такого? Живы же все, чего орать-то?! Блин!..

– Пристегивайтесь, ребята, – напомнил Егоров, устроившись на водительском месте. – Полетим с ветерком. Вы немного припоздали, челнок из-за вас пришлось задержать, так что сейчас летим на военный космодром, а оттуда сразу на «мамку». Старт через шесть часов.

– А я думал, у нас еще пара суток в запасе.

– Все переиграли не далее как вчера. У двигателистов какие-то заморочки начались, и они настояли на ходовых испытаниях. Вот и решили раньше стартовать, чтобы в случае чего из графика не выбиться. База недавно с консервации, сами знаете, сто с лишним лет провисела на орбите, вот и сыплется все подряд.

Что ж, этого следовало ожидать. Когда нанимаешься на работу в последний момент, морально готовишься к гонке со временем. Так что я без возражений упал на заднее сиденье, галантно уступив переднее Гале, пристроил рядом клетку с Петровичем и послал ему образ разгромленной квартиры – типичную картинку бардака, который остается после кошачьих игр. Напарник меня прекрасно понял и сочувственно мяукнул.

Викентий Федорович оказался лихачом почище приснопамятного таксиста: глайдер взял с места в карьер и в считанные мгновения набрал высоту в пару тысяч метров. На этом горизонте воздушное движение было слабым, и Егоров от души выжал гашетку, разогнав аппарат до максимально возможной скорости. Что характерно, воздушная полиция на его выкрутасы внимания не обратила: или полисмены уже привыкли к подобному, или, скорее всего, нам выделили безопасный коридор.

В общем, до обещанного космодрома добрались меньше чем за час. Неплохой результат, если учесть, что данный объект располагался в другом полушарии, на втором (и последнем) материке этой не самой приветливой планеты. Климат местный нам с Петровичем был знаком, почитай во всех широтах Болла побывали во времена оны, потому обширной каменистой пустыне мы ничуть не удивились. Флотские расположили взлетно-посадочный комплекс в центре безжизненной равнины, дабы никому не мешать, а потому и сами не стеснялись: то и дело на горизонте с ревом взлетали челноки, расчерчивавшие темное небо яркими хвостами выхлопов. В южном полушарии в этих широтах уже вечерело, так что зрелище было феерическое. Егоров по широкой дуге облетел стартовые пятаки и посадил глайдер около корпуса пассажирского терминала, который отличался от гражданских лишь предельным аскетизмом отделки да сугубо утилитарной направленностью.

На входе нас остановил было шкафоподобный морпех, но Викентий Федорович проигнорировал требование пройти обычные процедуры типа сканирования и дезинфекции, взамен сунув тому под нос пропуск. Шкаф моментально сдунулся и пропустил нас на территорию, даже в клетку не заглянул. Далее наш путь пролегал к стандартной капсуле монорельса, а ее, соответственно, к челноку. На борту нас взял в оборот молоденький мичман – проводил в пассажирский отсек, где мы с минимальными удобствами разместились в противоперегрузочных коконах, и отбыл по своим делам, предупредив, что взлет через пятнадцать минут. Я закинул клетку в багажное отделение, позволив Петровичу развалиться у меня на коленях: он хоть и выносливый, но в перегрузке даже для него приятного мало. Ободряюще улыбнулся взблед...

хм... чуть побледневшей Гале, обхватил покрепче напарника и закрыл глаза. В нашем деле главное расслабиться и получать удовольствие, ага.

Вскоре челнок едва заметно дернулся – сработал антигравитационный привод. Я неоднократно наблюдал взлет со стороны, поэтому в происходящем ориентировался свободно. Сейчас, например, невидимая рука приподняла тушу корабля на десяток метров над землей, и он медленно и величаво двинулся к стартовой зоне, так что пока можно расслабиться. А вот повторный толчок говорит о готовности к рывку: челнок замер над кратером взлетной площадки и прогревает дюзы. Я прижал кота к животу и начал обратный отсчет. Как всегда, немного не угадал: шаттл окутался пламенем выхлопа и рванул ввысь на счет «четыре». Ослабленная коконом перегрузка вжала меня в кресло, Петрович недовольно взвыл, выдав образ забившегося в угол испуганного котенка, и я поспешил успокоить напарника картиной стартового корабля. Кот сразу же уgomонился: ему уже неоднократно приходилось участвовать в подобных приключениях. Просто военный транспорт не чета гражданскому, на удобство пассажиров флотским извергам плевать с высокой колокольни, вот и струхнул с непривычки.

Выход на орбиту, маневрирование в ближнем космосе и последующая стыковка с исследовательским комплексом заняли около двух часов, так что я со спокойной совестью задремал, а Петрович с удовольствием последовал моему примеру. Проснулись мы лишь после того, как жизнерадостный Викентий Федорович потрепал меня за плечо. Галя сидела в противоперегрузочном коконе и выглядела напуганной – еще бы, второй старт, если считать убытие с Земли, и такое испытание для нервов. Я опять улыбнулся девушке и послал Петровичу незамысловатый образ. Тот мяукнул одобрительно, рыжим мячиком скакнул на колени Галины и принялся с умильным видом вылизывать ей руку. Галя было сморщилась, но пересилила себя и не чихнула. Потом почесала благодарно рыжего разбойника за ухом и решительно поднялась с кресла, уронив кота на палубу. Тот ничуть не обиделся и принялся тереться о Галину ногу.

– Добро пожаловать на базу «Да Винчи»! – торжественно провозгласил Викентий Федорович и не удержался от несколько театрального жеста.

Система Росс-614, исследовательская база «Да Винчи»,

30 июля 2537 года, вечер

Оставшееся до старта время прошло в суете и заботах. Первым делом мы всей компанией добрались до жилой палубы номер семь: именно здесь по штатному расписанию разместили персонал лаборатории профессора Накамуры. Я надеялся, что квартироваться буду в более привычной обстановке, вместе с остальными Егерями или хотя бы с ребятами из батальона, но у руководства на этот счет было другое мнение. Викентий Федорович проводил нас с Галей до самого блока, в котором, вопреки традициям, оказалось всего четыре каюты – вот она, довоенная роскошь! Хотя мне это даже нравится, ближайшие пару недель проживем как люди. Тем более что оставшиеся две каюты пустовали: материнский корабль комплекса мог нести до пяти тысяч пассажиров, в то время как состав экспедиции едва превышал две с половиной. Мне это по секрету сообщил Егоров, когда я удивился такому расточительству. В общем, кают-компания и небольшой спортзал с мини-бассейном оказались в полном нашем распоряжении, равно как и встроенная в душевую сауна.

Галя сразу же скрылась в своей каюте, а я не поленился обойти владения. Верный Петрович внимательно обнюхал все углы, фыркнул на бассейн с прохладной водой и по-хозяйски устроился в кресле посреди общей комнаты.

– Дрыхнуть будешь? В добрый путь. – Я помассировал напарнику холку и отправился обживать собственную каюту.

Распахнув дверь, я едва сдержал готовый сорваться с языка восторженно-матерный возглас – каютой назвать этот роскошный номер из двух комнат с санузлом и мини-кухней язык не поворачивался. Даже на самых комфортабельных пассажирских лайнерах подобные апартаменты не предусматривались. Сказались десятки лет строгой экономии: инженеры-проектировщики тоже люди, жили они в таких же условиях, что и подавляющее большинство граждан Федерации, вот и выходили у них курятники с клетушками. Правда, последние лет десять эту тенденцию ведущие кораблестроители начали преодолевать, но полностью избавиться от наследия тяжелых лет удастся еще не скоро. Плехнувшись на диван, я щелкнул «лентяйкой» и убедился, что столетнего возраста информсистема, встроенная в стену, сохранилась в полностью рабочем состоянии: незамедлительно зажегся экран двухметровой диагонали, на котором высветилась заставка внутренней сети корабля. Умели предки электронику делать, завидно даже. Пульт был архаичного дизайна, сейчас таких уже не найдешь, да и четкость изображения оставляла желать лучшего, а в остальном очень даже ничего. Печально было бы, если бы вся эта роскошь накрылась от старости, вряд ли щедрость флотского начальства позволила бы заменить вспомогательное оборудование в жилых боксах. Мебель новая, сразу видно – ее явно недостаточно на такую площадь. Диван, кресло, письменный стол. В спальне кровать с противоперегрузочным модулем и шкаф-купе. Необходимый минимум, как говорится. К малому своему удивлению, в шкафу я обнаружил три комплекта егерской формы и привычные ботинки. Одна из полок была забита упаковками с бельем, здесь же нашлись мыльно-рыльные принадлежности. Неведомые интенданты не забыли даже про спортивный костюм и легкие кроссовки. Разместив здесь же собственный багаж, наткнулся на очень нужную вещь – специальный ранец для переноски кота. Хмыкнул удивленно, сделав зарубку на память – познакомиться со снабженцем. Видать, предусмотрительный мужик, может полезным оказаться.

Поразмыслив, в общий душ я решил пока не ходить и ограничился кабинкой в санузле. Освежившись, влез в новенький мундир цвета хаки, примерил ботинки – в самый раз, разношивать не придется, нахлобучил пилотку и выбрался в кают-компанию. Здесь я неожиданно наткнулся на Галю – та воевала со старинным баром, безуспешно пытаясь добыть из специального отделения кубики льда. Девушка была настолько поглощена этим занятием, что не обратила на мое появление внимания. Именно этим можно было объяснить столь странную реакцию – любая другая давно бы уже попыталась спрятаться или хотя бы прикрыться чем-нибудь. Видимо, Галину жажда начала мучить в процессе приема ванны, и она отправилась за питьем, накинув сверхкороткий халатик, практически ничего не скрывавший. А зрелище завораживающее, должен признать, особенно с учетом позы. Подавив острое желание завалить девушку на пол и овладеть ею в характерной позиции, я показал Петровичу кулак и деликатно кашлянул. Галя выронила изящный ледоруб, взвизгнула и попыталась одновременно одернуть халатик и сделать непроницаемое лицо. Удалось ей это, прямо скажем, не очень. Я вежливо отвел взгляд, и девушка исчезла за дверью каюты, мелькнув напоследок почти всеми прелестями – полы халатика «одно название» взметнулись от стремительного движения.

– А соседка у нас очень даже ничего, – задумчиво пробормотал я, опустившись в занятое Петровичем кресло. – Видел, какая... хм?..

Кот согласно заурчал и выдал совсем уж непристойную картинку.

– Но-но-но! – хмыкнул я, почесывая питомца за ухом. – Потихе на поворотах. Это ты у нас реактивный, а мне спешить некуда. Буду наслаждаться процессом.

Петрович фыркнул и подергал щекой – типа ну и дурак! Тут я с ним однозначно не согласен, но и развивать тему не стал: во-первых, бесполезно, во-вторых, уже некогда – Галя снова впорхнула в кают-компанию, на этот раз в более приличном облачении. Впрочем, облегающий спортивный костюм позволил в полной мере оценить фигуру девушки, и отворачиваться я, понятное дело, не спешил.

– Ой, а ты чего это в форме? – удивилась Галя, вновь склоняясь над баром.

– Вообще-то я на службе, – не сводя взгляда с упругих округлостей, объяснил я. – С восьми утра до шести вечера по корабельному времени. Так что обязан соответствовать. Ты, кстати, чем планируешь заняться?

– Спать пойду, – зевнула девушка, наполняя высокий стакан льдом. – Еще чуток в ванне полежу, и на боковую. Ты в душевую не заходи ближайший час, пожалуйста.

– А как же знакомство с коллегами?

– До завтра потерпит, – отмахнулась Галя. – И вообще, я акклиматизацию плохо переношу, лучше всего помогает здоровый сон часов этак пятнадцать. Так что завтра к утру буду в форме.

– А я, пожалуй, пойду начальство поищу...

Закончить фразу я не успел – ожил большой экран на стене, и сурового вида дядька в форме с погонами капитана первого ранга возвестил:

– Внимание экипажу! Приказываю всему персоналу, кроме дежурной вахты, оставаться в жилых блоках! Настоятельно рекомендую в ближайшие пять часов не удаляться от кают: возможны незапланированные перегрузки в связи с ходовыми испытаниями. Об изменении режима будет сообщено дополнительно. Игнорирование приказа будет караться арестом сроком до трех суток.

Дядечку сменила миловидная стюардесса – местные сетевики запустили стандартный обучающий ролик. Как пользоваться противоперегрузочным модулем я и так знал, а посему, обменявшись с Галей недовольными взглядами, вырубил информсистему.

– Все планы коту под хвост, – вздохнул я, проигнорировав возмущенный Петровичев мям. – Я так понимаю, мы только что видели самого капитана Яковлева. По слухам, он дядька серьезный, так что лучше сидеть в блоке.

– Я, собственно, так и хотела поступить, – рассмеялась Галя. – Если бы так в сон не клонило, с удовольствием разделила бы с вами компанию.

– Кстати, заметила – ты с нами уже минут десять болтаешь, и ни разу не чихнула! – Я подхватил Петровича на руки и подошел к девушке: – Погладь кота! Ему понравится.

Галя с сомнением посмотрела на моего питомца, потом на свою руку, но все же потянулась к нему и несмело провела ладонью по гладкой шерсти. Я представил давешнего белого котенка, и Петрович включил урчальник, одарив девушку фирменным взглядом а-ля глазастый обаяшка. Галя улыбнулась и склонилась над котом, все более уверенно погружая пальцы в подшерсток. Пахло от нее приятно – не успевшей обсохнуть кожей и влажными волосами, и я едва сдержался, усилием воли погасив зародившееся было желание. Сволочной Петрович воспользовался случаем и послал мне самую похабную картинку из своей обширной коллекции, но я не сплеховал и в отредактированном виде отфутболил ее обратно. На сей раз главным героем был некий рыжий кот, причем выступал он в качестве пострадавшей стороны. Петрович коротко взмякнул и дернул хвостом, но с рук не прыгнул – он хоть и сволочь, но роль свою знает: не первый раз таким макарон фемин обольщаем.

– Я спать. – Галя зевнула, прикрыв рот ладошкой, и почесала напоследок Петровича за ухом. – Завтра увидимся. Пока, мальчики! – пропела она уже от двери и скрылась в каюте.

Я бросил пилотку на журнальный столик, рухнул в кресло и хлопнул по ляжке. Петрович моментально устроился на законном месте и подставил холку.

– Все идет по плану! – провозгласил я, поглаживая напарника. – Рядовой Петрович! От лица командования выношу вам благодарность! Завтра действуем в том же духе.

**Окрестности системы Росс-614,
исследовательская база «Да Винчи»,**

31 июля 2537 года

Следующий день прошел в трудах и заботах. Утром, не успев я еще толком умыться, как пришло сообщение от некоего майора Исаева с предписанием явиться к девяти часам на брифинг. Порывшись в корабельной сети, я выяснил, что данный товарищ являлся первым замом начальника экспедиции капитана первого ранга Яковлева и по совместительству командиром батальона Охотников, к которому я был приписан согласно контракту и, соответственно, находился в прямом подчинении у майора, равно как и остальные двое Егерей. Поэтому, наскоро позавтракав, я облачился в форму, сунул Петровича в ранец и отправился знакомиться с начальством. Батальон занимал всю жилую палубу номер два, которая относительно нашей располагалась пятью уровнями ниже, но заблудиться я не мог при всем желании: за ночь мой инфор синхронизировался с корабельной сетью, так что я прекрасно ориентировался в хитросплетении коридоров и обширных залов. Тем более что большую часть пути одолел на скоростном лифте и лишь в расположении немного поплутал, пока нашел брифинг-зал, дверь которого была украшена цифрами «209». Прибыли мы с напарником даже раньше назначенного срока, но оказались одними из последних: в полупустом помещении уже разместилось полтора десятка офицеров во главе с майором Исаевым, который на мою попытку вытянуться и доложить о прибытии ответил раздраженным жестом – садись, мол. Я и устроился рядом с двумя парнями в хаки.

– Капитан Иванов, – сунул мне руку ближайший.

– Старший лейтенант Петров, – последовал его примеру сосед.

– Лейтенант Денисов, – хмыкнул я и плюхнулся на соседний стул ранец с питомцем. – А это Петрович. Будем знакомы, коллеги!

– Что-то мне лицо твоё знакомо, лейтенант, – буркнул Иванов и осклабился, рассмотрев выглянувшего из ранца Петровича: – Точно, видел я вас уже.

– Ага, вы мне тоже знакомым показались, товарищ капитан! – Я легонько хлопнул питомца по ушам, и тот послушно скрылся в с глаз долой. – Скорее всего, на Болле виделись. Мы с Петровичем там целый год по полигонам мотались.

– Давай без чинов и на «ты», – отмахнулся Иванов. – Все свои, в конце концов. Николай. Я повторно пожал руку капитана и представился в ответ:

– Олег. А Петрович он Петрович и есть.

– Алексей, – улыбнулся старлей и погладил неугомонного котяру.

Любопытство победило, и Петрович, несмотря на предупреждение, снова высунулся из укрытия и принялся внимательно изучать присутствующих. Я собрался было загнать питомца назад в ранец, но не успел: майор Исаев, видимо, решил, что все в сборе, и открыл собрание деликатным покашливанием.

– Товарищи офицеры! Приветствую вас на борту базы «Да Винчи». Нам предстоит несколько месяцев работать вместе, так что без стандартной процедуры знакомства не обойтись. Собственно, для этого я вас и собрал.

Зал отозвался сдержанным гулом: насколько я понял, большинство присутствующих представляли славный корпус Егерей и прекрасно друг друга знали, поскольку служили в

одном батальоне. Разбавляли компанию трое офицеров в синей флотской форме да мы с коллегами, выделявшиеся пятном цвета хаки на фоне стандартного охотничьего камуфляжа. Исаев поднял руку, призывая аудиторию к порядку, и перешел от общих фраз к конкретике. Больше для проформы он представил своих ротных, обделив вниманием командиров взводов, откомендовал прикомандированных летунов и, наконец, добрался до нас. Иванов с Петровым особых эмоций не вызвали, разве что кто-то хохотнул сдавленно, а вот Петрович народ заинтересовал – мне еле удалось отбрехаться, и то благодаря майору. Покончив с рутиной, Исаев отпустил подчиненных, а нас с коллегами попросил задержаться. Мы, понятное дело, возражать не стали, лишь пересели поближе к трибуне.

– Предлагаю не тратить время на формальности, – сказал майор, – и сразу приступить к делу. Досье ваши я читал, так что давайте определимся с задачами. Вы все трое прикомандированы к моему батальону и находитесь в моем непосредственном подчинении. Задачи в боевой обстановке ставить имею право только я, так что можете смело посылать любое должностное лицо, включая Яковлева... ко мне, скажем так. Через мою голову прыгать не позволено никому. С этим все ясно?

Мы синхронно кивнули.

– Лейтенант Денисов с напарником формально прикреплены к биологической лаборатории профессора Накамуры, а фактически, прежде чем соглашаться с требованиями ученых, вы, лейтенант, обязаны согласовать действия со мной. Это понятно? Хорошо. На довольствие все встали?

– Я не успел, товарищ майор, – признался я. – Меня на седьмой палубе разместили, вместе с биологами.

– Я распоряжусь насчет вас, – пообещал Исаев. – После обеда найдете в распоряжении прапорщика Щербу, он все решит. Оружие, боеприпасы и снаряжение получите у него же. Конечно, хорошо бы вас к нам перевести, в «двойку», но, боюсь, свободных кубриков нет, последний ваши коллеги заняли.

– Мы с Петровичем потерпим.

– С режимом работы ознакомитесь в распоряжении. Ближайшие двое суток, пока идут ходовые испытания, считайте увольнением. Дальше работаем по расписанию. Материальная база и тренировочный комплекс будут в вашем распоряжении. Вы ведь из отпуска только что? Вот как раз и придете в форму.

На этом майор посчитал разговор завершенным, и мы покинули брифинг-зал. Но расходиться не спешили – Иванов на правах старшего по званию увлек нас в какой-то закуток, дабы не путаться под ногами у служивых, и озвучил вертевшуюся у всех троих на языке мысль:

– Я так думаю, коллеги, обмыть знакомство не помешает. Предлагаю вечером у нас.

– Стремно, – усомнился я. – Вы же на этой палубе квартируетесь? И начальство под боком, и личный состав смущать не хочется. Давайте лучше у меня. Там все равно одни гражданские, и с Охотниками они вряд ли пересекутся за время полета.

– Разумно, – согласился с моим планом Петров. – На «развлекалочку» идти бессмысленно, там еще ни одно заведение не работает. Бухло где будем брать?

– Эх, Леша, Леша, – укоризненно покачал головой Иванов, – сколько раз тебе говорить: энзэ непременно должен быть в тревожном чемодане.

– У меня мини-бар в каюте.

Коллеги смерили меня изумленными взглядами, и капитан жизнерадостно заржал:

– Вот это тебе повезло! Да и нам, если на то пошло, тоже. Может, у тебя там еще пара девчонок знакомых найдется?

– К сожалению, только одна, – вздохнул я. – И она уже занята.

– Когда успел? – поразился Петров.

– Собственно, еще не успел толком...

– Но виды имеешь, – понимающе хмыкнул Иванов. – Ладно, не претендуем. По сведениям из надежного источника, в научной части шестьдесят процентов состава – женщины. Что особенно радует, много молодых и незамужних.

– Вечером у меня, – подвел я итог беседе и попросил: – Мужики, проводите к прапору, Щерба который. Не хочу на потом дела откладывать.

– Не вопрос, пошли.

Окрестности Системы Росс-614,

исследовательская база «Да Винчи»,

1-7 августа 2537 года

Вчерашняя вечеринка удалась на славу. Покончив с малоинтересными заботами вроде общения с прапорщиком-снабженцем, я вернулся в каюту, где и наткнулся на заспанную Галю. Та перспективу вечерних посиделок восприняла с энтузиазмом и обещала принять посильное участие. Как выяснилось, в ее понимании это немного отличалось от моей интерпретации: я всего лишь рассчитывал, что она посидит с нами часок-другой, но девушка отнеслась к задаче серьезно и зазвала в гости троих коллег женского пола и уже знакомого мне Викентия. Галины подружки оказались особами во всех отношениях приятными, так что Иванов с Петровым остались довольны. Впрочем, мне в этот вечер ничего не обломилось, да я особо и не стремился к результату. Куда спешить, собственно? Две недели безделья впереди, все вечера свободные. Вот и займусь. А потому мы больше налегали на горячительные напитки и разнообразные закуски, добытые рачительными девчонками, так что к полуночи мой минибар практически опустел. Вопреки ожиданиям, обошлось без последствий, только Петровича всю ночь мучила жажда после схомяченного недельного запаса стружки кальмара.

А на следующий день начались суровые трудовые будни. Мы с напарником чуть ли не круглосуточно пропадали на первой палубе, отведенной под тренировочную базу, и посвящали все свободное время тренировкам. Коллеги частенько к нам присоединялись, особенно в тире и на татами, да и гимнастическим ковром не пренебрегали, уделяя немало внимания специфическим егерским дисциплинам типа фрирана. Еще были ежедневные теоретические занятия: мы тщательно штудировали собранные рейдером данные о Находке, особенно нас интересовали флора и фауна. Как ни крути, а именно Егерям предстояло первыми ступить на поверхность планеты. Автоматические зонды не в счет.

Галя Рыжик прописалась в лаборатории. Она быстро нашла общий язык с коллегами и просто влюбилась в нового научного руководителя – профессора Накамуру. Однажды даже зазвала его к нам в блок, благо идти было недалеко. Сухонький японец неопределенного возраста и на нас с Петровым произвел благоприятное впечатление, что радовало – все-таки наш прямой работодатель, что бы там ни говорил майор Исаев. По его задачам мы в лучшем случае месяц после высадки будем работать, а как суэта первых недель закончится, однозначно львиную долю времени придется ищачить на ученых. По этой причине я и не стал форсировать развитие отношений с Галиной, а предпочел вечерами зависать в компании молодых биологов, в которой у меня вдруг обнаружился неприятный конкурент. Произошло это на первых же совместных посиделках, на третьи сутки полета, когда ходовые испытания успешно завершились и комплекс вышел на разгонный курс – до точки перехода предстояло добираться почти неделю.

Этого парня я заметил сразу: высокий, широкоплечий, смазливый, но какой-то гниловатый, что ли... Не вписывался он в нашу компанию и на фоне смешливых девчонок и нескольких парней-ботаников смотрелся чужеродным элементом, как шикарный «роллс» на бесплатной стоянке у супермаркета. Наверное, этим самым «роллсом» он себя и считал, поскольку взирал на мир с постоянной брезгливой миной и общался с ребятами не то чтобы свысока, но некое пренебрежение чувствовалось. Видно было, что пытается держаться с нами наравне, но то и дело проглядывала в нем этакая аристократическая высокомерность. Усиливала неприятное впечатление слегка оттопыренная нижняя губа – совсем чуть-чуть, едва заметно, однако эта деталь навсегда запечатлела на лице парня капризное выражение. Вместе с тем симпатичный блондинчик имел у дам успех, и не только благодаря внешности – мозгами Всевышний его тоже не обидел. В процессе общения я выявил еще одно несоответствие: острый ум скорее характеризовал его как талантливого управленца, а не как холодного аналитика или увлеченного теоретика. Таково было первое впечатление, и оно еще более усилилось из-за реакции Гали: та при виде незнакомца вздрогнула, и я это прекрасно почувствовал, поскольку проявил галантность и в этот момент вел ее под руку.

– Ты его знаешь? – шепнул я ей на ушко, но девушка лишь покачала головой, не желая вдаваться в подробности.

Парень же широко улыбнулся и направился напрямик к нам.

– Привет, Галь! – Он без стеснения чмокнул ее в щеку и переключился на меня: – Королев, Евгений! С кем имею честь?

– Денисов, Олег, – в тон отозвался я. – Егерь-фелинолог, приписан к лаборатории Накамуры.

– Значит, коллеги! – расплылся в улыбке Королев, отчего я с трудом сдержал язвительную усмешку. – Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, заместитель профессора. Будем работать вместе.

– Рад, – буркнул я. – Галь, давай знакомь с остальными коллегами.

Я демонстративно увел девушку к столу, но заместитель профессора Накамуры намек не понял или не захотел понять – и весь вечер пытался подбивать к Гале клинья. Я не препятствовал, хотя и видел ее неоднозначную реакцию, но не на той еще стадии наши отношения, чтобы предъявлять на нее права. Она мне еще повода не дала по большому счету. Так что Галину я отпустил, и вечер мы провели фактически порознь: я в компании Викентия отдавал должное горячительным напиткам, а она сплетничала с подругами да с присоединившимся к ним Евгением. Петровичу этот тип, кстати, тоже не понравился, и он недвусмысленно дал понять, что готов поддержать любую каверзу, но я пока запретил рыжему негодяю своевольничать. Он обиделся и устроился на коленях у Гали: дескать, сам дурака валяешь, так хоть я девушку в обиду не дам. Та про свою аллергию благополучно забыла, увлеченная разговором. Я между тем принялся наводить справки, благо отличный источник информации находился прямо под боком. Викентий и сам прекрасно видел мою заинтересованность, а потому отпираться не стал и выложил все, что знал. Как я и предполагал, Женечка Королев оказался из породы карьеристов: его отец был шишкой в департаменте науки и курировал сектор естествознания. Сын пошел по его стопам и готовился стать научным функционером, для чего последовательно проходил все ступени карьерного роста: университет, аспирантура, а вот теперь докторская под руководством некоего профессора Равиковича, широко известного в узких кругах благодаря специфическим услугам, предоставляемым за определенную плату. Грубо говоря, Викентий чуть ли не открытым текстом сказал, что диссертацию за Женечку пишут специально обученные люди, а в экспедицию он отправился из сугубо меркантильных соображений – портфолио набирать. Согласитесь, солидно звучит: участник Первой Дальней! Именно так, с большой буквы, с легкой руки досужих журналистов стала известна наша миссия во Внутренних системах.

В последующие дни Галя несколько оживилась, но комментировать свое поведение отказалась. В дальнейших посиделках она уделяла равное внимание нам обоим, но я то и дело ловил ее странные взгляды, которые она бросала на Евгения. Однако больше ничего выяснить не удалось, поэтому я плюнул и решил вести себя естественно. А там и первая неделя закончилась.

Станция «Да Винчи» вышла к точке перехода.

Глава 2

Там, на неведомых дорожках

Окрестности системы HD 44594,
исследовательская база «Да Винчи»,

15 августа 2537 года

Неделя после прыжка прошла практически незаметно, заполненная рутиной обычного космического перелета, с поправкой на специфику крупного корабля с многочисленной смешанной командой. Как и предполагалось, «Да Винчи» вывалилась из гиперпространства довольно далеко от Системы, и остаток пути пришлось преодолевать на маршевых двигателях, к чему все были заранее готовы. Знакомый навигатор, с которым мы пересеклись на почве увлечения «рукопашкой», по секрету поведал, что кап-1 Яковлев специально задачу поставил таким образом, чтобы было время на предварительный анализ обстановки. Исследовательская база корабль очень специфический, а тем более в столь почтенном возрасте. Двигатели мощностью не поражают, скорость тоже по современным меркам черепашня, поэтому нам, можно сказать, повезло: точка выхода из прыжка с учетом погрешности (да-да, маяки от неточностей на таких расстояниях не избавляли) расположилась очень удачно. Прикинув так и этак, штурман предложил начальнику экспедиции к Системе выходить под углом к плоскости эклиптики, дабы избежать сложного маневрирования в зоне внешних планет, пусть и с перерасходом энергоресурсов. Капитан согласился. Задача и правда оказалась нетривиальной: планетная семья звезды HD 44594 была представлена пятью объектами, три из которых – газовые гиганты сравнимых с Юпитером размеров – располагались как раз на задворках Системы на небольших расстояниях друг от друга, не более полутора астрономических единиц. Такое их размещение являлось причиной значительных гравитационных возмущений, для громады базы весьма и весьма неприятных. Группа планет-гигантов от собственно Находки – землеподобной планеты в «поясе жизни» – отстояла на пять с небольшим астрономических единиц, и между ними массивные объекты отсутствовали, что компенсировалось сразу двумя поясами астероидов. Пятая планета находилась почти у самой звезды, даже ближе, чем Меркурий к Солнцу, и интереса не представляла. У одного из «толстяков» наличествовала целая когорта спутников, причем два достигали размеров Марса и потенциально подходили для терраформирования. С учетом предложенной штурманом траектории база пересекала плоскость эклиптики как раз между ближним поясом астероидов и Находкой, после чего еще пару стандартных суток должно было уйти на сближение с планетой и выход на геостационарную орбиту.

Собственно, сегодня первый этап и закончился: база стабилизировалась в гравитационном поле Системы и вышла на траекторию сближения с Находкой, по случаю чего начальство объявило общий сбор – объединенными усилиями научной части, летунов и Егерей предстояло определить оптимальную точку высадки исследовательской команды. Я, как непосредственный участник этого события, в предстоящем обсуждении намеревался принять активное участие, для чего последнюю пару дней усиленно изучал спутниковые карты планеты. Коллеги Иванов с Петровым занимались тем же – именно нам троим предстояло первыми ступить на поверхность планеты... Ах да, Петровича забыл. И только после этого будет развернут малый

эксплорер-комплекс и начнется стартовый этап освоения нового мира. К такому меня готовили предыдущие семь лет, но настроение было паршивым: я то и дело срывался на самокопание и самобичевание, плавно переходящие в самосуд. Блин, не слишком ли много этих самых «само»? Впрочем, причина была объективной: не далее как вчера вечером я крупно повздорил с Женечкой Королевым.

А началась эта история третьего дня с вечернего разговора с Галей. Та против обыкновения не отправилась сплетничать с подружками, а составила компанию нам с Петровичем. Вообще, всю неделю после прыжка вела она себя довольно странно – вроде и сблизиться не давала, но и не отталкивала окончательно, с удовольствием болтая со мной на отвлеченные темы. Один раз даже затащила на посиделки, но в смешливой компании я оказался предоставлен самому себе, пока не появился Викентий. Он-то меня и просветил насчет Галины: как оказалось, она уже несколько вечеров кряду охаживала того молодого и перспективного биолога по имени Евгений. Но я и сам все прекрасно видел, а потому очень удивился, когда через пару дней она внезапно осталась вечером в блоке и принялась изливать душу. По ее словам выходило, что Королева она знала еще по университету – тот учился тремя курсами старше и уже тогда считался завидной партией. Не обделенный девичьим вниманием, на ухищрения молоденькой первокурсницы Евгений никак не реагировал, чем еще больше распалял ее. Закончилось все это тем, что Галя едва не попала из-за неразделенной любви в больницу. Примерно тогда она решила не размениваться на такие мелочи, как любовь и грязные самцы, и начала использовать нашего брата по прямому назначению – то есть превратилась в обычную стерву. К пятому курсу она стервозностью благополучно переболела и немного остепенилась, но и по сей день случались рецидивы – наше с ней знакомство тому пример. Сейчас же забытые чувства вспыхнули в ней с новой силой. Она пыталась сопротивляться, ибо гордость не позволяла стелиться перед мужиками, но влечение оказалось сильнее.

Признаться, выслушивать все эти бредни мне было не очень-то приятно. Мало того что я и сам имел на Галю виды, так еще и понимал подноготную ситуации: не в любви тут дело, а в элементарном желании доказать, что она тоже не лыком шита. Попытки оправдаться чувствами и гордостью выглядели со стороны нелепо – типичная ситуация из дешевой молодежной комедии: вот назло всем соблазну самого видного парня! Но куда больше меня беспокоил тот факт, что я перешел из разряда «неплохого варианта» в разряд подружки, которой не грех поплатиться в жилетку. Обуреваемый противоречивыми чувствами, в тот вечер я свел все в шутку, вовремя сместив Галино внимание на Петровича. Как я и предполагал, мнимую аллергию как рукой сняло, и мой питомец с девушкой подружился, чего за ним давненько не наблюдалось.

А вчера ситуация получила не самое приятное развитие. Я занимался в общем тренажерном зале седьмой палубы, и сам не заметил, как остался в компании Королева. Всю тренировку Галя вертелась возле него: у них по плану была анаэробная нагрузка, и девушка крутила педали велотренажера рядом с Женечкой, наматывавшим километры на беговой дорожке. Наверное, я немного ослабил самоконтроль, потому что Королев заметил взгляды, которыми я одаривал Галю, – та в облегающих велосипедках и легкомысленном топики выглядела весьма аппетитно.

– Нравится? – без предисловий хмыкнул Евгений, кивком указав на велотренажер. Галя уже упорхнула в душ, но я его понял. – Согласен, соблазнительная цыпа. А я ведь ее в универе не замечал. Вернее, мне на нее плевать было, и других хватало.

– Ты это вообще к чему? – прикинулся я простаком.

Не люблю, когда люди мое личное пространство нарушают, а Королев пересек незримую границу: я сидел на скамейке у стойки со штангой, а он остановился в шаге, набросив на шею полотенце. Футболка его пропиталась потом, светлые волосы слиплись, но уставшим он не выглядел.

– Я же вижу, что она тебе нравится, – ухмыльнулся биолог. – Не парься, будет и на твоей улице праздник.

Я с трудом сохранил нейтральное выражение лица и задумчиво проронил:

– А у нее это серьезно. Не боишься последствий?

– Какие, на хрен, последствия! – беззаботно махнул рукой Женечка. – Поматросил, как говорится, и бросил. Через месяц-другой тебе достанется, не переживай!..

Хрясь! Мой кулак с размаху впечатался в челюсть биолога, опрокинув того на пол. Я и сам не заметил, как успел вскочить и от души оприходовать парня: только что сидел на скамейке, медленно закипая, и вот уже стою на ногах над поверженным противником, тупо уставившись на рассаженную костяшку. Королев был ошеломлен не меньше и непонимающе вертел головой в попытке сфокусировать взгляд. В происходящее он поверил не сразу: как это так, какой-то худосочный дрищ сбил его, такого большого и сильного, с ног? Да как он посмел?! Биолог глухо рыкнул и ринулся на меня, ловко вскочив с пола, но я уже оправился от потрясения и встретил его новым ударом, на этот раз точно рассчитанным: правой в солнечное сплетение. Вертикальный кулак жестко врезался в мускулистый торс, но я вложил массу и энергию встречного движения и легко пробил мышечный каркас. На рефлексе занес бедро, выводя правую ногу на хай-кик, но в последнее мгновение остановился – хватит с него. Парень согнулся, хватая ртом воздух, а я поспешил убратся из спортзала: не хватало еще в полноценную драку ввязаться. Чтобы выстоять против такого бегемота придется всерьез выложиться. И в этом случае тяжелых телесных не избежать, а мне лишние неприятности ни к чему.

Вернувшись в собственную каюту, я забрался в душ, где проторчал против обыкновения почти четверть часа. Настроение было препаршивое. Не столько из-за Женечки (мразь она мразь и есть, в любых условиях), сколько из-за того, что потерял над собой контроль. И это совершенно точно, без дураков. Первый удар был неосознанным, а потому на редкость непрофессиональным: я просто дал человеку в морду с намерением его унижить. Не вырубить, не обезвредить на какое-то время, а именно для того, чтобы продемонстрировать свое отношение к происходящему. Это потом я его встретил с максимальной эффективностью при минимальных последствиях для здоровья. Обидно все-таки и за себя, и за Галю. Плюс еще толика злости на глупую и стервозную девчонку. Да, еще про уязвленную гордость не упомянул. Короче, полный набор. Постояв напоследок под холодными струями, я приказал себе забыть о происшествии и вышел из душа.

Но на этом мои неприятности не закончились. Где-то через час я ухитрился нарваться в кают-компанию на Галю, и та обдала меня такой волной презрения, что мне стало не по себе. Вот умеют же бабы так одним взглядом приложить, что потом себя ощущаешь как минимум помойным ведром. Она не сказала ни слова, но дверью хлопнула громко – не знаю по какой причине, но древние проектировщики отказались в жилых помещениях от сдвижных вбок створок. Я же выматерился про себя и ушел спать. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: девушка на выходе из душа столкнулась с невинно пострадавшим Женечкой и все поняла – все-таки не дура. И плевать ей на причины, ведь я покусился на объект ее желания, а посему не достоин жить с ней на одной планете. Тьфу, мать ее! Хрен с ней, пускай сама разбирается. Прибежит потом в жилетку плакаться, да поздно будет, пошлю далеко и надолго. Или не пошлю? А вот работать вместе все равно придется, так что проблем не избежать.

Нынешний день облегчения не принес – на душе было пакостно, так и тянуло нырнуть в бар, но я пересилил себя, чему в немалой степени способствовал приказ явиться на расширенный брифинг. Сейчас я как раз подходил к конференц-залу на четвертой палубе, но особой суеты в коридоре не наблюдал. В самом зале обстановка тоже не вызывала беспокойства – успевшие прибыть раньше коллеги чинно расселись за огромным столом, однако кап-1 Яковлев пока отсутствовал. Я присел рядом с коллегами-Егерями, пожал им руки и лениво поинтересовался:

– Я ничего не пропустил?

– Расслабься, – хмыкнул Коля Иванов. – Сейчас главный подойдет, тогда и начнется мозготраханье.

– Ага, пока что даже Исаева нет, – подтвердил Леха Петров. – И Вяземский где-то ходит.

Знаменитый на всю Федерацию ксенобиолог Родион Ефимович Вяземский возглавлял научную часть экспедиции, даже мой номинальный начальник, профессор Накамура, находился у него в подчинении. Я окинул заинтересованным взглядом стол. Действительно, главных действующих лиц не наблюдаю, в основном смутно знакомые руководители среднего звена, и военные, и гражданские. Вон Накамура как раз на противоположном конце стола устроился рядом с такими же, как он, биологами. Знакомый навигатор в компании штурмана, кап-2 Терещенко, рядом парни из батальона – трое ротных и зампотыл. Кто-то от летунов, на погонах по два просвета и две больших звезды. Ученых, конечно, поболее, чем нашего брата. Экспедиция у нас комплексная, так что тут каждой твари по паре: и биологи, и геологи, и планетологи, и... Да кого только нет, короче.

Дверь утонула в переборке, и мы поспешно вскочили, приветствуя появившееся наконец начальство. Капитан первого ранга Яковлев ответил стандартным «здравия желаю, товарищи офицеры!» и кивком разрешил садиться. Личный состав принялся греметь стульями, а Яковлев в компании с Вяземским и Исаевым заняли места во главе стола.

– Итак, господа, – взял слово начальник экспедиции, – сегодня мы собрались, чтобы обсудить несколько важных вопросов. Повестка дня у вас на мониторах, прошу ознакомиться. Предлагаю следующий регламент: прежде всего определимся с основными задачами первого этапа работы в Системе. Главный вопрос – место высадки передовой разведгруппы. Затем пробежимся по графику работы экспедиции в целом и перейдем к частностям, но их мы уже обсудим в узком кругу ответственных лиц. Возражения? Возражений нет. Переходим к первому пункту повестки дня. Родион Ефимович, прошу вас.

– Кхе-кхе, – прочистил горло ученый. – Уважаемые коллеги, вы, несомненно, уже изучили имеющиеся материалы, поэтому вдаваться в подробности не буду. С требованиями научной части все ознакомились, так что обойдусь тезисами. Как всем известно, Находка – характерная планета земного типа, именно этим она и ценна. Тем более приятно, что по таким параметрам, как климатические условия, сила тяжести и длительность суток, она отличается от нашего материнского мира очень незначительно. Единственное важное несоответствие – вместо спутника у планеты имеется пылевое кольцо, как у Сатурна. Видимо, в далеком прошлом местная луна по какой-то причине была разрушена, и из ее обломков оно и образовалось. В связи с этим метеоритная опасность несколько выше, чем на Земле, однако все сколько-нибудь крупные обломки давно уже рухнули на поверхность Находки, а оставшиеся всего лишь вызывают частые метеоритные дожди. Общий фон весьма благоприятный – на планете имеются высокоразвитые белковые формы жизни, достаточно воды и есть озоновый слой, предохраняющий поверхность от действия жесткого излучения звезды. Атмосфера идеально подходит для человека, по составу отличается от земной незначительно. Вредных примесей в местном воздухе не содержится. Микрофлора умеренно агрессивная, ничего такого, с чем не справится универсальный антидот. Самых больших неприятностей можно ожидать от фауны: первичное сканирование было поверхностным, мы не получили и сотой доли необходимой информации. Поэтому наибольшее значение будет иметь мнение уважаемых представителей корпуса Егерей – именно им придется столкнуться с агрессивными животными, если таковые обнаружатся. Со своей стороны могу высказать лишь одно пожелание: наибольший интерес для представителей естественных наук будет иметь, несомненно, экваториальный пояс.

– Спасибо, Родион Ефимович, мы вас поняли, – поблагодарил оратора Яковлев. – Иван Викторович, вам слово.

Командир летунов поднялся со своего места и высказался предельно кратко:

– Мы проанализировали метеообстановку за последние полгода. Трудностей высадка не представит. Обеспечим доставку грузов и персонала в любую точку планеты в кратчайшие сроки.

Яковлев кивнул, сделал пометку в архаичном блокноте.

– В таком случае, коллеги, послушаем главных заинтересованных лиц. Прошу вас, Андрей Михайлович.

Майор Исаев обошелся буквально парой слов:

– Предлагаю дать слово командиру разведгруппы капитану Иванову.

Николай поднялся как по команде и принялся бодро излагать наши общие соображения:

– Уважаемые коллеги! Мы тщательно проанализировали доступную информацию и пришли к следующему выводу: первую высадку следует осуществить в умеренных широтах южного полушария. Там сейчас начало лета и сюрпризы от погоды маловероятны. Таким образом, мы сразу же исключим влияние экстремальных условий окружающей среды. В качестве конкретной точки высадки мы предлагаем вот этот полуостров, обратите внимание на отметку.

Я обстановку представлял хорошо – недаром мы с ребятами несколько часов кряду просидели над спутниковыми картами, – но все равно на автомате скосил глаза на дисплей с объемной моделью Находки. Повинуясь манипуляциям капитана, камера нырнула из верхних слоев атмосферы ближе к поверхности, шар планеты повернулся на несколько градусов, и объектив сфокусировался на северной оконечности небольшого материка, скорее даже огромного острова вроде земной Австралии. Здесь береговую линию рассек глубокий и узкий залив, отделивший от основного массива довольно широкую полосу земли, километров сто в поперечнике.

– На наш взгляд, место для первой высадки идеальное, – продолжил Иванов. – Климат тут должен быть приморского типа, что не исключает штормов и ураганов, поэтому базу расположим в глубине полуострова. Дождь и грозу переживем, зато не будет проблем с обеспечением базы: это лесостепная зона, здесь большое количество рек и озер, а флора и фауна более приветливые, чем в тропических джунглях. Вместе с тем они дадут хорошее общее представление о планете – не мне объяснять ученым принцип аналогии. С точки зрения обеспечения безопасности тоже сплошные плюсы: окружим базу стандартной «оградой», активируем «купол» – на первое время будет достаточно. Вместе с тем из этой точки легко добраться до побережья, что тоже плюс – гидрологи и морские биологи будут довольны. А дальше, как говорится, будет видно. Рекомендации для размещения основного комплекса дадим после первичного обследования планеты, то есть не раньше чем через неделю после высадки. У меня все.

– Спасибо, – кивнул Яковлев. – Уважаемые коллеги, возражения будут?

Возражения конечно же нашлись. В основном недовольство выражали ученые, что для нас сюрпризом не стало. Еще битых полчаса эта братия переливала из пустого в порожнее, но все их претензии разбивались о несокрушимые утесы приведенных Ивановым резонов. В конце концов Яковлеву этот балаган надоел, и он поставил в споре точку.

– С этим вопросом определились. Возражения по существу будут? – выделил кап-1 ключевое слово, но ответа не последовало, и он резюмировал: – Тогда небольшой перерыв, и перейдем к остальным пунктам повестки дня. Не задействованные в дальнейшей работе коллеги могут быть свободны.

Дождавшись, когда начальник экспедиции подаст пример, мы с парнями поспешили покинуть конференц-зал. Против ожидания управились достаточно быстро. Ничего удивительного: летунам по барабану, ученым по большому счету тоже. Они чисто из принципа выступали, а еще из любви к искусству. В основном нам отдуваться да отделению Охотников, что пойдет в усиление. В первой высадке ни один научник не участвует, обойдемся своими силами. Вот когда будут обсуждать место для основного комплекса, дискуссия затянется надолго.

Система HD 44594,

исследовательская база «Да Винчи»,

17 августа 2537 года

За те двое суток, что прошли с памятной говорильни, обозначенной в официальных бумагах как «расширенный брифинг», громада базы преодолела расстояние, отделявшее точку ее выхода в плоскость эклиптики от Находки, и сейчас вращалась вокруг планеты с периодичностью сорок часов, медленно и тщательно сканируя поверхность. Стая юрких спутников и автономных зондов уже покинула трюмы, и накопители центрального вычислителя пухли от обилия информации. Нам же с коллегами в течение ближайшей пары часов предстояло осуществить первую в истории высадку на планету. Событие не рядовое, а потому требовавшее тщательной подготовки. Оружие и снаряжение, за исключением коннектора, хранилось в специально для того предназначенном боксе на второй палубе, и отвечал за это хозяйство тот самый прапорщик Щерба, к которому меня направил при знакомстве комбат.

До последнего момента мы с коллегами торчали в резервном КП Исаева неподалеку от расположения Охотников. Пункт был оборудован по самым современным стандартам, так что работали в комфортных условиях: один из автономных зондов завис непосредственно над районом выброски, и коллега Иванов гонял по гигантскому монитору фотографии в высоком разрешении. Мичман Мохов, командир спускаемого модуля, сидел в сторонке и в процесс не вмешивался – и без него мозги кипели. Петрович ошивался рядом, то и дело отвлекая меня картинками разнообразных каверз в отношении летуна, но я лишь отмахивался. В конце концов он обиделся и устроился на коленях у мичмана, включив урчальник. Но время поджимало, и мы, так и не остановившись на каком-то одном варианте, отправились во владения прапорщика Щербы. Капитан Иванов справедливо рассудил, что на месте будет виднее, и ограничился всего лишь десятком возможных точек высадки, одарив Мохова распечаткой и перегнав файл на терминал навигатора из экипажа мичмана.

В «лабазе», как окрестил острый на язык Леха Петров оружейный бокс, долго не задержались: дело свое прапор знал крепко и снаряжение держал в образцовом порядке. Искусство влезать в скафандр за установленное нормативом время я изучал в академии пять лет, так что трудностей тут не возникло. Избавившись от повседневной формы, я надел термобелье, не забыв про носки, и с некоторым трудом натянул плотно сидящие брюки из усиленной ткани с защитными вставками из прочного пластика. Потом сунул ноги в сапоги и провел ладонью по голенищам, зарастив швы. Как показала многолетняя практика, такая обувь в нашем случае практичнее ботинок: если что и голеностоп зафиксирует, предохраняя от вывиха, и штанины за всякие ветки-колючки цепляться не будут. Именно по этой причине егерский полевой скафандр облегает тело – нам силуэт размывать не надо, как десантуре, и мешковатые комбезы в нашей работе не приветствуются. Попрыгал, присел – нормально, портки движений не стесняют, потому что изготовлены из эластичного материала, то бишь стретч, как выразилась бы Галя. Не откладывая на потом, извлек из кейса коннектор и с негромким щелчком вогнал его в специальные пазы шлема. У коллег по понятной причине таких приблуд не было. Облачился в куртку, натянул перчатки и стал похож на футуристического рыцаря или гонщика-скутериста в защите: в отличие от тех же десантных скафандров, наше снаряжение было очень легким, в первую очередь за счет использования пластиковых броневых вставок, защищавших уязвимые

места. Наколенники и налокотники также были интегрированы в костюм, равно как и небольшие плечевые накладки, которые вкупе с поясом и жгутами псевдомышц в ткани образовывали экзоскелет. У нас задачи иные, нам от пуль защита не нужна, а для зверей и пластика хватит – никакие когти его не возьмут, разве что из спецсплава. Но такие только у людей бывают в виде разнообразного клинкового оружия. Кстати о птичках. Егерь не битюг-тяжеловоз, а потому оружия немного – на левом бедре тесак-мачете из серии «все в одном», на правом – стандартный АПС-17 в кобуре с парой запасных магазинов, на груди наискось рукояткой вниз боевой нож – это мой вариант, а вообще каждый исходит из соображений удобства. Иванов вон ножны на пояс повесил. На спину дейпак с необходимым минимумом, магазины в нагрудные карманы, штуцер на плечо – вроде готов. Ухмыльнулся при виде напарников: покрытие-хамелеон в скучном боксе не работало, и бронепластины отчетливо выделялись на фоне почти черной ткани, превращая нас в этиких кощеев бессмертных с костями наружу. Ничего, как в поле выйдем, всеми цветами радуги будем переливаться в зависимости от окружения. Петрович обзавидует.

Облачившись в скафандры, направились на стартовую палубу, что лежала десятком уровней выше. Лифт неспешно вознес нас почти на полкилометра вверх и выпустил в просторный зал, по которому сновали электрические погрузчики и озабоченные матросы, каковых на гражданских судах принято было величать «менеджерами по внутренним перемещениям грузов». Пришибленный масштабами Петрович не отставал ни на шаг, и к модулю мы подошли тесной кучкой. Здесь нас уже ждали: у гостеприимно распахнутого люка толпились ребята из батальона под командованием кряжистого сержанта средних лет, за которыми присматривал второй навигатор. При нашем появлении он вытянулся во фрунт и объявил, что корабль готов к десантированию и мы можем размещаться в десантном отсеке. Коля Иванов, назначенный командиром группы, кивнул, и мы дружно втянулись в шлюз. Петровича я на всякий пожарный взял на руки.

Внутри оказалось неожиданно тесно – места на всех хватило впритык. Навигатор при виде наших вытянувшихся физиономий хмыкнул и пояснил, что сейчас мы разместились в катере, который будет тянуть за собой кокон спускаемого модуля, при разворачивании на поверхности планеты теряющего мобильность. А сама «тройка» – имен собственных столь крошечные посудины не имели, только бортовой номер – в любой момент сможет отстыковаться и выйти на орбиту либо действовать как атмосферный воздушный транспорт. Впрочем, учитывая возраст базы, в нашем недоумении нет ничего удивительного. В настоящее время в качестве спускаемых аппаратов чаще всего использовались эксплорер-боты – стометровые сигары либо соответствующих размеров диски, а они, как ни крути, были полноценными кораблями. Обострению приступа клаустрофобии способствовали и коллеги-Охотники – по сравнению с нами они выглядели настоящими медведями, едва умещавшимися в противоперегрузочных креслах.

Шлем я пока надевать не стал, потому позвал питомца жестом. Петрович дисциплинированно запрыгнул ко мне на колени, я извлек из кармана приемо-передающий модуль причудливой формы и закрепил на голове напарника. Тот к процедуре был привычен и не сопротивлялся. С ажурным ободом на башке кот выглядел забавно, но то ли еще будет, когда я на него респиратор нацеплю! В нашем деле закон железный: пока не удостоверишься, что дышать можно и ничего тебе за это не будет, ходи в дыхательной маске.

Согнав Петровича на соседнее кресло – единственное остававшееся свободным, – я поудобнее разместил между колен штуцер. Чтоб вы знали, настоящий «меркель», такими только Егерей вооружают. Легкий и относительно компактный, приклад с гидрокompенсатором, но это сейчас стандарт, плюс электронная система наведения. Вундервафля, ага. У ребят из батальона стволы попроще и подешевле. А вот мы с коллегами щеголяем комбинированными двуствольными штуцерами производства всемирно известной фирмы, ведущей свою

историю с девятнадцатого века. Не хочу хвастать, но в родительском доме в гостиной на стене висит пращуровский «меркель» выпуска девяностых годов двадцатого века – в дорогом исполнении, с ложей из натурального ореха, еще пороховой. Отец рассказывал, что слобой этот принадлежал Савве Денисову, знаменитому охотнику, чуть ли не основателю нашего рода. Вот такая семейная реликвия. Мой штуцер совсем не эксклюзив, но тоже любопытный образец оружейного искусства: верхний ствол под унитар 5,45×20, магазин в пистолетной рукоятке, нижний – уже куда серьезней, двенадцать с половиной на шестьдесят. Питание из десятизарядного корбчатого магазина. Оба модуля – полуавтоматы, для крупнокалиберного предусмотрен автоматический режим с отсечкой по два выстрела. Очень удобно, особенно если магазин снарядить УОДами с уэсками через один: любого слона такой гостинец завалит – первым выстрелом остановит и ошеломит, вторым прошьет насквозь.

Пока я пытался устроиться в кресле с максимально возможным комфортом, обосновавшийся в пилотской кабине Мохов объявил по громкой связи:

– Внимание экипажу! Старт через три минуты! Не забудьте пристегнуть ремни!

Наплевав на удобство, я склонился над Петровичем, направил ему успокаивающий импульс и представил кота, распятого на спинке кресла вроде человека со знаменитого рисунка Леонардо да Винчи. Питомец недовольно фыркнул, но распластался на сиденье, чуть ли не растекшись по нему. Я же перетянул напарника парой ремней и отрегулировал длину – все, теперь никакое ускорение не страшно. Помнится, когда мы только начали отрабатывать высадку на тренажере, Петрович возмутился и отказался пристегиваться. Полученный на тренировке опыт намертво ввелся в память, и впредь он мерами безопасности не пренебрегал. Позабывшись таким образом о верном товарище, я и сам поспешил щелкнуть магнитной застежкой, тем более что динамики прохрипели голосом вредного мичмана что-то вроде «до старта тридцать секунд, даю обратный отсчет». Под мерное бухтение Мохова расслабиться не получалось, я инстинктивно ждал удара ускорения в момент срабатывания катапульты и вжимался в кресло – вот такая у меня дурацкая реакция на старт любого корабля. Что характерно, дождался. Сначала, правда, космокатер плавно переместился куда-то вниз и с шипением пневмопривода состыковался со спускаемым модулем, и только потом диспетчер привел в действие катапульту. Как всегда, перегрузка навалилась совершенно неожиданно – от мощного пинка магнитного поля связка «катер – модуль» выскочила из стыковочного узла, как пробка из шампанского. Несколько мгновений было тяжело дышать, потом наш кораблик достаточно удалился от пятикилометрового яйца базы, и Мохов врубил маршевые движки, предварительно кратким импульсом тормозных дюз сбросив скорость до приемлемой. Гравикомпенсатор заработал на полную мощность, так что теперь перегрузки можно было не бояться, хоть модуль и несли к планете, разгоняясь с каждой секундой. Вот минут через двадцать, когда мы войдем в верхние слои атмосферы и начнется торможение, может и приложить нехило, если пилот хоть немного ошибется с траекторией. В принципе, это будет самый опасный момент: если что и случится, то именно в этой фазе полета, и тут нас не спасет даже чудо, просто сгорим в атмосфере. Именно поэтому, да еще из чувства солидарности с питомцем я не стал герметизировать скафандр, поленившись нахлобучить шлем – в случае чего перед смертью не надышишься. Пусть Петрович видит, что я разделяю с ним все тяготы и опасности: для котов герметичный скафандр не предусматривался даже в проекте, потому как работать им приходилось лишь на планетах с благоприятными для белковых организмов условиями. Оно и понятно, хрен ли толку от их обостренных чувств, если они изолированы от окружающей среды? Так что не бывать нам с Петровичем на Марсе. Вернее, побывать-то можно, сунул кота в спецконтейнер – и гуляй, сколько влезет. А вот по профессиональным делам нам такая роскошь не светит.

Между тем модуль проскочил безвоздушное пространство и раскаляющимся с каждой секундой болидом углубился в атмосферу. Тут уже пришлось шлем натянуть – капитан Иванов недвусмысленно приказал. Мой вычислитель сразу же синхронизировался с корабельным

«мозгом» и выдал на забрало живописную картинку: прямо под нами громоздились молочно-белые облака, чуть искаженные слоем раскаленного воздуха. Судя по умеренной вибрации корпуса, траекторию Мохов выбрал удачную, так что преждевременная встреча с ангелами нам не грозила. Петрович требовательно мяукнул, и я поспешил активировать видеоинтерфейс. Из ажурного обруча над его левым глазом выдвинулся прозрачный мини-дисплей с картиной облачного неба. Мысленным приказом я свернул изображение и переместил иконку в верхний левый угол забрала. Теперь у меня перед глазами вместо панорамы кипенно-белых облаков предстало внутреннее убранство десантного отсека и длинный ряд пиктограмм по нижнему срезу экрана. Скрутив правой рукой фигу, я активировал виртуальное рабочее пространство. Помнится, инструктор, побитый жизнью майор Мандрик, долго ржал, когда я впервые использовал подобный жест-ключ. Но на реакцию окружающих чихать, главное, что мне не напряжно. На дисплее появился стандартный курсор, реагирующий на еле заметные движения пальцев, – довольно удобно, и приноровиться к такому типу управления несравненно проще, чем использовать мысленные команды: даже тщательнейшим образом откалиброванный вычислитель реагирует лишь на ограниченное количество таких мыслей-приказов, к тому же в процессе не рекомендуется отвлекаться. Лично для меня проще пальцами дергать, возя курсором по дисплею. Понятно, что без перчаток ничего из этого не выйдет. А вот в боевой обстановке «думалка» конечно же удобнее, но там и команды используются вбитые в подкорку и предельно краткие: «цель», «траектория», «сила», «прыжок»... Фактически вот и весь список.

Двойным кликом развернув небольшую картинку с панорамой набегающей планеты – пусть висит, в обстановке ориентироваться помогает, – я вызвал на дисплей интерфейс коннектора и запустил стандартный тест. В бытность нашу в егерской учебке мы с Петровичем установились на голосовом управлении, и теперь пришлось отключить внешние динамики, чтобы соседей не беспокоить. Видеопоток со встроенной в кошачий ППМ камеры шел исправно, и я разместил второе миниатюрное окошко рядом с первым. Затем принялся вслух произносить команды, наблюдая за Петровичем. Начал с простейших, типа «направо-налево». Удовлетворенно хмыкнул, дождавшись поворотов кошачьей головы. Если разобраться, вся эта хитрая машинерия функционировала на простом принципе: во время длительных тренировок мы с партнером наработывали так называемые якоря: связки «слово – образ» с моей стороны, и «образ – слово» со стороны Петровича. Второе было труднее, так как требовало совместных усилий: кот передавал картинку, я в это время ее расшифровывал и преобразовывал в единственное определение, которое и запоминал вычислитель коннектора. Самым сложным было наработать постоянство «якорей», чтобы определенному слову соответствовала пускай и не статичная, но обладающая хотя бы пятидесятипроцентной идентичностью картинка. Для Петровича это вообще был адский труд: как я уже упоминал, коты-интеллектуалы с абстрактными понятиями не дружили. Зато через год мы стали обладателями обширного «словаря» и могли вполне осмысленно общаться, пускай и предельно короткими рублеными фразами. Выглядело это примерно так: я произносил вслух, допустим, команду «направо», при этом вычислитель передавал Петровичу образ сворачивающего в нужную сторону кота, и тот повторял маневр. Простейшая фраза «Петрович, беги быстрее направо» выглядела серией следующих образов: легко узнаваемая рыжая морда, бегущий кот, кот ускоряющийся, кот, сворачивающий направо. Со стороны напарника подобной четкости мысли добиться было несравненно труднее, а потому и «речь» его воспринималась зачастую куда сложнее. Во многих случаях проще было камеру подключить или напрямую образы воспринимать, без слов.

Время до посадки еще было, вибрация мешала не сильно, так что я принялся развлекаться, заставляя кота вертеть головой и дергать лапами. Терпения у Петровича надолго не хватило, и он принялся раздраженно колотить хвостом по креслу. Когда он уже почти дошел до белого каления, я хмыкнул и отчетливо произнес:

– Киса хочет!

Петрович дернулся, общарил десантный отсек похотливым взглядом, но вожаком кошечки, одолеваемой охотой, не обнаружил. Зыркнул на меня обиженно, и динамики выдали тягучим синтезированным тенором:

– Дуррррак.

В арсенале напарника имелось всего лишь два ругательных слова, но зато на все случаи жизни: вот это самое «дуррррак», когда Петрович сравнивал обзываемого с глупым, как пробка, вислоухим шотландцем по кличке Вискарь, и «мляу», что соответствовало широко известному короткому восклицанию, которое мой питомец использовал во всех остальных ситуациях. Как правило, этот мыслеобраз он сопровождал презрительным либо возбужденным фырканьем.

– Денисов, хорош дурака валять! – вернул меня на грешную землю Иванов. – Присоединяйся, сейчас точку высадки выбирать будем.

Действительно, спускаемый модуль уже добрался до нижних слоев атмосферы и сбросил скорость до минимума, на двух тысячах метров заложив первый круг над предполагаемой зоной приземления. Противная вибрация исчезла, и если бы не картинка с обзорных камер, я бы не смог сказать, движемся мы или застыли на месте. Еще немного, и очередной новый мир падет к ногам человека, хе-хе...

Система HD 44594, планета Находка,

17 августа 2537 года

Сразу определиться с оптимальным местом для будущей исследовательской станции не удалось. Мы минут двадцать метались между тремя равноценными вариантами – круглой полянкой в хорошем таком лесном массивчике, обширной проплешиной в полусотне километров от нее и озером, притулившимся на стыке небольшой скальной гряды, рощи и поля. Все же остановились на последнем. Заждавшийся нашего решения Мохов запустил зонд, и тот удачно воткнулся в почву в центре удобной площадки, на равном удалении от воды, каменюк и деревьев. Потом еще минут двадцать «тройка» нарезала круги, пока бортовой «мозг» обрабатывал результаты телеметрии. Наконец вычислитель дал добро на посадку, и мичман осторожно вывел модуль точно по зонду-реперу. Тридцатиметровый блин завис над лужком на антигравитационной тяге, раструбы «микроволновок» на днище развернулись к земле, и верхний слой почвы прямо под нами пронизало жесткое излучение. Пяти секунд такой обработки хватило, чтобы прожарить ее почти на метр вглубь. Все организмы, попавшие под раздачу, вскипели изнутри и полопались, разлетевшись ошметками. С высоты, да еще в камеру, этого видно не было, но я и так прекрасно представлял, что там творилось. А что делать – стандартная процедура. Обезопасив таким образом посадочную площадку, модуль плавно опустился в центр перепаханного микровзрывами пятна. Но толчок мы почувствовали только через несколько секунд, когда мичман отключил гравикомпенсатор. Сила тяжести на планете была на еле различимую величину выше стандартной g. Ага, так и есть – 9,83. С учетом того, что на борту обычно поддерживалась более комфортная девятка, переход получился заметным. Немного погода ожили динамики громкой связи:

– Внимание экипажу! Посадка прошла в штатном режиме. Запускаем протокол безопасности 2А. Готовность пятнадцать минут.

А это уже для нас, Егерей, информация. Охотники пока могут расслабиться, им еще не скоро предстоит приступить к непосредственным обязанностям, а вот мы с коллегами не далее чем через четверть часа займемся делом. Протокол безопасности 2А означал всего лишь, что утвердившийся на поверхности планеты спускаемый модуль сейчас ошестинился по пери-

метру пятнадцатиметровыми телескопическими штангами со штырями разрядников на концах, которые образовали стандартный энергетический барьер типа «Забор». От стационарного комплекса «Ограда» он отличался лишь способом подвода энергии: питался от корабельного реактора, а потому позволял получить достаточно мощную энергетическую завесу, вплоть до силового поля, как в данный момент. Через несколько часов, если окружающая среда будет сочтена более-менее безопасной, Мохов снизит ее мощность, и она начнет пропускать материальные объекты, реагируя лишь на организмы определенных размеров и массы. И ни одна звезюга крупнее кошки в периметр не проскользнет, не получив предварительно разряд в десяток киловольт. Высота энергетического барьера составляла ровно два метра: опыт показывал, что этого достаточно – как правило, выше только птицы летали да насекомые некоторые, а от них защищал второй контур – тонкая сеть из энергопроводов с метровыми ячейками. Непосредственно после развертывания «Забора» на горбу спускаемого модуля выросла тумба метателя, который выплевывал гроздь самых натуральных копий, тянущих за собой нити проводников. Снаряды втыкались в почву за пределами периметра, сетка натягивалась и образовывала над кораблем купол на манер паутины. Ячейки заращивались силовым полем малой напряженности, не требующим значительных энергозатрат, и в распоряжении исследователей оказывалась хорошо защищенная от внешней среды крепость. Само собой, в сети имелось целых два прохода: первый для легкой техники, второй же был рассчитан на космокатер. Вообще-то куда проще было окружить стоянку силовым куполом, как все нормальные десантники и прочие военные и поступали, но тут был один нюанс: дяди в погонах пользовали активную защиту, то есть поле генерировалось лишь на доли секунды, чтобы только отразить смертоносный подорожек. А в пассивном режиме, когда объект был окружен силовым «пузырем» постоянно, тот жрал столько, что энерговооруженности спускаемого модуля хватило бы примерно на час с небольшим, а потом кукуй как хочешь. К тому же энергопотребление находилось в прямой зависимости от величины купола – чем больше площадь, тем, соответственно, выше прожорливость. В наших условиях активное поле не прокатывало, по крайней мере, на начальном этапе, вот и приходилось замораживаться со всякими «плетнями» да «тынами». Шучу, конечно.

Однако пора готовиться к выходу – Коля Иванов уже выпростался из кресла и на правах командира группы втолковывал что-то сержанту-Охотнику, а Леха Петров мялся рядом, нервно поглаживая штучер – видимо, реакция организма на потенциальную опасность. Тут у каждого по-своему, вне зависимости от степени безбашенности. Знал я одного Егеря, которого перед заданием начинала бить крупная дрожь – секунд пять, не более. После этого он становился совершенно спокойным и бестрепетно мог встретить любого хищника. У меня ярко выраженная реакция на стресс отсутствовала, лишь волна холода пробегала от макушки до пяток, но этого никто, кроме Петровича, не замечал. Да и тот больше на мысли мои реагировал – подобная реакция тот же «якорь», он его неосознанно воспринимал и относился с пониманием.

Избавившись от ремней, я освободил напарника и нацепил ему на морду дыхательную маску, отчего кот принял вид донельзя забавный. Петровичу эта штуковина сильно не нравилась, но с ее наличием приходилось мириться. Немного погодя, когда убедимся в пригодности атмосферы для дыхания, я питомца от нее избавлю, да и сам лишь фильтры оставлю. Вообще, стандарт безопасности предписывает переходить к дыханию новой для организма смесью газов в три этапа: сначала через патроны-регенераторы, то есть с атмосферой не соприкасаясь, потом через фильтры и лишь затем можно отказаться от средств защиты. Какой бы глупостью это ни выглядело, при первой высадке Егеря соблюдали инструкции до буквы. Иногда это жизни спасало, были прецеденты.

– Внимание, Егеря! – ожили динамики. – Защитный контур развернут, стандартные тесты завершены. Совместимость земных организмов с окружающей средой подтверждаю, разрешаю выход за пределы модуля.

– Погнали, парни! – скомандовал Иванов на кодированном канале и первым направился к люку десантного отсека.

Мы поспешили следом. Скрывавшийся за герметичной створкой лифт перенес нас на уровень ниже, и по короткому коридорчику мы благополучно добрались до шлюза. Шлюзование заняло около минуты, потом наконец броневая плита утонула в стене, и дверной проем озарился несколько искаженным светом местной звезды. Я вопросительно глянул на Иванова. Сквозь матово-черное забрало шлема лица моего не было видно, тем не менее капитан меня понял и кивнул. Я активировал сканер, убедился, что в пределах периметра ничего живого крупнее муравья не обнаружено, и сказал, отчетливо проговаривая слова:

– Петрович, разведка.

Кот встрепнулся, наострил уши, прислушиваясь к чему-то снаружи, и осторожно направился к двери, чуть ли не стелясь по полу на брюхе. Напарник уже настроился на серьезную работу и сейчас практически слился с металлическими поверхностями внутренностей шлюза, придав шерсти серый оттенок. С первым его шагом автоматически развернулось на ползабрало окно, передававшее картинку с камеры кошачьего ППМ. Сознание привычно раздвоилось, включившись в наработанный месяцами тяжелых тренировок «стереорежим»: я одновременно контролировал обстановку вокруг себя и анализировал сведения, полученные от партнера. Сейчас я сосредоточился на изображении, а звук приглушил до едва заметного фона – все равно в мельчайших нюансах шорохов не разбираюсь, поэтому и оставляю на совести напарника.

Петрович между тем осторожно скользнул на пожухлую траву – «микроволновки» ее задела самым краем, но и этого хватило, чтобы она из сочно-зеленой и хрусткой превратилась в невзрачную и хорошенько проваренную. По телу его прошла волна изменений – теперь из серо-стальной его шкура превратилась в пеструю мешанину зеленых, коричневых и черных оттенков. Петрович не торопился, а потому наблюдать за метаморфозой было весьма забавно: сначала перекрасилась вытянутая правая передняя лапа, потом не закрытая ППМ и дыхательной маской часть морды, уши, шея, а там и весь он затерялся на фоне растительности. Глаз у меня был наметанный, поэтому напарника из вида я не упустил, чему также способствовало запоздавшее с активацией покрытие-хамелеон на кошачьих прилбудах, а вот Леха Петров растерялся. Правда, быстро сориентировался – врубил тепловизор и повесил на кота маркер, так что теперь его отслеживал баллистический комп костюма, куда более зоркий, чем несовершенный человеческий глаз.

Под термином «разведка» в нашем с Петровичем «словаре» числился комплексный «якорь»-шаблон: по этой команде мой напарник перемещался в нужный район, останавливался или при необходимости укрывался, а затем не спеша осматривался, выдавая мне на дисплей панораму окрестностей. Вычислитель в зависимости от обстановки вычленял интересующие нас детали, будь то какие-то особенности рельефа, живые организмы или цели – без разницы. Сейчас кот как раз залег на полпути между шлюзом и мерцающей стеной «Забора», вжался в землю и принялся вертеть головой. Учитывая его положение, половину обзора перекрывала трава – в этом месте уже самая обычная на вид, зеленая и густая, похожая на газонную. Что странно, как правило в диких местах разнотравье. Хотя, скорее всего, я просто нюансов не улавливаю, а для любого рядового ботаника – в прямом смысле слова, а не то, что вы подумали – различия между соседними травинками прямо-таки колоссальные. Не обнаружив ничего подозрительного, я выдал следующую команду:

– Разведка вдаль.

Петрович отлип от земли, вытянулся столбиком, как это коты умеют, и поле зрения увеличилось в разы. Я рассмотрел штыри накопителей в защитном контуре, слегка оплавившуюся обшивку модуля, еле заметно мерцающие ячейки сетчатого купола, а затем взгляд мой заце-

пился за какую-то лишнюю деталь. Нет, ничего отсюда не разобрать, нужно из шлюза выбираться.

– Петрович, патруль!

Кот сорвался с места, метнулся куда-то вправо, а я свернул окошко до минимального размера и повернулся к Иванову:

– Все тихо, товарищ капитан! Можно выходить.

– Куда вы, блин, все торопитесь! – буркнул Коля, скидывая с плеча штучер. – Успеете еще. Пусть Петрович вернется, тогда и мы пойдем.

– Так уже! – хмыкнул я.

Напарник с чувством выполненного долга скакнул в шлюз и принялся с довольным видом тереться о мой сапог.

– Молодец, Петрович, справился, – похвалил я напарника, почесав по заведенной традиции его бок. Обычно за ухом чешу, но сейчас ППМ мешает. Впрочем, кот не обиделся. – Периметр безопасен.

– Ладно, идемте, – сдался Николай. – Я налево, Леха направо. Олег, вы с Петровичем остаетесь у шлюза. Погнались.

Следуя букве инструкции, мы ошестинились штучерами и дружно выпрыгнули из шлюза. Заноса ногу для первого шага по планете, я мельком подумал: типа вот он, великий миг! Но мысль тут же улетучилась, не оставив и следа: не до смакования было, работаем. Кстати, меня всегда забавляла высокопарность журналюг, с какой они вещали про «поворотный момент в истории человечества», про тех, кто «золотыми буквами вписал себя в летопись», про «огромный рывок для всех нас» и прочую лабуду. Ведь с точки зрения всех первооткрывателей и новаторов, они не совершали ничего особенного, просто занимались своим делом, как и годы и даже десятилетия до этого. И искренне недоумевали при вопросах типа «как вы себя ощущаете в этот памятный миг?» или «чувствуете ли вы себя великим?». Вот ни фиги не чувствую, кроме ответственности – первый выход на неисследованную планету не шутка, ответственность, и ничего, кроме ответственности, глыбой повисшей на плечах. За себя, за Петровича, за коллег-Егерей, за Охотников, даже за пилотов, в конце концов. Пройдет совсем немного времени, и мы расслабимся, свыкшись с окружающей действительностью, а пока каждый шаг как по минному полю.

Впрочем, ничего непредвиденного не произошло. Как и всегда, ага. Коллеги, теперь более похожие на леших («хамелеоны» подстроились под окружающую среду), разошлись по сторонам, обходя диск спускаемого модуля, а мы с Петровичем вышли на середину прогала между обшивкой корабля и «Забором». Капитан Иванов сказал оставаться у шлюза, вот мы и остались. Пробежавшись равнодушным взглядом по пожухлой траве под ногами и мерцающей стене силового поля, я задрал голову и сразу же понял, что меня так беспокоило: на востоке над лесом на фоне безоблачного голубого неба отчетливо выделялась своеобразная радуга – широкая, почти на четверть небосвода, прерывистая полоса с градацией цвета от бледно-серого до почти фиолетового. Зрелище ошеломляло своей необычностью, и лишь через несколько мгновений я осознал, что именно вижу. Пылевые кольца, опоясывавшие планету по экватору. Вяземский же говорил про них на брифинге. Просто я по запарке запомнил, да и не интересовался особо – нам важнее были фотографии поверхности шарика, чем его космогонические параметры. Жалко. Если бы раньше вспомнил, из космоса бы на них полюбовался. Ну да ладно, успею еще.

Система HD 44594, планета Находка,

17 августа 2537 года

Остаток дня в послепосадочной суете пролетел незаметно. В первый выход мы ограничились получасовым пребыванием внутри периметра, затем вернулись в модуль. На этот раз шлюзование заняло гораздо больше времени: автоматический сканер ощупал нас по миллиметру, но ничего сверхординарного не обнаружил – типичнейшая микрофауна, да и флора тоже. Ничего такого, с чем бы не справился универсальный антидот. Я даже машинально дотронулся до еще чесавшегося после укола левого плеча. Кстати, Петровичу тоже вкатили лошадиную дозу антидота, в дополнение к подстегнутому мутацией иммунитету. Наконец после длительной дезинфекции мы все же попали на первый уровень: мичман Мохов времени не терял, запустил расконсервацию, как только мы наружу выбрались. К нашему возвращению практически все помещения были готовы к приему жильцов, которым предстояло разместиться в боксах на кольцевой палубе – каюты хоть и крошечные, зато индивидуальные, на всех хватило, включая экипаж. Мы с коллегами после подсказки Мохова направились в четвертый сектор и заняли три кубрика из пяти доступных. Первый и второй сектора достались отделению Охотников, их как раз десять человек, а третий заселили пятеро летунов, после приземления превратившиеся в операторов исследовательского комплекса. В данный момент они торчали в технических помещениях второго уровня, завершая развертывание базы, и Иванов ушел к ним – проследить как старший по званию. Нам же с Лехой заняться в ближайшие час-полтора было решительно нечем, а потому мы принялись обживать боксы.

Первым делом я сорвал с головы шлем, скинул дейпак и аккуратно пристроил штуцер в специально для него предназначенное отделение встроенного шкафа. Кобуру с пистолетом и ножны с мачете бросил на стол, сюда же швырнул куртку с ножом и боекомплект. Окинул взглядом по-спартански суровую обстановку временного жилища и завалился на кровать с матрасом на магнитных подвесках. Эх, хорошо! Петрович тут же запрыгнул ко мне на грудь и принялся ластиться. Я намек понял и избавил напарника от ППМ с дыхательной маской. Кот незамедлительно вернул естественный цвет шерсти, свернулся калачиком и включил на полную громкость урчальник.

– Ну и как впечатления? – поинтересовался я, послав напарнику образ озадаченного котенка.

Петрович ответил искаженным видом неба Находки, в котором странной загогулиной громоздилась непонятная хрень – то ли радуга, то ли широченный инверсионный след атмосферного бота. Все понятно, питомец тоже кольца заметил, только не понял, что это такое. Что ж, придется ему смириться с неизвестностью, поскольку объяснить все равно не получится. Соответственно, я ограничился мыслеобразом, который можно было трактовать как «забей и забудь». Петрович согласно муркнул и прикрыл глаза.

Я же от нечего делать прогонял в памяти порядок разворачивания малого исследовательского комплекса. Шаг первый – приземление, развертывание защитного периметра и расконсервация жилых помещений. Это уже пройденный этап. Сейчас ребята из экипажа активируют софт модуля, прогоняют тесты и готовят к запуску «шмелей» – рой миниатюрных летающих ботов, оснащенных камерами и маломощными сканерами. Биомеханические «насекомые» разлетятся во все стороны от базы, так что примерно через час мы сможем контролировать окружающую километров десяти в поперечнике, плюс заработает мощный стационарный сканер. Кто-то из операторов уже должен разбудить «панцирей» – медлительных гусеничных роботов-планетоходов. В их задачу входит сбор образцов почвы, растений, воды и тому подобного. Этих,

скорее всего, запустят три штуки – одного к озеру, еще одного к скальной гряде, а последний поползет к роще. Есть еще «скауты» – довольно крупные беспилотники с большим радиусом действия, но их время придет немного позже. Сначала нам предстоит разобраться с информацией, добытой мелочью. Так что скоро отдыху конец.

Желудок напомнил о себе громким урчанием, и Петрович наострил уши – уж если я проголодался, то что говорить о питомце с его разогнанным метаболизмом! Ему нужно минимум шесть раз в сутки лопать или хотя бы специальный кошачий тоник пить. Что ж, придется на камбуз за сухим пайком наведаться – ближайшие сутки нормальной горячей еды не ожидается. Однако сразу добраться до харчей не получилось, сначала зарулили в общий санузел, который уже работал, потому как предмет первой необходимости. Скафандр, конечно, приспособлен для утилизации отходов организма, но зачем лишнюю энергию тратить, если можно без этого обойтись? Да и Петрович у меня сызмальства приучен пользоваться человеческими удобствами, так что проблема лотка не стояла. Про душ тоже пока можно не мечтать, в лучшем случае часов через несколько дойдут руки у операторов до системы водоснабжения. Затем еще сколько-то времени уйдет на то, чтобы добуриться до водоносных слоев и настроить фильтр. И только потом начнет функционировать общая душевая – оно и понятно, модуль не настолько большой, чтобы еще и запас воды таскать.

На камбузе я завладел стандартным пайком и вернулся в каюту – тут все же спокойней, никому не мешаю, да и сам на глазах не маячу. К этому моменту мы настолько оголодали, что на пресный вкус разогретого обеда внимания не обратили, и все три блюда ушли за милую душу, а Петрович еще и добавки попросил. Получил оную в виде порции тоника в одноразовом стакане и уgomонился.

Спокойно полежать после приема пищи нам не дали – завалился Леха Петров и с порога объявил:

– Подъем, бездельники! Операторы «ходунов» расконсервировали, надо идти техников прикрывать.

– А сами никак? – буркнул я, сгоняя Петровича с кровати. – И вообще, это Охотников работа, чего они до сих пор без дела по каютам торчат?

– Разговорчики в строю! – Леха поморщился, уловив многообещающий кошачий взгляд. – Олег, ты напарнику скажи, что я не со зла, самого начальство заставляет.

– Ладно, расслабься! – Я соскочил с кровати, в темпе оделся, нахлобучил шлем и вооружился. – Петрович только на вид грозный, а на самом деле он рыжий и пушистый. Петрович, за мной!

Леха вывел нас с напарником к малому проходу в «Заборе», где обнаружился затянутый в легкий скафандр техник в компании четверки паукообразных роботов-охранников. Здесь же ошивались двое Охотников при полном параде – бронированные с ног до головы, с мощными «вихрями» в руках. Пока еще не стемнело, но дело к тому шло – незаметно подступили сумерки, окрасившие все вокруг в серые тона. Полоса, пересекавшая небо на востоке, напротив, начала испускать свечение, медленно перетекая из градаций серого-фиолетового в ярко-желтую, прямо как луна в безоблачную ночь. Когда стемнеет, фееричное будет зрелище. Впрочем, глазеть на местные красоты некогда – техник уже закончил возиться с «ходунами» и с помощью голографического пульта вывел их к проходу в периметре. Пробежался по пульта пальцами, заставил «ходунов» помотать хоботами трехствольных «гатлингов», которыми те были вооружены, и доложил на общем канале:

– Тестирование успешно завершено. Прошу разрешения начать патрулирование.

– Пускай «паучков», – раздался в динамиках голос Мохова. – Сам осторожнее, живность снаружи подозрительно активизировалась.

– Что-то крупное? – оживился Леха, перехватывая поудобнее штучер.

– Нет, просто за последние полчаса активность организмов возросла почти вдвое. Всякая мелочь ползает, мелкие насекомые типа гнуса... Короче, пока ничего серьезного.

Техник вопросительно воззрился на Петрова, чему прозрачное в данный момент забрало совершенно не помешало, и Леха осведомился:

– Готов? – Дождавшись кивка, буркнул в передатчик: – Центральный пост, открывайте.

Секция периметра прямо перед нами мигнула и растаяла, открыв путь за пределы охраняемой территории. Охотники шустро устроились у штырей, присев на одно колено, и стволы мощных армейских автоматов уставились в надвигающуюся темень. Ошивавшийся неподалеку Петрович глухо мяукнул – проявить всю мощь легких помешала дыхательная маска – и вдруг рванул в прогал. Я не успел среагировать и тупо смотрел, как ставший угольно-черным питомец огромными скачками пересек те несколько метров, что отделяли поле «Забора» от растянутой на манер шатра сетки второго защитного контура, пробил телом силовую завесу в ячейке энергопроводов и оказался на неисследованной территории.

– Петрович, назад! – рявкнул я, сопроводив приказ образом кота в дезинфекционной камере. Знает же прекрасно, что нечего проявлять инициативу. – Назад, я сказал!

– Стрррррррррррр, – муркнул динамик синтезированным тенором. – Стрррррррррррр... тауммммм...

– Забей! Возвращайся, потом со странным разберемся.

– Олег, что у вас? – вклинился Иванов. – Помощь нужна?

– Никак нет. – Я нагнулся к взъерошенному питомцу, заглянул в расширенные зрачки. – Петрович самовольничает. Сейчас все под контролем.

– Работайте по плану, – буркнул капитан и отключился.

Обычно при таком контакте – глаза в глаза – образы получались максимально яркие и детальные, но несмотря на то что я сделал забрало прозрачным и кот просто ел меня взглядом, понять, что он имеет в виду, я так и не смог. Ясно одно – Петрович что-то почувствовал, причем весьма неординарное и одновременно не очень опасное, раз любопытство пересилило осторожность.

– Стой рядом! – строго сказал я, не прерывая игры в гляделки. – Опасность!

Поднялся, скользнул взглядом по окрестностям, но беглый осмотр ничего подозрительного не выявил. Оно и неудивительно, уж если мощный корабельный сканер ничего необычного засечь не сумел, то где уж моему маломощному вычислителю с этой задачей справиться. Помотал головой на вопросительный взгляд Лехи Петрова, и тот озабоченно вздохнул:

– Работаем! Прохлаждаться потом будем, в баре с блэкджеком и шлюхами...

Техник ухмыльнулся, но от комментариев воздержался и занялся делом. «Ходуны» тесной кучкой пересекли прореху в периметре и повторили недавний подвиг Петровича, то бишь дружно продавили слабенькое силовое поле внешнего контура. Оказавшись вне защищенной территории, роботы несколько секунд топтались на месте, сканируя окружающее пространство, а потом посеменили в разные стороны, занимая места согласно заложенной программе. Трое довольно быстро скрылись из вида, а четвертый обосновался в непосредственной близости от «ворот». Не лишняя мера предосторожности, особенно на совершенно неисследованной, но при этом чрезвычайно биологически активной планете. Четыре единицы охранной техники контролировали сектора по девятистам градусам, обеспечивая зону безопасности на дальности два километра: «гатлинги» калибра 11,5 мм позволяли в секунды разнести в клочья легкобронированный катер. Боюсь представить, что они сотворят с каким-нибудь местным летающим чудовищем, буде таковое обнаружится.

Техник посчитал свою миссию выполненной и с чистой совестью связался с рубкой:

– Протокол безопасности активирован, закрывайте «ворота»!

Что ему ответили, я не слышал, но прогал в периметре сразу же зарос мерцающей пеленой силового поля, исказив картинку за ним. Охотники неторопливо разошлись в разные сто-

роны – ага, сержант уже патрулирование наладил. Этот факт грел душу – нет нужды самим ноги сбивать всю ночь. От дежурства, скорее всего, не отвертимся, но это уже будет обычная рутина: всего-то и надо сидеть в рубке в компании техника, контролирующего систему безопасности, да раз в час проверять территорию, дублируя Охотников. А завтрашней ночью, больше чем уверен, и этим заниматься не придется. У нас и днем работы завались будет.

Заскучавший Петрович муркнул вопросительно и принялся тереться башкой о сапог. Я было наклонился, чтобы почесать питомца, но отвлекся на движение с той стороны силовой завесы. Медленно повернувшись, я увидел, как «гатлинг» застывшего на боевом посту робота поелозил из стороны в сторону, фиксируя цель, и выплюнул короткую очередь. Сканер успел засечь камнем рухнувшее вниз довольно крупное тело какого-то крылатого существа и даже локализовал место падения, однако разглядеть что-либо в подробностях не удалось – ночь окончательно окутала окрестности тьмой, чуть разбавленной золотистой полосой на востоке.

– Рубка, что это было? – поинтересовался я, настроившись на канал Мохова.

– А хрен знает, – совершенно серьезно отозвался мичман. – Что-то большое, размах крыльев почти три метра, масса около сорока килограмм. Агрессии вроде не проявляла, скорее всего, просто далеко еще была тварюга.

– Пойду посмотрю? – вслух подумал я, заранее зная реакцию Коли Иванова.

Тот ждать себя не заставил:

– Стой на месте! Я тебе посмотрю, мать твою! В бойскаутов не наигрался? Днем посмотришь, координаты засеки. И вообще, за косяки первым дежуришь. Не слышу радости в голосе.

– Есть дежурить первому! – по-уставному рыкнул я, сдержав раздражение.

В конце концов, он командир, а командир всегда прав. Зато «собачья вахта» нам с Петровичем не достанется, и то хлеб. Леха укоризненно помотал головой и молча скрылся в шлюзе. Техник последовал за ним, и мы с напарником оказались предоставлены самим себе. Я поправил ремень штутцера на плече, вздохнул горестно и уставился на расцвеченное россыпью звезд небо. Все-таки красиво! Одни кольца чего стоят. Погода хорошая, облаков нет, звезды тихо мерцают, как где-нибудь в Поволжье июльской ночью... Только цикад не хватает. Кстати, да, тихо совсем. Крупных животных мы при посадке распугали, хорошо, если завтра очухаются, а вот мелочь всякая должна уже была оживиться. Скорее всего, двойная силовая завеса звуки глушит. Надо будет к внешним микрофонам подключиться, когда в рубку попаду. Но это терпит, для начала пройдемся по периметру, порядок необходимо блюсти.

Я неторопливо пошел вдоль «Забора», держась у мерцающей завесы и силясь разглядеть хоть что-то за пределами периметра. Ничего не добившись, плюнул на это дело и принялся поглядывать на небо, останавливаясь через каждые десять шагов. Если идти без пауз, весь обход займет в лучшем случае минуты три-четыре, а потом скучай в рубке. Посему я не отказал себе в удовольствии поглазеть на небосвод. Петрович стелился рядом, вновь сменив окрас на черный. Таким макаром мы преодолели почти половину дистанции и оказались с противоположной стороны модуля, у больших грузовых «ворот», сейчас заблокированных. Я уже привычно уставился вверх и наткнулся взглядом на крупную мигающую звезду – та довольно быстро передвигалась по темному куполу, потом вдруг окуталась красноватым свечением, ускорила, оставив за собой длинный багровый след, и погасла, не добравшись немного до горизонта. И тут же засияла еще одна искорка, как бы не крупнее первой. Я лишь помотал головой в недоумении и спокойно наслаждался зрелищем еще почти десять минут, а Петрович вертелся рядом, нервно мяукая. Впрочем, как дисциплинированный охотничий кот недоумение он выражал в пределах разумного, приглушенным голосом, а потому я возмущаться не стал. Лишь произнес тихонько, когда последняя падучая звезда растаяла на пределе видимости:

– Это, Петрович, был метеорный дождь. Привыкай.

Напарник заурчал, как всегда делал, когда сталкивался с новым понятием. Процесс обучения на практике: картина темного неба с огоньками метеоров, кот на земле плюс мыслеобраз, обозначавший отсутствие непосредственной опасности, – вот и готов новый «якорь».

– Метеорный дождь, – еще раз четко повторил я, закрепляя понятие в памяти коннектора. Присел рядом с напарником, погладил его по спине: – Пошли, что ли... Надо обход завершить да бездельников в рубке навестить.

Петрович согласно мяукнул и припустил вдоль корпуса модуля – угольно-черное пятно на фоне матово-черной обшивки.

Система HD 44594, планета Находка,

18 августа 2537 года

Проснувшись рано утром в собственной тесной каюте, я обнаружил, что Мохов перевел корабельные часы на местное время – видимо, главный вычислитель «Да Винчи» завершил обработку телеметрии с зондов и разобрался с часовыми поясами и прочими премудростями. Так что сейчас число хоть и восемнадцатое, но разница с базой примерно шесть часов. У них там самый сон, а у нас уже утро – пора озаботиться водными процедурами и завтраком. Ночь прошла спокойно, по крайней мере, никто меня не будил после того, как я отправился на боковую, сдав дежурство Лехе Петрову: капитан Иванов, как истинный командир, на первый раз оставил самую трудную вахту себе. Оно и к лучшему, не буду как рыба вареная. Чувствую, придется как следует потрудиться: по плану сегодня большой разведывательный выход – мы с Петровичем на квадроцикле отъедем от модуля километров на пять-шесть и обогнем его по широкой дуге. Параллельно Иванов с Петровым прогуляются пешочком поближе к периметру, не удаляясь от него более чем на километр. С каждым днем дальность прогулок будет возрастать, а к концу недели мы дадим заключение и рекомендации по технике безопасности. Но уже сейчас могу предположить, что Находка, в частности умеренные ее широты, получит минимально возможный индекс опасности – уж очень она на Землю похожа. Но не будем забежать вперед: рассказ древнего фантаста Филипа Дика про колонию я читал, да и в новейшей истории были неприятные инциденты.

Окончательно проснувшись, я спрыгнул с кровати и в темпе проделал малый разминочный комплекс, подготавливая тело к интенсивным нагрузкам. Душ еще не работал, поэтому спал я в термобелье, утилизовавшем пот. Водные процедуры на текущий момент ограничились полосканием рта специальным дезинфицирующим раствором – очень удобно, ни тебе пасты, ни щетки. Обтерся влажными салфетками, взъерошил короткий ежик на голове и отправился одеваться, по пути захватив на камбузе сухой паек. Чувявший хавчик за километр Петрович тут же нарисовался в дверях и требовательно замурчал.

– Иди сюда, проглот! – позвал я питомца, вскрывая предназначенные ему упаковки с едой. – Пить будешь?

Еще бы он отказался! Тем более потчевал я его не водой, а витаминизированным тоником, весьма для его организма полезным. И на вкус не отвратным, что характерно.

Засиживаться не стали – быстро набили брюхо, чем бог при посредничестве военных интендантов послал. Потом я влез в скафандр, прихватил оружие и снаряжение напарника и отправился искать отца-командира. Петрович дисциплинированно трусил следом, выделяясь ярким рыжим пятном на фоне унылых серо-стальных переборок. Капитан Иванов обнаружился именно там, где ему и полагалось быть, – в рубке. Сейчас как раз заканчивалась его вахта, и он что-то втолковывал сержанту-Охотнику, имя которого я до сих пор не удосужился

узнать. Завидев меня, Николай перестал пудрить мозги сменщику и переключил внимание на нас с напарником:

– Денисов, ты, как всегда, вовремя! И тебе привет, мой рыжий друг! – Капитан не поленился наклониться к коту и запустить пятерню в густую шерсть, а тот ответил дружелюбным урчанием. – Техники квад расконсервировали, можете выдвигаться.

– Это официальная санкция? – уточнил я на всякий случай.

Коля Иванов до таких шуточек не опускался, но для протокола порядок надо соблюсти: все переговоры на борту ведутся в реальном времени, для потомков и на случай локального песса, тьфу, чтоб не сглазить.

– Официальная, – кивнул командир. – Мохов сказал, его ребята уже наметили примерный маршрут и закачали его в навигатор. Придется синхронизироваться. Впрочем, не маленький, сам разберешься. И еще – час назад перешли на протокол 3А, так что можешь не заморачиваться с фильтрами и герметизацией. И маршрут не догма, можешь менять по своему усмотрению, но контрольные точки пройти ты обязан. Вопросы?

– Никак нет! – включил я солдафона. – Разрешите приступить?

– Разрешаю! – в тон отозвался Иванов. – И еще, Олег, я тебя умоляю, не лезь в неприятности. Задача предельно простая: прокатиться по окрестностям, осмотреться, прицениться. Погоня за монстрами в нее не входит. Все, пошел.

Обещанный капитаном квадроцикл отыскался напротив малых «ворот». Рядом с ним суеился техник в расхристанном скафандре и без шлема, подтверждая Колины слова насчет минимальной степени враждебности среды, что и отражал протокол 3А. Здесь же лениво прогуливался похожий на медведя Охотник – чисто на всякий случай, как я понимаю. Если и дальше пойдет такими темпами, не придется неделю торчать в автономке, основная база раньше приземлится. Кстати, местный воздух оказался довольно вкусным и пах почти как в санатории на Волге – аромат разнотравья в самом соку смешивался с едва заметной сыростью от недалекого озера. Погода с утра радовала – на небе ни облачка, местная звезда жарила от души, и лишь непривычная полоса, перечеркнувшая небосвод на востоке, не позволяла забыть, что мы не на Земле.

– Товарищ лейтенант, вы на кваде поедете? – окликнул меня техник.

– Ага, – кивнул я и принялся придирчиво осматривать транспортное средство. – Сюрпризов не будет?

– Работает как часы! – оскорбился собеседник. – Сами синхронизируетесь или помочь?

– Сами-сами, – хмыкнул я и оседлал машину.

Петрович без напоминания занял предназначенное специально для него гнездо на левом переднем крыле, и его зафиксировали выросшие прямо из стенок ремни. Мой напарник не замедлил подогнать окрас под цвет мощной пластиковой загугулины, которая в свою очередь уже копировала травостой вокруг – вся наша машинерия за исключением собственно модуля могла похвастаться дорогущим покрытием типа «хамелеон». Я между тем захлопнул забрало и активировал рабочее пространство традиционным кукишем. Техник оторопел, но я махнул рукой – типа не обращай внимания – и несколькими кликами запустил процедуру синхронизации вычислителя скафандра с навигатором. Процесс занял доли секунды, и после его завершения на забрале высветилась схема квада с табличкой технического состояния. Вроде все в порядке, можно ехать. Четырехколесный «скаун» был неплохо оборудован: встроенный сканер как минимум втрое превосходил мой персональный по чувствительности и дальности действия, в дополнение к нему имелся автопилот – но это стандарт для подобной техники. Не дай бог, с водителем что случится, а аппарат его домой привезет. Я поерзал на сиденье, устраиваясь поудобнее, понял, что мешает штуцер, и пристроил его в зажимы на правом крыле. Ага, продуманные ребята квад конструировали – штуцер как будто тут и был, легко дотянуться, не менее легко выхватить и изготовить к стрельбе. Почти распластавшись на «торпед», скры-

вавшей емкий аккумулятор, я подергал руль, крутанул ручку «газа» – со времен мотоциклов ничего лучше не придумали – и утопил кнопку «пуск». Квад едва слышно загудел электродвигателями – всеми четырьмя, тут, как в древних трамваях, прямой независимый привод, и никаких передач, зато две педали «сцепления» – можно колесами управлять попарно и поворачивать за счет разницы в частоте вращения. С другой стороны, приноравливаться надо – очень весело наблюдать со стороны, как неопытный человек с места трогается, траектория движения в результате напоминает этакий крендель вместо прямой линии. Мы с Петровичем от этой болезни избавились еще в бытность нашу в егерской учебке.

– Рубка, Денисов на связи! – вызвал я дежурного оператора. – К выезду готов, открывай «ворота».

Силовое поле между ближайшими штырями «Забора» мигнуло и исчезло. Впрочем, при свете дня зрелище вышло так себе, не чета вчерашнему представлению в сумерках. Я помаха́л на прощанье технику и скучающему Охотнику, послал Петровичу образ прижавшегося к крылу кота с растрепанной от встречного ветра шерстью и плавно отпустил оба «сцепления», одновременно крутанув ручку «газа». Электродвигатели взвыли чуть громче, и квад рванул с места как хороший гоночный болид, выстрелив из-под колес комьями земли и вырванной с корнем травой. Охотник ругнулся, но я на это внимания обращать не стал – отдался скорости. Люблю я это дело, чего уж греха таить! Но и лихачить тоже не след, не на гоночном треке, знакомом вдоль и поперек. Целина впереди хоть и выглядит достаточно ровной, но может таить множество неприятных сюрпризов. Поэтому я с горестным вздохом замедлил машину до приемлемых шестидесяти километров и повел аппарат по широкой дуге, удаляясь от модуля. Путь мой пролегал сначала к озеру, потом вдоль него к скальной гряде. На их стыке располагался первый чек-пойнт, которого мы и достигли минут через пять неспешной езды.

Остановив квад в десятке метров от воды, я подхватил штуцер, активировал сканер и направился к берегу. Петрович пристроился рядом. В этот раз от дыхательной маски я его избавил, а ППМ стал уже чуть ли не частью тела, так что напарник наслаждался свободой и в данный момент щеголял песочным окрасом, подстроившись под окружающий пейзаж: берег оказался не топким, широкая песчаная полоса полого спускалась к срезу воды. Вплотную к ней я подходить не стал, присел на корточки поодаль, подключил сканер и внимательно осмотрел пляж. Большая его часть была хорошенько прожарена местным светилом, а вот у самой воды обнаружилась полоса сырого песка, на которой отчетливо отпечатались похожие на птичьи следы. Мелкие и частые, значит, не крокодил. Шучу, конечно, да и сканер такую тушу обязательно бы засек. Место для высадки мы с Петровичем выбрали удачное – в другое время я бы не удержался и искупался, очень уж пляж хорош. Но пока рано, кто знает, каких монстров могут скрывать глубины... Вряд ли, но инструкция на данном этапе расслабляться не велит.

Поднявшись на ноги, окинул взором окрестности. Тоже ничего необычного: слева пляжик упирался в скалы, справа, метрах в ста, начинались этакая камышовая крепь – ну очень похоже. Там и берег был вязкий, и кусты вдоль него торчали. Ничуть не удивлюсь, если и лягушки отыщутся. Кликнув напарника, я направился к зарослям. Штуцер, понятное дело, держал наготове, но оружие не понадобилось: никто не выскочил из озера с явным намерением нами пообедать, равно как никто не попытался от нас удрать. Сканер молчал: объектов, достаточно крупных, чтобы причинить нам вред, в пределах видимости не имелось. Зато мелкой живности оказалось в избытке: и местные аналоги лягушек в тине у камышей, и стайки юрких рыбешек на глубине, и разнообразные насекомые, летающие и ползающие. При моем приближении псевдолягушки синхронно сиганули с коряг и широких листьев какого-то растения типа наших кувшинок, но сканер успел зафиксировать одну из них в полете и выдал мутноватое изображение, обведенное по контуру тонкой линией и стрелками-выносками, как на технических схемах. На изучение строения «лягушки» я потратил всего несколько секунд, настолько типичным земноводным она оказалась. Обнаружив я ее на Земле, ни за что бы не отличил от

местных видов: бурый окрас, бородавки по всему телу, выпученные глаза и мощные задние лапы с перепонками между пальцами. Ага, пальцев вроде бы меньше, и длиннее они, чем у земных родственников. А язык такой же длинный и липкий. Впрочем, оставим эти малозначительные нюансы зоологам.

Потеряв интерес к зарослям, мы с напарником вернулись к сиротливо возвышавшемуся на пригорке кваду и отправились к следующей контрольной точке – рошце километрах в трех к северу. Выглядела она многообещающе, возможно, получится там аналог млекопитающих встретить. Так и вышло: мы не преодолели еще и половины пути, как запищал сканер. Судя по показаниям, в массивчике скрывалась целая стая довольно крупных организмов. Правда, вели они себя странно: застыли почти на самой опушке широким фронтом. Как раз в этом районе ошивалось несколько «шмелей», поэтому я притормозил и отправил запрос оператору. Тот с задачей справился, и уже через несколько секунд я получил размытое изображение с выделенной пунктиром фигурой таинственного организма. Судя по очертаниям, это была здешняя версия волка, что не есть хорошо – стая большая, голов двадцать, если навалятся скопом, костей не соберем. С другой стороны, познакомиться поближе не помешает...

Приняв решение, я сорвал квад с места, по дуге удаляясь от лесного языка в сторону прогала между скалами и рощей – пусть думают, что враг испугался. Теперь никуда не денутся, операторы навелись на цель и так просто ее не отпустят. А мы сделаем ход конем почти в буквальном смысле – приблизимся к массивчику с другой стороны и выйдем зверюгам во фланг.

Торопиться нам было некуда, так что к нужному месту добрались минут через десять. Судя по картинке со сканера, стая все еще таилась на опушке и активных действий не предпринимала. Заглушив квад в тени раскидистого дерева вроде дуба, я выпрыгнул из седла и вооружился штуцером. Подождал с минуту, пока «хамелеон» скафандра достаточно адаптируется к пейзажу, освободил напарника и принялся объяснять задачу:

– Беги вперед, слушай меня. Осторожность. Как понял?

Петрович утвердительно муркнул и припал к земле, слившись с палой прошлогодней листвой – как в любом нормальном лесу, травы под деревьями было очень мало. Я пристроился у мощного ствола в полтора обхвата, развернул картинку с кошачьего ППМ и скомандовал:

– Пошел!

Напарник совершенно бесшумно и при этом грациозно, как умеют только кошки, заскользил меж деревьями и вскоре скрылся из вида, а я привычно погрузился в «стерео» – ощущение весьма любопытное, как будто в игру от первого лица играешь. Тут главное не увлечься и не потерять контроль, ибо своя рубашка ближе к телу, а за меня ее никто беречь не будет. Проще говоря, за обстановкой следить тоже нужно, и это основная сложность работы в таком режиме. Вообще странно осознавать себя одновременно человеком, прижавшимся к дереву, и стремительным хищником, что стелется по прошлогодним листьям, умудряясь не взрыть их и не издать ни одного лишнего шороха. Петрович в таких делах спец, и мне лишь оставалось изредка корректировать направление, чтобы он с пути не сбился. В результате до стаи напарник добрался минут за пять, для верности взлетел по ближайшему стволу и удобно устроился на толстой ветке параллельно земле. С этой позиции почти все особи были как на ладони.

– Молодец Петрович! – похвалил я напарника. – Теперь осмотришь. Осторожность.

Кот завертел головой, стараясь захватить в объектив как можно больше «волков». Связь была отличная, несмотря на деревья, так что картинка получилась четкой. Само собой, видеопоток дублировался в вычислитель модуля, а оттуда данные передавались на орбиту. Зоологи должны быть в восторге, плавно переходящем в оргазм. Еще бы, первые сведения о животном мире планеты! Хотя вру, первыми были псевдолягушки. Скажем иначе: первые псевдомлекопитающие и хищники в одном флаконе. Что хищники, сомнений не возникает – очень на волков похожи: и строение тела, и окрас, и размер. Морды слегка удлинённые, примерно как у афганской борзой, да и сложением похлипче земных собратьев будут, длинноногие и

лядащие. Вместо хвостов блямбы типа бараньих курдюков, да на морде еле заметные пятна. В общем и целом скорее обитатели степей, чем лесов – видно, что к бегу приспособлены. Блин, а это что? Никак кисточки на ушах... Етить, да они скорее кошки, только очень уж специфических пропорций. Какой из этого может быть вывод? Пока только один: нишу санитаров леса, да и степи заодно, заняли кошачьи. Один из «кошколаков» задрал сплюснутую длинноносую башку, глянул на Петровича, и сомнений у меня не осталось – зрачки вертикальные. Класс! Первый раз такого универсального хищника вижу: наверняка он ночью себя еще вольготней в здешних местах ощущает. Зверь озадаченно моргнул, помотал головой и лениво приподнялся с лежки. Росту в нем оказалось примерно с полметра, да и очертаниями тела он теперь куда больше напоминал рысь или ягуара. В голове зазвучал тревожный звоночек, но отреагировать я не успел – «кошколак» неторопливо подошел к дереву, послужившему убежищем Петровича, потерся о ствол и начал довольно неуклюже карабкаться вверх. Мой напарник испуганно вскинулся, встопорщив шерсть на загривке, но орать, как это присуще котам в подобных переделках, не стал, ограничился паническим посылом и синтезированным «мляууу!» в наушниках. Ага, растерялся, сообразить не может, что лучше – дожидаться гостя и от души полоснуть когтями по морде, или слинять без шума и пыли. В отличие от питомца, я ситуацию уже просчитал, а потому сомнений не испытывал:

– Петрович, исчезни!

Кот совету незамедлительно внял и ловко запрыгнул на ветку метром выше. Потом добрался почти до самого ее конца и перемахнул на соседнее дерево, с него таким же макаром на третье и сбежал по стволу вниз, отчего я чуть не блеванул – очень специфическое ощущение, доложу я вам. Оказавшись на земле, Петрович наплевал на скрытность и понесся ко мне, огибая попадавшиеся на пути препятствия в виде древесных стволов и кустов. Скорость он набрал порядочную, но, судя по всему, вожак «кошколаков» его засек и бросился следом. Заодно и вся стая сорвалась с места – сканер выдал четкую схему стандартной загонной охоты. Знакомая тактика, немало земных хищников такой придерживаются. И это не есть гуд, Коля Иванов прямым текстом запретил в неприятности ввязываться.

– Петрович, опасность! Сзади погоня! – проорал я, отлипая от дерева.

Ну его на фиг, сваливать надо. Оседлав квад, я воткнул штупер в зажимы и запустил движки. И вовремя, потому что буквально сразу из зарослей вымахнул Петрович и одним прыжком взлетел на крыло, пристроившись в гнезде. Я отпустил «сцепление» и от души газанул, с юзом срывая квадроцикл с места. В секунды разогнавшись километров до семидесяти в час, выровнял «скакуна» и помчался в степь – сейчас главное разорвать дистанцию.

– Петрович, наблюдать, назад!

Кот послушно обернулся. Камера ППИМ поймала преследователей в объектив, и я облегченно рассмеялся: какие бы они бегуны ни были, квад не догонят. Да они не очень-то и старались – примерно через минуту вожак сбавил скорость и вскоре вовсе остановился, помотал башкой и потрусил обратно к деревьям. Стая дисциплинированно последовала за ним, а я замедлил квадроцикл до сорока в час и связался с рубкой:

– Парни, как вам шоу?

– Не расслабляйся! – моментально отозвался Иванов. – Вам еще два чек-пойнта пройти. Давай без приключений.

– Есть без приключений!

Не будем расстраивать родное начальство.

Третья по счету контрольная точка оказалась ничем не примечательным пологим холмиком, на который мы взлетели с разгона. Притормозили на вершине, повертели головами, запечатлев панораму, и помчались к последнему чек-пойнту – там вчера грохнулась непонятная тварюга. По уму, с него и надо было начинать, но отцу-командиру виднее. До точки добрались без приключений, как и просил капитан. Уже привычно заглушив движки и подхватив штупер,

я отправился прочесывать пяточок три на три метра – точнее локализовать место падения не получилось. Однако нас с Петровичем ждало разочарование – никаких следов таинственного существа обнаружить не удалось. Ни пятен крови, ни перьев, ни костей – ничего! Такое ощущение, что и не падал тут никто и никогда. Но вычислитель уверенно идентифицировал существо как мертвое, так что само оно улететь не могло, а следы волочения на траве отсутствовали – даже если она уже успела распрямиться, сорокакилограммовая туша должна была потревожить дерн, здесь довольно мягкий. Петрович недоуменно муркнул и принялся нарезать круги, уткнувшись носом в землю.

– Ну и где это твое «стррррранное»? – спросил я, сопровождая питомца скептическим взглядом.

Так и не дождавшись внятного ответа, я велел Петровичу залезть в гнездо, оседлал квад и неспешно покатился, завершая маршрут. К модулю мы подоברались со стороны грузовых «ворот», практически замкнув большую петлю, и через несколько секунд ожидания въехали в проход в силовом поле. Обогнули «блин» по часовой стрелке и затормозили у откинутой аппарели транспортного бокса. Здесь нас уже ждали коллеги-Егеря – подошла их очередь поработать.

– Как впечатления? – незамедлительно поинтересовался Иванов. – Что посоветуешь?

– Сами все видели, – пожал я плечами. – Держитесь ближе к периметру, к роше не суйтесь – кошколаки наверняка еще там. Я квад загонять не буду, подстрахую.

– Пошли, Леш!

Коллеги выбрались из-под защиты «Забора» и слаженно зашагали к скалам, профессионально страхуя друг друга. Я посмотрел им вслед и грустно улыбнулся: вот и закончился самый романтический период, пошла рутина...

Глава 3

Так и живем...

Система HD 44594, планета Находка,

21 августа 2537 года

Вчера развернули основную базу. Предшествовала этому событию трехдневная рутина – ежедневные рейды на кваде, обработка массивов информации, совместные с коллегами пешие вылазки и прочие штатные мероприятия. Как я и предполагал, неделю ждать не пришлось, гораздо раньше стало ясно, что планету недаром назвали Находкой – подобные жемчужины встречаются крайне редко. Сама Земля, Ахерон да еще, пожалуй, курортная Нереида – вот и весь список. Остальные обитаемые планеты Федерации по тем или иным параметрам здорово отличаются, чаще всего климатом. Он либо слишком засушливый, либо, наоборот, влажный. Или суровый, как на Броде, что в системе эпсилон Эридана, – там лишь в экваториальном поясе условия близки к сибирским, а в высоких широтах вовсе выжить не представляется возможным. Находка же чуть ли не копировала земные условия: и климат, и сила тяжести, и даже соотношение воды и суши поразительно похожи. За эти дни удалось выявить лишь одно существенное отличие, причем в фауне: планета не знала птиц. Их нишу заняли летающие млечопитающие типа летучих мышей, и было их великое множество. А разнообразию видов могли позавидовать даже насекомые, коих тоже обнаружилось немало. Анализ образцов живых тканей выявил практически полную идентичность их строения земным образцам, то есть люди могли спокойно питаться местными растениями и животными. Впрочем, то же относилось и к последним: человеку попадаться на зуб местным хищникам не стоило. Схоят, и не поморщатся. Хотя надо отметить, что за эти дни никого крупнее «кошколаков» мы в окрестностях не обнаружили, а со старыми знакомцами освоились и поняли главное – они очень любопытны. За Петровичем вожак тогда погнался именно по этой причине, а не из желания сожрать непонятного зверя. Убедились мы в этом уже на следующий вечер: едва стемнело, как целая стая «кошколаков» осторожно приблизилась к периметру и принялась тщательно его изучать. Я как раз дежурил и успел запретить оператору повышать мощность поля, равно как и запускать активный режим – наблюдать за псевдокошками было весьма интересно, чем не способ убить время? Вплоть до рассвета они нарезали круги вокруг модуля, изредка приближались вплотную к энергетической сетке, но прорваться сквозь нее не пытались. Камеры в ночном режиме выдавали довольно качественную картинку, и база данных биологов существенно обогатилась. Дошло до того, что ближе к утру мы с Петровым выбрались за «Забор», оставшись под защитой «купола», и попробовали привлечь внимание гостей. Достичь цели удалось легко – «кошколаки» нас засекли мгновенно и так же мгновенно растворились в ночи. Но далеко не ушли, и чуть позже вожак осторожно приблизился к нам, сохраняя тем не менее безопасную дистанцию, и уставился пронзительно-желтыми глазами с вертикальными зрачками. Мы отключили поляризацию на забралах и подключились к игре в гляделки. Дальше контакт не пошел, минут через пять вожак глухо рыкнул, дернул курдюком и неторопливо порысил к роще. Стая последовала его примеру, а мы с коллегами еще несколько часов анализировали видеозаписи. И пришли к однозначному выводу: любопытство не порок, но зверь остается зверем, так что расслабляться пока рано.

По части чудищ морских информации не было, но мы по этому поводу не расстраивались – вот развернем основной комплекс, тогда и будем думать о подводных станциях. На практике нас больше интересовала опасность с воздуха, однако хищных летунов, опасных для человека, в ближайших окрестностях не обнаружилось. Так что через пять суток после приземления модуля мы коллегиальным решением рекомендовали командованию разворачивать спускаемую часть «Да Винчи» прямо здесь, на месте первой высадки. Удобнее посадочную площадку найти вряд ли удастся, а тут и море всего в сотне километров, и разнообразные ландшафты с соответствующими биоценозами под боком.

И вот вчера наконец свершилось. Зрелище было грандиозное, доложу я вам, особенно если наблюдать за посадкой километровой громадины с минимального удаления. Представляю, каково было навигаторам задать оптимальный угол входа в атмосферу – малейшая ошибка, и весь этот колосс развалится на куски от перегрузок или просто сгорит в стратосфере. Но они справились, о чем недвусмысленно говорил ослепительно-яркий шар, с ревом пересекающий небосвод. Где-то на трех тысячах на полную мощность заработали тормозные дюзы, и уже на тысяче спускаемый комплекс замедлился до черепашьей скорости и стабилизировался в пространстве, задрав в небо острый шпиль, венчавший пузатую чешуйчатую «шишку» корпуса. Далее в дело вступили антигравы – предельно мощные, но одноразовые. Последнюю пару сотен метров комплекс сбрасывал минут десять и, наконец, с глухим ударом, сотрясшим саму землю, утвердился посреди обширной полянки, аккуратно между рошей и скальной грядой. Наш модуль остался чуть в стороне, в какой-то паре километров. Затем «шишка» комплекса разошлась на апельсиновые дольки и раскрылась наподобие ромашки шестью лепестками-модулями, явив взору сердцевину корабля – полусферу радиусом триста метров. «Лепестки» легли на землю и ошметинились штангами энергопроводов, между которыми засияло силовое поле: периметр никто не отменял, хотя модули представляли собой отлично защищенные корпуса с разнообразными помещениями, в основном техническими. Жилые отсеки располагались непосредственно в сердцевине: палубы с первой по девятую. Еще две остались на космическом модуле, который теперь превратился в орбитальную станцию, служившую грузовым терминалом и базой для внутрисистемных кораблей. Промежутки, ограниченные с двух сторон «лепестками» и с третьей силовой завесой, должны были стать такими внутренними двориками, где и технику можно поставить, и заняться делами в относительной безопасности, вплоть до огородничества. И ничего смешного, целый научный отдел предполагалось задействовать в исследованиях, посвященных ассимиляции земных видов в местный биоценоз, так что делянок им понадобится много. В общем, после приземления спускаемый комплекс трансформировался в укрепленный со всех сторон футуристического вида городок с двумя тысячами обитателей на борту. Для такой громады даже мало, но поскольку роботизировано на борту все и вся, можно было обойтись и таким экипажем.

Мы с Петровичем как раз бездельничали (дежурил капитан Иванов), поэтому нам удалось рассмотреть процесс приземления базы во всех подробностях. Надо сказать, редкое по своей величественности зрелище. К тому же первое в своем роде за последние сто с лишним лет, эксклюзив. Я стоял на откинутой аппарели транспортного отсека, дабы в случае чего нырнуть под защиту внешней обшивки модуля, а питомец отирался рядом. К счастью, обошлось без происшествий, отделались легким испугом и моральными издержками – громада комплекса порядочно давила на психику. Ближайший «лепесток» расположился как раз в километре от нас, и даже с такого расстояния поражал монументальностью – как-никак полноценный корпус о пяти этажах, то есть метров двадцать в высоту и не менее пятидесяти в самой узкой части. Силовая стена тоже производила впечатление – не то что наш жалкий двухметровый «Заборчик», она достигала высоты основного корпуса. Реактор на базе хоть и устаревший, но мощный, с таким даже полноценный силовой купол можно держать в пассивном режиме не менее суток, что уж говорить об обычном периметре... А жилая сердцевина не уступала иному

небоскребу, типичному для мегаполисов Внутренних систем, разве что те обычно представляли собой скучные кубы или параллелепипеды, а тут этакий креатив – полусфера. Впрочем, это нам она казалась гладкой и ровной, в действительности же ее поверхность была усыпана всяческими выростами и углублениями, начиная со шлюзов атмосферной техники и выдвижных орудийных башен и заканчивая балкончиками и блоками антенн и датчиков сканирующей аппаратуры. Поляризационное покрытие превращало комплекс в угольно-черный замок какого-нибудь Властелина Тьмы из вездесущего фэнтези, но это тоже вид издали. На самом деле оно сродни «хамелеонам» наших скафандров, но попроще. Назначение покрытия сугубо утилитарное: отвод излишнего тепла на одних участках и аккумулятирование энергии на других – поляризационный слой служил еще и солнечной батареей, снимая часть нагрузки с реактора. Днем и особенно в ясную погоду его мощности хватало для поддержания периметра.

Гул после посадки миллионотонного колосса давно затих, даже мелкие насекомые активизировались, хотя более осторожные теплокровные обитатели окрестностей все еще прятались, предпочитая переждать неведомую опасность в защищенном месте. Мы с Петровичем все так же пилились на комплекс, хотя смотреть еще было особо не на что – громада пока что оставалась безжизненна. Ничего удивительного, сейчас на борту царил кавардак: носились по палубам ремонтные бригады, направляемые операторами из рубки, люди в пассажирских отсеках выбирались из противоперегрузочных коконов, оживала техника. Ближайшие два-три часа уйдут на анализ обстановки и ликвидацию мелких повреждений: как бы ни осторожничали навигаторы, при посадке такой махины аварии разной степени тяжести неизбежны, особенно с учетом размеров инфраструктуры. Потом жизнь наладится, люди разойдутся по рабочим местам, дежурные смены займутся расконсервацией транспорта, наблюдательных и защитных систем, а коллеги-Охотники приступят к непосредственным обязанностям: на них, как обычно, патрулирование окрестностей и охрана объекта от внешних посягательств. Хоть и некому посягать на такую громадину в ближайшей округе, но порядок есть порядок. Еще через пару суток режим установится окончательно и начнется основная работа, ради которой мы и прибыли на планету: комплекс выпустит рой автоматических спускаемых модулей типа нашей «тройки», которые разлетятся практически по всей планете, затем несколько дней уйдет на анализ обстановки, и подойдет очередь ученых и Охотников. Малые исследовательские группы в составе десятка яйцеголовых и такого же количества охраны расселятся в самых перспективных местах и будут работать полуавтономно. Телепорты установить в маленьких скорлупках проблематично с точки зрения энергообеспечения, так что связь с базой будет осуществляться авиацией. И вот на этом этапе можно ожидать любых неприятных сюрпризов. Как показывает опыт, сын ошибок трудных, именно в этот период происходит подавляющее большинство производственных несчастных случаев и девяносто процентов смертей, связанных с нападением агрессивных форм жизни. Оставшиеся десять покрывают вероятность подхватить какую-нибудь экзотическую заразу, с которой не справится универсальный антидот.

С морскими биологами и прочими водоплавающими проще – они практически всегда сидят под куполами или проводят время в пузырях субмарин, да и индивидуальные скафандры мало уступают броне профессиональных абордажников из экипажного состава космфлота. Ее разве что особо навороченная псевдоакула повредить сможет, хотя вряд ли прокусит – переломы, сдавливания и прочие повреждения, как от тяжелых тупых предметов, будут иметь место. Впрочем, такие повреждения не менее смертоносны, так что сбрасывать со счетов морских хищников себе дороже. Одно радует: за работу в таких условиях отвечает другое подразделение – специально подготовленные боевые пловцы. Таких в составе экспедиции чуть ли не рота, и они подчинены комбату Охотников. Работа специфическая, требующая отличной физической и моральной подготовки. Я бы, например, не смог месяцами торчать под водой да еще при каждом выходе давиться физраствором для заполнения легких, а потом блевать отвратной соленой фигней. Хотя тут я несколько преувеличил, на такие ухищрения идти при-

ходится лишь на глубоководных базах, на мелководье проще. На глубинах до ста метров с декомпрессией справлялись более мягкими методами, и отказываться от газового дыхания не приходилось.

В конце концов нам с Петровичем зрелище наскучило, и мы вернулись в тесный кубрик, благо сейчас имели полное право отдохнуть после трудовой вахты. Перекусили наскоро и развалились кто где: я устроился на кровати, питомец по традиции взгромоздился было мне на грудь, но я его согнал. Кот фыркнул обиженно и развалился на откидном столике, который я не стал складывать после трапезы. Остаток вечера скоротали на вахте, ночью отоспались, а там пришло время возвращаться на базу: нашей «тройке» предстояло в ближайшие сутки передислоцироваться в глубь континента согласно программе исследований. А вот лично нам с Петровичем, равно как и остальным соратникам по первой высадке, это ничем не грозило – три дня законных выходных мы проведем на «Да Винчи» и только потом вновь вернемся к работе. К тому моменту модуль, укомплектованный новым экипажем, будет уже далеко.

На базу отправились пешком – километр не расстояние даже для флотских. В первой партии шли мы с Петровичем и коллега Петров плюс половина операторов и пятерка Охотников. Оставшийся персонал переберется на место постоянной дислокации после прибытия на модуль смены, то есть еще часа через два. Шагало по низкорослому, хоть и густому, травостойю легко, окрестности были изучены уже не раз и не два, так что шли сосредоточенно, по сторонам не глазели. Курс взяли на ближайший «лепесток», где нас уже должны были ждать медики и мобильный лабораторный блок. Так оно и оказалось. Едва мы приблизились к стыку корпуса с силовой стеной, небольшой ее участок, ограниченный рамкой два на полтора метра, растаял, и мы прошли внутрь «дворика». Огороженное пространство в несколько гектар пока что было почти пусто, лишь вдалеке, метрах в шестистах, почти у самого основания полусферы жилого блока, виднелась какая-то техника и рядом с ней люди в легких скафандрах, да у прохода сиял белой обшивкой лабораторный блок, к которому мы и направились: требования техники безопасности, помноженные на дисциплину, – великая сила.

Встретили нас двое лаборантов в медицинских противовирусных комплектах, но без шлемов. Я мысленно усмехнулся, но комментировать не стал, равно как и Леха Петров – начини сейчас подкалывать, хлопот потом не оберешься. Так обследование за полчаса пройдешь, но если лаборанты докопаются, и к завтрашнему утру из этого медицинского вертепа не выберешься. В общем, перетерпели стандартную процедуру, осчастливив медиков результатами мониторинга нашего состояния, и благополучно прошли шлюзование, благо ближайший тамбур располагался в нескольких шагах от медблока. Добрались до лифта, где и разделились: Петров с Охотниками убыли на вторую палубу, флотские куда-то еще, а мы с питомцем вернулись в родной блок, пустой по случаю середины рабочего дня. Единственная наша соседка, Галя Рыжик, скорее всего, была в биолоборатории. Но я к этому был морально готов и ничуть не расстроился.

Оказавшись в каюте, первым делом забросил оружие и боеприпасы в сейф (тащиться к прапорщику Щербе было лень) и содрал осточертевшую броню. За ней последовало термобелье, после чего я забрался в душ и с удовольствием проторчал там целых полчаса. После спартанских условий спускаемого модуля, кабинка в котором была настолько крошечной, что стоять там можно было лишь боком, душевая в каюте показалась раем. Плюс никакого лимита на воду. Петровича, кстати, тоже заставил выкупаться, благо он к этой процедуре приучен и не сопротивляется, хотя и не в восторге.

Едва успел влезть в повседневную форму, как поступил вызов от комбата Исаева. Пришлось распрощаться с мечтами об отдыхе и отправляться к начальству. Против ожидания, много времени отец-командир не отнял, попросил лишь коротко доложить о проделанной работе, так что мы с Петровым легко отделались. Когда мы уже собирались уходить, в кабинет майора вошли Коля Иванов и сержант-Охотник, тот самый, что командовал ребятами на

модуле. Мы замялись было, но Исаев жестом отпустил нас. Хорошо все-таки, что у меня есть непосредственный начальник, которому и приходится в основном отдуваться за подчиненных.

Система HD 44594, планета Находка,

21 августа 2537 года

До самого вечера мы с Петровичем придавались сибаритству, изредка прерываясь на перекусы. Потом бездельничать мне надоело, и я оккупировал сауну, заодно включив подогрев в бассейне. Проторчал здесь почти два часа, периодически ныряя в теплую воду, которая после сухого жара парной приятно холодила тело. Наконец и это занятие мне наскучило, и я вышел в кают-компанию, не забыв натянуть мягкий махровый халат. Там я неожиданно наткнулся на Галю, которая сидела в кресле, забравшись в него с ногами, и поглаживала пристроившегося у нее на коленях Петровича. Девушка была чем-то расстроена, судя по невидящему взгляду, упертому в экран на противоположной стене. Звук она отключила, но по мельтешению красочных кадров было ясно, что по внутрикорабельной сети транслировались какие-то клипы. Я понимающе хмыкнул и направился к бару, где через пару минут путем нехитрых манипуляций стал обладателем двух коктейлей в высоких фужерах, с кубиками льда и трубочками. Устроился по соседству с Галей и деликатно кашлянул. Та вздрогнула, но тут же взяла себя в руки – спихнула Петровича, опустила ноги на пол, одернула полы белого лабораторного халатика и даже сделала попытку поправить чуть растрепанную прическу, что вообще-то хороший признак. Я ободряюще улыбнулся и протянул ей фужер.

– Это «Маргарита», слабоалкогольная, – пояснил я и отхлебнул из своей емкости. – Ну, рассказывай, что стряслось.

– Я тоже рада тебя видеть, Олег! – немного вымученно улыбнулась Галя. – Соскучилась даже.

– Значит, мир? – приподнял я бровь.

– Мир, мир, – засмеялась девушка.

Она прямо на глазах приходила в форму, грусть куда-то улетучилась.

– Так что случилось? – попытался я настоять на своем.

– Не обращай внимания, на работе завал. Профессор волнуется и нас всех издергал. А тут еще этот...

– Кто? – помимо воли вырвалось у меня.

Галя снова нахмурилась.

– Обещай меня сегодня ни о чем не спрашивать, – попросила она, сделав глаза как у Петровича, когда он пытается вышибить из меня слезу. – Просто был тяжелый день. Скоро все образуется.

– Хорошо, – не стал я спорить. – Про меня еще не вспоминало начальство?

– А чего о тебе вспоминать? Ближайший полевой выход через четверо суток, вот тогда уже не отвертись.

Тут она права. По идее, начался второй этап исследований, и теперь основная нагрузка ложилась на Охотников. Егерей будут использовать лишь в самых трудных либо самых интересных местах, где без их опыта и багажа знаний не обойтись. Так что коллегам Иванову с Петровым предстоит спокойная жизнь – планета явно не проблемная, нештатных ситуаций предвидится минимум. Но только не мне, поскольку я приписан к биологической лаборатории и буду сопровождать биологов чуть ли не в каждом выходе, если только комбат Исаев не найдет мне занятие поважнее. И вот тут засада: для разруливания всяческих траблов, да простится мне мой французский, с избытком хватит Иванова с Петровым, меня же будут дергать по остаточ-

ному принципу. Так что здравствуй, головняк! Как я уже говорил, научный персонал контингент проблемный, не уследишь. Печально...

– А может, забьем на все и завалимся в сауну? – предложил я, мысленно поморщившись. Честно говоря, мне уже через край. – И в бассейне вода приятная.

– А давай! – неожиданно согласилась Галя. – Пойду переоденусь, а ты еще коктейль приготовь. Мне понравилось.

Девушка одарила меня странной улыбкой и скрылась в каюте. Вот и понимай, как хочешь! Явно мне ничего не светит, по крайней мере, сегодня. Но ведь не отказалась... С Женечкой, что ли, поцапалась? Тогда понятно. С одной стороны, становиться «мстей» взбалмошной девицы как-то унижительно, с другой – почему нет? С Королевым все ясно, рано или поздно он на Галю плюнет, и та с разбитым сердцем будет искать ему замену. А тут я, молодой и красивый. Цинично, ага. Но у нее своя голова на плечах, вот и пусть думает. Хорошо бы, конечно, чтобы до постели у них не дошло. Опять же, что мне мешает набить сопернику морду и получить заслуженный трофей? Вот и я о том...

Некстати нарисовавшийся Петрович выдал образ окровавленного Королева, причем я четко различил следы кошачьих когтей на его физиономии. На смену ему пришла волнительная картина нашего с Галей интима, а рядом с кроватью расположился с гордым видом рыжий кот. Я похлопал по колену, подзывая напарника, и тот кочевряжиться не стал.

– Спасибо, братан! – растроганно сказал я, почесывая его за ухом. – Предложение правильное, но я уж как-нибудь сам. Не вздумай лезть к Королеву! Усек?!

Петрович муркнул возмущенно, но на пол не спрыгнул – смирился. Вот и славно. Сам разберусь. Тут как раз из каюты вышла облаченная в банный халат Галя, и я выбрался из кресла, уронив Петровича.

Я оказался прав – в тот вечер мне ничего не обломилось. Просто провел время в компании приятной девушки, что тоже хлеб. Сидели в парной, плавали в бассейне, пили коктейль – в общем, все чинно и благородно.

Система HD 44594, планета Находка,

24 августа 2537 года

На третьи сутки после того памятного вечера наши с Петровичем выходные закончились и пришлось сегодня с самого утра явиться в биолaborаторию, пред светлы очи профессора Накамуры. Против ожидания тот долго с нами не общался, а сразу отфутболил к старому знакомцу Викентию Федоровичу Егорову, сославшись на занятость. Мы, понятное дело, возражать не стали и нашли Викентия во втором от входа индивидуальном боксе, дверь которого была украшена табличкой с идентификационными данными. Весельчак-ученый наше появление воспринял сугубо положительно.

– Рад, весьма рад! – объявил он, едва завидев нас. – Профессор Накамура сейчас очень занят, сами понимаете, начальный период работы на новом месте, бардак до сих пор не разгребем. С другой стороны, под шумок могу вам устроить экскурсию – не возражаете?

Вот интересно, с чего бы нам возражать? Все лучше, чем торчать в боксе или потреблять спиртное с коллегами. Мы за этим занятием (я про спиртное, само собой) второй выходной убили, а дальше скука одолела. Галя целыми днями на работе, да и по вечерам она не особенно приветлива была, скорее задумчивой и усталой казалась. Так что к концу выходных мы с питомцем порядочно измаялись бездельем.

– Как скажете, друг Викентий! – покладисто согласился я. – Показывайте ваши владения.

– Они теперь такие же ваши, как и наши, – возразил тот и извлек из шкафчика неизменный белый халат. – Наденьте, а то местные обитатели не поймут.

– Так, может, и Петровича брать с собой не стоит? – засомневался я, натягивая обновку поверх повседневной формы. Поморщился мысленно: кобура скрылась под полой, и теперь добраться до пистолета было проблематично. Впрочем, сразу же себя одернул – за каким хреном мне оружие в защищенной лаборатории? – Все же зверь, начнут бухтеть про рассадник микробов.

– Не начнут, – заверил Егоров. – А начнут, так успокоим. В конце концов, в режимные боксы мы не полезем, а в остальных помещениях ничего страшного.

– Как скажете, – хмыкнул я и направился следом за проводником, не забыв кликнуть Петровича.

Кот дисциплинированно пристроился рядом и далеко не отходил, хотя периодически бодал башкой мои ноги и то и дело забрасывал недоуменными образами-вопросами, когда наткнулся на что-то непонятное. Я в ответ посоветовал на непонятки забить, поскольку сам оказался в аналогичном положении – вокруг уйма всякого-разного, но почти ничего знакомого. А вот Викентий чувствовал себя здесь как рыба в воде и умудрялся по ходу дела давать подробнейшие описания всему и вся. Сначала он провел нас длинным коридором с дверями по обеим сторонам – это оказался административный блок с личными кабинетами сотрудников, каковых было ровно двадцать штук. Попутно Егоров пояснил, что в персонале биолaborатории числится пятьдесят четыре человека, включая меня. На мой недоуменный вопрос, почему же тогда кабинетов так мало, пояснил, что почти все они двухместные, плюс у некоторых особенно продвинутых (и особо ценных) специалистов есть совсем крошечные индивидуальные боксы непосредственно в лабораторных помещениях. Заодно выяснилось, что нам с Петровичем тоже положен кабинет, куда нас Викентий незамедлительно и отвел. Комнатушка после каюты размером не поражала, к тому же располагалась неудобно, рядом с туалетами. В принципе, параллельно – звукоизоляция на высоте, а запахи в современных клозетах отсутствовали как класс. Поэтому подобное соседство доставляло ровно одно неудобство: сразу был ясен социальный статус хозяина помещения. Ладно, пусть считают меня тупым солдафоном, мне же проще. А так вполне нормально: рабочий стол со встроенной информсистемой, шкафчик одежный и еще один, для документов, плюс удобное пластиковое кресло. Что еще нужно, в сущности? В общем, кабинет нам с Петровичем понравился.

Затем Викентий провел нас по лабораториям, коих оказалось целых шесть штук. Чем они отличались, я не очень понял: оборудование всюду было однотипное, разнившееся разве что в деталях. Из объяснений Егорова я уяснил лишь, что специализация разная: где изучают насекомых, где млекопитающих, где птиц, и все конечно же с приставкой «псевдо». Насчет птиц я усомнился – убедились уже, что на планете их нету. От слова совсем. Но на это Викентий резонно ответил, что узких специалистов в составе биолaborатории нет, и орнитологи просто могут заняться изучением местных «летучих мышей». И еще любопытная деталь: повсюду сутились белохалатные сотрудники, все куда-то спешили, перетаскивали какие-то коробки и ящики, кое-где еще только распаковывали оборудование. На нас внимания почти не обращали, разве что один малахольный лаборант испуганно матюгнулся, едва не наступив на Петровича. Тот в ответ обложил его трехэтажным кошачьим матом, понятным только мне, и на этом инцидент исчерпался.

В самом последнем, шестом, лабораторном блоке мы неожиданно натолкнулись на Галю Рыжик. Здесь суеты было поменьше, да и бокс выглядел куда серьезней: длинный ряд огромных колб литого стекла с мешаниной проводов и шлангов, отгороженный толстенным броне-пластиком закуток, четыре излучателя по углам – явно помещение повышенной биологической опасности. Я даже разглядел под потолком несколько сопел системы пуска усыпляющего газа. Несмотря на архаичный вид, лаборатория производила солидное впечатление. Противополож-

ная от колб сторона зала была разделена перегородками чуть выше человеческого роста на несколько индивидуальных закутков с лабораторными столами, заставленными микроскопами и прочей ученой лабудой, и в двух из них работали люди. Бокс с парой лаборантов-ботаников мы оставили без внимания, а вот в кабинетик с миниатюрной девушкой, склонившейся над дисплеем электронного микроскопа, свернули по настоянию Викентия.

– Как успехи? – поинтересовался Егоров, неслышно приблизившись к биологу сзади.

Надо сказать, лабораторный халат облегал ладную фигурку весьма аппетитно, а из-под белого чепчика торчали рыжие локоны. Именно в этот момент у меня зародились первые подозрения насчет личности хозяйки кабинета, которые сразу же и подтвердились: та вздрогнула и выскочила, резко повернувшись к Егорову:

– Викентий Федорович! Потрудитесь впредь стучать!

Ага, точно Галя! Голос не перепутаешь, а уж с этими истеричными нотками вообще ошибиться невозможно – по первой нашей встрече памятно. Лицо девушки скрывалось под медицинской маской, но глаза я узнал моментально.

– Да ладно вам, Галечка! – Викентий выставил руки в защитном жесте и попытался оправдаться: – И в мыслях не было вас пугать, лапочка, просто мы с коллегами решили поинтересоваться, как дела. Я им лабораторию показывал...

Но, видимо, настроение у Галины сегодня было отвратительное, потому что Егоров своими словами положение только усугубил.

– Викентий Федорович! – ледяным тоном сказала она, уперев руки в бока. – Немедленно покиньте мой кабинет! И впредь не заходите без разрешения, и особенно не приводите ПОСТОРОННИХ! И тем более с ЖИВОТНЫМИ!!! У меня здесь все стерильно. – На этом Галина посчитала показательную порку законченной.

Мы же пулей выскочили из бокса и вообще лаборатории – связываться с разъяренной женщиной себе дороже, это даже Викентий понял.

– Чего это с ней? – недоуменно пробормотал он, когда мы выбрались в общий коридор. – С утра все в порядке было...

– Не обращайтесь внимания, – посоветовал я, направляясь к собственному кабинету. – Может, по пятьдесят, за начало совместной деятельности, так сказать?

– Легко! – обрадовался Викентий и скрылся за ближайшей дверью.

Я тем временем зашел к себе (уже осознал и даже привык, ага) и устроился в кресле. Петрович запрыгнул на стол, забодал мою руку и передал соблазнительный образ Гали с мокрыми тапками в руках и довольным котом неподалеку.

– Точно, – хмыкнул я, почесывая питомца, – так и сделаешь. Разрешаю.

Петрович многообещающе муркнул и повернулся на шум – в кабинет неуклюже вломился Викентий, прижимая рукой оттопыренный карман халата.

– Пьем спирт, традиция! – объявил он и взгромоздился на табурет с другой стороны стола.

Система HD 44594, планета Находка,

25 августа 2537 года

Вчера от души побездельничал, разве что торчал я поначалу не в жилом боксе, а в персональном кабинете в биологической лаборатории. Мы с Викентием под традиционный спирт основательно перемыли косточки всем общим знакомым, а затем переместились в сауну, даже не дождавшись конца рабочего дня. Впрочем, никто про нас не вспомнил и на вид такое упущение не поставил. А сегодня утром я неожиданно столкнулся в душевой с расстроенной Галей. Я сна-

чала даже не понял, чего это она решила воспользоваться общими удобствами – сам я предпочитал санузел непосредственно в каюте, а в это помещение попал сугубо по нужде, выбросить мусор в утилизатор. Вернее, скрыть следы вчерашней попойки в виде градуированного поллитрового пузыря из-под спиртяги, так что едва успел спрятать посудину в карман шортов. Но Галя на мой косяк внимания не обратила, занятая странным делом: она пыталась просушить мягкие тапочки под потоком горячего воздуха из стандартной сушилки для рук. Получалось не очень: прибор то и дело выключался, реагируя на движения ладоней, и девушка раздраженно проводила тапками под сенсором, очаровательно закусив губу.

– Доброе утро! – поприветствовал я соседку, но ответной любезности не дождался.

Зато принялся и выяснил причину Галиного нестандартного поведения – клятый Петрович выполнил-таки обещание и напрудил ей в обувь. И когда успел только, стервец! Хотя ничего удивительного, в компании Викентия я утратил бдительность и контроль за питомцем ослабил. А тот послаблением не замедлил воспользоваться.

– Вы это специально, да? – в очередной раз чертыхнувшись, возмутилась Галя. – Я вам доверяла, обоим причем... А вы вон как!

– Я к этому не имею ни малейшего отношения! – поспешил я уйти в отказ. – С другой стороны, Петровича понимаю. Вам, барышня, стыдно должно быть за свое поведение.

– Дурак! – фыркнула девушка и отвернулась.

Ну вот, как всегда. Универсальная реакция на правду в лоб. Демонстративно изобразив тяжкий вздох, я незаметно отправил пузырь в пасть утилизатора и покинул негостеприимное помещение, оставив Галю наедине с горем. По правде говоря, абстинентный синдром постоянно напоминал о себе, выпили вроде всего ничего, у Викентия в заначке и было-то грамм двести, зато чистого спирта. Впрочем, могло быть и хуже. Вот сейчас перекушу слегка, чайку выпью, и буду как огурчик.

На рабочее место через какой-то час я явился во вполне вменяемом состоянии, даже попавшийся на пути профессор Накамура ничего не заподозрил. А вот Викентий похмельем маялся, по нему было видно. Даже намекнул при встрече, что не мешало бы накатить для поддержания здоровья, но я решительно отказался – планы на сегодня у меня были несколько иные. В родном кабинете я оккупировал стол, врубил информсистему и около часа шарил по локальной сети лаборатории. Привычка у меня такая, подчас весьма полезная: хоть я и не специалист, но в общих чертах представлять круг интересов коллег необходимо, элементарно для того, чтобы суметь поддержать беседу и не показаться деревом. К тому же мне никто не мешал: Петрович остался в жилом боксе отлеживать бока, а из местных обитателей никто заглянуть не удосужился. Егоров не в счет.

Анализ досье ключевых сотрудников лаборатории оказался неожиданно увлекательным занятием. Я с головой погрузился в чтение и отвлекся лишь на вызов по аське: как выяснилось, местный админ автоматически присвоил каждому рабочему месту свой логин и прописал в общем каталоге, так что найти нужного человека, зная его специальность и фамилию, труда не составляло. И сейчас меня вызывал не кто иной, как непосредственный начальник – комбат Исаев. Я кликнул по иконке, развернув экран видеовызова, с которого на меня уставился майор.

– Так, Денисов, бросай все и дуй на третий стартовый комплекс, – без предисловий приказал он. – И чтоб в полном боевом, и питомца не забудь. С Накамурой я согласовал. Как понял, прием.

– Понял, – кивнул я. – А что случилось, товарищ майор?

– Командиром группы идет Иванов, все вопросы к нему, – отрезал комбат. – Все, пошел.

Вызов отключился, и я поспешил смыться из лаборатории, благо предлог имелся более чем весомый. Через пятнадцать минут, побив все нормативы, мы с Петровичем вышли из лифта, доставившего нас на третий стартовый комплекс, который располагался в третьем же

«лепестке», или, если официально, «секторе-3». По пути я успел связаться с капитаном Ивановым, и тот пояснил, что группа собирается у «семерки» – среднего атмосферного бота, на каких обычно передвигались по планете исследовательские партии. Группу из десятка бойцов я заметил уже от лифта, к тому же Коля помахал рукой, привлекая мое внимание, так что блуждать не пришлось.

– Здравия желаю, – поздоровался я сразу со всеми, заодно всматриваясь в лица.

Из знакомых обнаружился только Иванов, остальные парни были из батальона Охотников. Как и мы, при полном параде: в бронекостюмах, увешанные оружием и боеприпасами. Все очень серьезно, разве что шлемы пока не загерметизированы и забрала откинута.

– Здравствуй, мой рыжий друг! – Николай одарил Петровича традиционной лаской и приглашающе махнул рукой: – Все в сборе, грузимся.

Экипаж уже занял свои места, ждали только нас, так что мы гуськом прошли через створ атмосферного люка – шлюзы в таких машинах не предусматривались – и расселись в десантном отделении, вернее, в пассажирском отсеке. Кресла тут были рассчитаны на ученых в легких скафандрах, поэтому Охотникам пришлось туго – все как один крупные, они в своей броне были похожи на камуфлированных горилл и с трудом помещались на сиденьях. Я уселся рядом с Ивановым, Петрович забрался ко мне на колени. По уму бы его тоже пристегнуть, но, надеюсь, у пилотов, коих целых двое, есть совесть. Плюс гравикомпенсаторы на этой модели имелись – все-таки современная машина, в отличие от самой базы. Поблизости от нас устроился и командир Охотников – хмурый лейтенант лет двадцати пяти. Я протянул ему ладонь, представился:

– Денисов, Олег.

– Калашник, Дмитрий, – ответил тот крепким рукопожатием.

– Познакомились? – влез Иванов. – Вот и славно. Тогда перейдем к делу. Сорок минут назад обнаружен странный объект, судя по результатам сканирования – металлический, и форма у него занятная. Ребята из отдела мониторинга подняли тревогу, залезли в архивы и извлекли на свет божий спутниковые фотографии квадрата. Все подтвердилось: в полутора тысячах километров южнее нас в одной из долин горной гряды Мрачной лежит нечто, напоминающее космический корабль. Наша задача исследовать объект, причем предельно осторожно, на рожон не лезть. Вопросы?

– Это кто же так горы обозвал? – хмыкнул я.

– Без разницы, – отбрил меня Коля. – По существу вопросы есть? Вопросов нет. Значит, будем разбираться на месте.

Как бы в подтверждение его слов бот слегка дрогнул – пилоты врубили антиграв – и на обзорном экране возникло изображение с ходовых камер, пока всего лишь сегментный люк стартового комплекса. Вот оно как, оказывается! На военных бортах никто не заморачивался такими мелочами, а здесь для ученых все удобства, даже куда летишь видно. Неслыханная роскошь, ага. Сегменты разошлись, освободив пространство прямо по курсу, и кораблик с нехилым ускорением рванул с места.

Система HD 44594, планета Находка,

25 августа 2537 года

Подгоняемый ионными двигателями, бот преодолел полторы тысячи километров от базы до ущелья с загадочным объектом менее чем за полчаса. Как показала практика, такие движения самый беспроегранный вариант для атмосферной техники: не нужно тащить с собой запас рабочего тела, газ берется прямо из окружающей среды, а энергия для ионизации и поддержа-

ния электростатического разгонного поля содержится в емких аккумуляторах. Жаль только, что в условиях открытого космоса данный способ малоприменим, вот и приходится замораживаться с топливными баками, дюзами и прочими сопутствующими прелестями.

Точка высадки располагалась в южной, гористой части континента. Климат тут был посувее, к тому же высота над уровнем моря около тысячи метров. Ладно хоть в долине высаживаться будем, а не где-нибудь на перевале, так что по снегу пробиваться не придется. За время пути у нас перед глазами последовательно сменилось несколько типов ландшафта – от лесостепей и степей ближе к центру материка до предгорных районов с соответствующим рельефом и растительностью. В степи периодически мозолили глаза многочисленные стада каких-то травоядных, но с высоты даже с максимальным увеличением рассмотреть их в подробностях не удалось. Зато у меня возникло стойкое подозрение, что в скором времени придется туда метнуться на предмет познакомиться поближе, поскольку зоологи такой объект исследования с руками оторвут. Ученая братия в целом меня волновала мало, но одна конкретная рыжая биологичка интересовала весьма и весьма, и вот ради нее можно было бы и расстараться, ага. Попадались и стаи местных «летунов», довольно крупных перепончатокрылых с размахом до полутора метров. Но больше ничего занятного не встретилось, а там и на место прибыли.

Командир экипажа заблаговременно вывел в угол обзорного экрана данные со сканера, поэтому мы могли отслеживать объект в реальном времени. Долина оказалась живописной и относительно крупной, этакая чаша в окружении увенчанных снежными шапками гор. По самой ее середине протекала река, бравшая начало в ледниках. На первый взгляд очень удобное место, так и просится поселение. Воды в избытке, климат нормальный, разве что виноградники не разведешь, все же зона средних широт, не субтропики. Но это все лирика. Пока же наше внимание привлек «блин» старого корабля, по первому впечатлению – среднетоннажный «универсал-эксплорер», какие были в ходу до войны. Пилот заложил круг над долиной, дав нам возможность рассмотреть древнюю развалину в подробностях, потом аккуратно приткнул бот под бортом обветшалой громадины – само собой, на безопасном удалении. Корабль стоял аккуратно, посреди обширной ровной площадки в сердце природного амфитеатра. Посадочные опоры выдвинуты и упираются в грунт, причем утонули в нем уже на пару метров, не меньше, обшивка обшарпана, но видимых повреждений нет, равно как и крупных дыр или следов оплавления на дюзах маршевых двигателей. Такое ощущение, что трехсотметровый красавец приземлился в штатном режиме с соблюдением всех протоколов безопасности. А вот что с ним потом произошло?..

– Не нравится мне это, – разродился банальностью Коля Иванов, когда тишина стала слишком уж зловещей. – Наш корабль, зуб даю. Но откуда он тут взялся?

– Мало ли, – пожал я плечами. – Сколько посудин без вести пропало за триста лет? Смотри, что на борту написано: «Левиафан». Причем даже не на интере, просто латиницей. Наверняка из англоязычного сектора.

– Не факт, – возразил лейтенант Калашник. – Французским может быть с той же вероятностью...

– Надо по базе данных пробить, – озвучил очередную банальность Иванов. – Летуны, с базой связь есть?

– А как же! – немедленно отозвался пилот на общем канале. – Передаем картинку в реальном времени, обещали результат уже через пару минут.

– Ждем пока, – резюмировал капитан.

Охотники в салоне что-то оживленно обсуждали, но в наш разговор не вмешивались. У нас же беседа как-то сама собой угасла, и я поспешил воспользоваться передышкой для проверки ППМ питомца, заодно прогнал в тестовом режиме программное обеспечение. Петрович к процедуре отнесся равнодушно, как к неизбежному злу – слово «надо» я в него вколотил

еще в учебке. Чует мое сердце, придется нам с напарником пошариться в пыльных коридорах призрака далекого прошлого.

– Есть контакт! – объявил между тем пилот. – Исследовательское судно класса «универсал-эксплорер», порт приписки Болл. Корабль числится пропавшим без вести с 2433 года. Ушел в прыжок, после этого на связь не вышел. Насчет пункта назначения сведений нет. Есть список экипажа, если кого интересует.

– Ага, только его нам сейчас и не хватает, – хмыкнул Иванов. – План корабля нужен, однозначно. А то мы по нему неделю бродить будем.

– Уже готов. Запускаю синхронизацию.

С этой процедурой справились буквально за секунды, еще минут десять ушло на тщательное сканирование безмолвной громады. Результат получили ожидаемый: на борту белковые организмы крупнее насекомых отсутствовали как класс. Накопители корабля тоже были абсолютно пусты, а сам он был давно и безнадежно мертв. Так что прогулка нам предстояла веселая: проламываться через люки и переборки удовольствие ниже среднего. Впрочем, сразу же выяснилось, что в команде Калашника как раз на такой случай имеется специально обученный человек с соответствующей аппаратурой, который любой люк запитает от переносной батареи, если, конечно, механизм не совсем обветшал.

– Ладно, нечего ждать у моря погоды! – заключил Николай, изучив показания сканера. – Отряд! Слушай мою команду! Загерметизироваться! Соблюдать осторожность. Дима, разбивай своих людей на пары, и обойдите корабль по периметру. Фиксируем повреждения, а также все, что покажется подозрительным или необычным. Потом собираетесь у главного грузового шлюза и действуете по обстановке. Основная задача – проникнуть на борт. Мы с Денисовым осмотрим окрестности на предмет следов человеческой деятельности. Вопросы? Вопросов нет. Погнали.

Капитан захлопнул забрало, подавая пример остальным, подхватил штучер и выпростался из кресла. Мы с Петровичем дисциплинированно последовали за ним, так что у атмосферного люка оказались самыми первыми. Иванов вручную сдвинул бронестворку, прыгнул на каменистую почву, осмотрелся, на всякий случай сопровождая взгляд движением ствола, и махнул рукой – чисто! Петрович сиганул следом, подчинившись моей мысленной команде, а я замкнул группу. Когда мы не торопясь удалились от бота метров на тридцать, Николай дал добро на высадку остальным. Охотники горохом высыпались из десантного отсека, быстро разбились попарно и в строгом порядке разошлись в разные стороны, охватывая тушу корабля с двух направлений. Двигались парни осторожно: один – осматривал нависший над головой борт, второй в это время страховал. Опытные ребята, сразу видно.

– Олег, не отставай! – Коллега Иванов направился к небольшому взлобку прямо по курсу, и мы повторили его маневр.

Добравшись до облюбованного места, еще раз тщательно осмотрели окрестности, задействовав всю доступную аппаратуру. Через некоторое время Николай тронул меня за плечо:

– Смотри, вон там, чуть левее третьей опоры – видишь? Похоже на катер.

– Ага. Пойдем посмотрим?

– Сам справлюсь, – отмахнулся капитан. – Надо как можно большую площадь охватить. Так что иди-ка ты во-о-он туда! Вроде как еще какие-то руины торчат. Глянь вблизи.

– Есть! – Я навелся на указанный Ивановым ориентир, увеличил масштаб. – Ага, точно, интересное что-то. Петрович, за мной!

По мере приближения к заинтересовавшим нас объектам меня все более охватывало удивление: метрах в двухстах от корабля, почти на самом берегу быстрой речки, из каменистой почвы вырастали две правильной формы пирамиды. Сначала я принял их за обычные холмики: расстояние скрадывало очертания, к тому же цветом эти сооружения почти не отличались от мелких камешков под ногами. Но вблизи я уже не был так уверен. На удивление острые грани,

достаточно гладкие плоскости, как будто обработанные инструментом каменотеса, площадка под пирамидами, тщательно выровненная и некогда ухоженная, – все говорило о том, что перед нами рукотворные объекты. В высоту они достигали почти трех метров, и не менее полутора имели в основании, прогал между ними около четырех, а площадка шагов тридцать в поперечнике. Очень странно. С одной стороны, несомненно, искусственные хреновины. С другой, в массиве камня я так и не нашел ни одного шва, все грани скорее водой источены, а не резцом или чем-то подобным. Плюс пирамиды вырастали из скального массива площадки без заметного перехода – лишь оттенок породы чуть изменялся на границе. Я остановился точно посередине между ними и принялся недоуменно вертеть головой. Сканер говорил мне, что объекты никаких пустот не содержат, материал – минерал, весьма смахивающий на базальт как по фактуре, так и по твердости. Под ногами скала из той же породы. Плюс слабый магнитный фон и остатки порошкообразного оксида железа, но в мизерных количествах. Ничего не понимаю. Кому могло прийти в голову возвести здесь подобное сооружение? Экипажу корабля? На хрена, позвольте спросить? Мало того что пирамиды не несли никакой функциональной нагрузки, так и эстетической стороной не блистали – тупо каменные зубы правильной формы, торчащие из каменного же основания. В принципе, как изготовили понятно – скорее всего, стесали скалу, что некогда здесь возвышалась. Но вопрос «на хрена?» это понимание не снимало.

Петровича непонятное сооружение заинтересовало постольку-поскольку: он лениво пристроился у грани одной из пирамид и пометил ее, дернув хвостом и аккуратно отряхнув задние лапы. Втянул ноздрями воздух и требовательно мяукнул, сопроводив мям картинкой удаляющегося к кораблю Егеря в сопровождении верного кота.

– Нет, Петрович, к остальным пока не пойдем, – помотал я головой. – Очень уж штука интересная.

Питомец сердито фыркнул – ему каменюки интересными совсем не казались, в отличие от того же корабля. Петрович у меня не чужд авантюризма, любит иногда пошариться по разным заброшенным местам в поисках острых ощущений. А тут такая оказия – целая старинная посуда! А ну как там чужие коты прячутся? Непорядок. Однако я на реакцию напарника внимания не обратил и еще раз обогнул пирамиды, стараясь не упустить ни одной детали. Изображение объектов уже давно ушло на базу, и сейчас компьютерщики азартно перерывали все доступные хранилища информации в поисках хоть какой-нибудь зацепки. Ладно, пусть работают, а мы пока к коллеге Иванову присоединимся. Я кликнул Петровича и направился к видневшемуся вдалеке корпусу космокатора, около которого маячила фигура капитана.

– Коль, есть чего?.. – поинтересовался я, оказавшись рядом с ним.

– А, фигня какая-то! – махнул тот рукой. – Такое ощущение, что эту бандуру бросили тут без всякой причины. Вроде как к полету готовили, потом отвлеклись, отошли куда-то, да так и не вернулись. Видишь, люк открыт? И с той стороны лючки с аварийными комплектами вскрыты. Похоже на предстартовую проверку. И с энергобатареи крышка скинута...

– Действительно, странно. Следов людей вообще не нашел?

– Сам-то как думаешь? Конечно, не нашел! За сотню лет, да еще на таком грунте... Да если бы тут бомбы рвались, мы бы сейчас воронки от естественных ям не отличили. У тебя, кстати, что?

– Да еще большая фигня, – обрадовал я командира. – Сам смотри. И база молчит, – видать, не нашли ничего похожего в информатории.

– Н-да, – выдал через пару мгновений Иванов. – Занятно. Штука явно искусственная. На фига они ее сделали, как думаешь?

– Понятия не имею. И вообще у меня такое ощущение, что это не люди с корабля сделали. Не могу объяснить почему. Вот чувствую, и все тут.

– А кто тогда? – озадачился Николай. – Не знаешь? Вот и я не знаю. А посему послушаем совета товарища Оккама и не будем множить сущности. По факту разумные обитатели на планете отсутствуют, так что принимаем за рабочую версию, что это исследователи соорудили за какой-то надобностью.

– Как скажешь, – не стал я спорить. – Пройдемся, еще следы поищем?

– Пошли. – Иванов забросил штучер на плечо и направился вдоль корабля по широкой дуге, оставляя между нами и высоким бортом прогал метров в двести.

На обход территории потратили минут сорок, но ничего интересного больше не нашли, разве что остатки древнего лагеря на небольшом галечном пляжике обнаружили. Но и здесь, кроме истлевших обрывков синтетических палаток веселенькой расцветки да аккуратно выложенного некрупным булыжником места под костер, ничего больше не отыскалось. Правда, у самого среза воды наткнулись на полузанесенную мелкой галькой побитую пластиковую фляжку – такое ощущение, что ее кто-то выронил да и оставил за ненадобностью. Еще периодически попадался мелкий мусор, без какого ни один бивак не обходится, но больше всего его оказалось в районе грузового шлюза, который тоже был гостеприимно распахнут. Причем вскрыли его явно не Охотники, видно было, что он все эти годы простоял открытым – внутрь нанесло порядочно всякого хлама, даже уже плодородный слой почвы образовался, на котором зеленела нежная травка.

– Иди ты! – только и сказал Иванов, узрев это безобразие.

Целостность слоя была нарушена: Охотники завершили наружный осмотр гораздо быстрее нас и уже скрылись в утробе древней развалины.

– Может, ну его на фиг? – придержал я капитана за плечо. – Давай тут лейтенанта подождем. Чего под ногами у людей путаться?

– Давай, – легко согласился коллега, и мы выбрались из промозглого тамбура под ласковые лучи местного светила.

Я выбрал место поудобнее и уселся на мягкую траву, Петрович пристроился рядом. Он вообще-то намеревался нырнуть в шлюз и прошвырнуться по коридорам корабля, но я запретил – еще напугает ненароком кого из Охотников. Водится за моим питомцем подобный грешок.

Капитан Иванов с задумчивым видом бродил рядом. Поскольку внутрь мы лезть раздумали, то позволили себе откинуть забрала и подышать свежим воздухом затерянной в высокогорье долины. А тут еще речка под боком, вообще кайф.

– Запроси базу насчет пирамид, – через некоторое время напомнил Николай.

– Да уже... Сказали, ничего похожего нет.

– Что, даже у каких-нибудь древних ацтеков аналогов не нашлось? – удивился коллега. – Стремно. Но все равно будем считать, что это люди с корабля прикололись. Пока мне обратное не докажут.

Система HD 44594, планета Находка,

25 августа 2537 года

У старого корабля мы проторчали еще битых два часа. Все это время Охотники парами обшаривали его внутренности, стараясь не пропустить ни одного закутка. Как объяснил вскоре присоединившийся к нам Дима Калашник, больше для очистки совести, нежели ради результата: то, что следов людей не удастся обнаружить, стало ясно уже через полчаса после начала поисков. Из его слов складывалась красноречивая картина: все внутри выглядело так, будто вся команда разом бросила текущие дела и куда-то ушла. Единоновременно и внезапно, что харак-

терно. На боевых постах валялись в беспорядке интерфейсные шлемы и планшеты, в грузовом трюме застыли брошенные посреди проездов погрузчики и разнообразная тара с консервами и аппаратурой. В столовой часть столов была накрыта к обеду, столовые приборы так и стояли на истлевших скатертях, в некоторых тарелках даже сохранились окаменевшие остатки пищи, как и в кухонном автомате. В каютах на жилой палубе нашлись разобранные постели, брошенная в беспорядке одежда, предметы личной гигиены и даже браслеты-инфоры и КПК, все разряженные, но исправные. Несколько Охотникам удалось оживить, по ним установили дату происшествия – судя по последним записям и историям звонков, люди исчезли третьего марта 2433 года, что согласовывалось с архивными данными. Возникал вопрос: почему экипаж не связался с базой после высадки на планете? Впрочем, ответ лежал на поверхности. Даже сейчас, с учетом наличия Сети, отсюда проблематично докричаться до Внутренних систем – слишком мы далеко от ближайшего маяка-ретранслятора. Что уж говорить про те времена, когда самыми быстрыми средствами сообщения считались почтовые курьеры. Еще технический гений из отряда Калашника умудрился подключить одну из рабочих станций в реакторном отсеке – там вычислительная техника по неясной причине сохранилась лучше всего. Но ничего существенного не выяснили, за исключением одной детали: вся электроника, реактор и вспомогательное оборудование выключились самопроизвольно согласно заложенным программам. Сначала автоматика заглушила реактор, потом, по мере разрядки батарей, вырубилось все остальное. По всему выходило, что люди пропали именно что внезапно и одновременно, что заставляло задуматься.

– Не нравится мне это, – в очередной раз повторил Иванов, выслушав лейтенанта. – Трупы, следы борьбы – хоть что-нибудь нашли?

– Абсолютно ничего, – покачал головой Калашник. – Они все просто ушли. Вам в округе ничего занятного не попало?

– Не-а. Могут сказать то же самое – тут недалеко катер, такое впечатление, что его бросили в разгар работ. Бивак на пляжике, и тоже все валяется, но не в беспорядке, а как лежало, когда тут люди были. И Олег еще странную фиговину нашел... покажи лейтенанту.

Я исполнил просьбу, перегнав в Димин вычислитель видеофайлы. Тот, задумчиво хмурясь, предельно внимательно просмотрел запись и вынес вердикт:

– Искусственная хрентень, зуб даю.

– А то мы не поняли, умник! – хмыкнул я, и Петрович согласно мяукнул.

Тут лейтенанта начали по очереди вызывать поисковые пары, и мы с коллегой решили не отвлекать его от работы. Но занят Калашник был недолго: уже через пару минут из главного шлюза показались Охотники, идущие тесной группой. Немного не доходя до нас, они остановились, и один из них, шкафоподобный сержант, приблизился, откинув забрало. Вид у него был задумчивый донельзя.

– Никогда такого не видел, – сказал он. – Идеальный порядок везде. То есть пылищи, конечно, выше крыши, особенно в коридорах. А в каютах почти нету... Не суть. Я имею в виду, никаких следов нападения. В одном кубрике нашли в санузле приготовленную бумагу и труселя около унитаза – такое ощущение, что их обладательницу нечто настигло в самый интересный момент. И опять же никаких следов драки... Что-то плохое тут случилось, седалищным нервом чую.

– Вот не поверишь, Миха, самому так кажется! – невесело ухмыльнулся Калашник. – Всё засняли?

– Так точно!

– Тогда возвращаемся на базу, чего время тянуть... – подвел итог импровизированному военному совету Иванов. – Все на борт.

– Товарищ капитан, – прорезался голос пилота на общем канале, – тут вас начальство желает слышать. Третий кодированный.

– Ага, – отозвался Коля и захлопнул забрало.

Дальнейший его разговор с руководством мы не слышали – мало того что канал кодированный, так еще и командирский. Беседа заняла минут пять, потом капитан резким движением откинул лицевой щиток и злобно цыкнул зубом.

– Короче, отставить погрузку. Сейчас «особист» с помощничками прибудет. А пока велели далеко не уходить, охранять объект. И сразу предупредили: все, что мы видели, не подлежит разглашению. Подписку позже оформим, когда гэбэшник появится.

– Вот... ведь! – выругался Калашник. – Так и знал, что в дерьмо угодим. Миха, проводи разъяснительную работу среди личного состава. Предупреди, чтобы «особисту» не хамили, и вообще, повежливей. Так быстрее отвяжутся.

– Понял, – кивнул сержант и вернулся к подчиненным, так и стоявшим группой шагах в десяти от нас.

– Ну и что будем делать? – поинтересовался я на правах самого неопытного.

– А ничего, – расплылся в безмятежной улыбке мой начальник. – Все отрицай: я не я и моя хата с краю. Ничего не видели, ничего не слышали. Докладывать строго по фактам: нашли то-то и то-то. Выводы пускай делают сами, это их работа.

«Особист» с командой появился минут через сорок. Прилетели они на таком же боте, как и наш, но без бортового номера, вместо которого красовалась эмблема компании «Внеземелье» – силуэт космического корабля на фоне схемы Солнечной системы. Насколько я помню, эта эмблема появилась в XXII веке, когда люди еще только начали осваивать планеты собственной прародины. Бот приткнулся рядом с нашей «семеркой», створка люка отъехала в сторону, и из десантного отсека выбрались четверо в странного вида скафандрах – и не военная броня, и не гражданские защитные костюмы. Нечто среднее между егерским обвесом и экипировкой штурмовиков: черные комбезы с броневыми вставками, легкие бронежилеты с интегрированными разгрузками, пистолеты в кобурах на поясе, на плече легкие ПП «Викинг» под пистолетный унитар. Одним словом, «частное охранное предприятие». Впереди шел долговязый тощий тип с откинутым забралом. Из вооружения на нем присутствовал лишь пистолет в подмышечной кобуре. Остальные же трое защитой не пренебрегали – шлемы загерметизированы, пистолеты-пулеметы в руках, стволы шарят по окрестностям. Долговязый что-то шепнул спутникам, и они отстали, взяв на контроль Охотников. Сам же тощий подошел к нам.

– Карл Линдеманн, – отрекомендовался он на интересе с немецким акцентом. – Служба безопасности компании. Полномочия подтверждать нужно?

– Будьте любезны, – сухо улыбнулся в ответ Иванов.

«Особист» без возражений извлек из нагрудного кармана идентификатор.

– Все в порядке? – осведомился он пару мгновений спустя.

Николай молча вернул ему пластиковый прямоугольник.

– Чего вы хотите?

– Ничего сверхъестественного. Компания считает, что обнаружение корабля «Левиафан» на данном этапе работы экспедиции нужно сохранить в тайне от остального персонала. Подробный доклад будет отправлен в Метрополию в течение недели, с курьером. Пока же вы должны дать подписку о неразглашении.

– Обоснуйте, – буркнул Калашник.

Судя по угрюмому виду лейтенанта, «особист» ему жутко не нравился.

– Незачем давать повод для сплетен, вам не кажется?

– Мы понятия не имеем, что здесь произошло. Вы можете гарантировать, что с нами не случится то же самое? – впери в «особиста» хмурый взгляд Иванов.

– Непосредственной опасности нет, а панику разводить я не позволю! – отчеканил Линдеманн. – Ни я, ни руководство компании. Ответственность я беру на себя, если вас этот вопрос беспокоит.

– Меня беспокоит безопасность экспедиции, – подпустил Николай льда в голос. – Хотя это ваша непосредственная обязанность.

– Можете выразить ваше несогласие в письменной форме, в трех экземплярах, – ухмыльнулся «особист». – Обязуюсь отправить ваш рапорт руководству с тем же курьером. Но до получения ответа вы будете выполнять наши указания. Надеюсь, с этим разобрались? Тогда немного побеседуем. Сейчас я возьму у вас показания, официально, под роспись. Не возражаете?

Еще бы мы возражали! Тут он в своем праве, так что пришлось еще больше часа отвечать на вопросы безопасника. Тот оказался опытным дознавателем и выдоил из нас всю имевшуюся на данный момент информацию. Впрочем, предупреждению Николая мы вняли и избежали каких-либо выводов, скупко констатируя факты. Линдемманн ничем не выдал раздражения, хоть мне и казалось периодически, что он готов вспылить. Профессионал, ага. В конце концов он от нас отстал, и мы вернулись на базу. У древнего корабля остались только эсбэшники, к которым прибыло подкрепление: когда мы взлетали, рядом с первым ботом опустилась еще пара и из них начали выбираться близнецы давешней тройцы. Правда, эти тащили еще и несколько тяжелых кофров с оборудованием.

Система HD 44594, планета Находка,

26 августа 2537 года

Сигнал вызова запиликал до обидного не вовремя – я как раз ввязался в разборку с боссом уровня и едва успел поставить игрушку на паузу. Клятая аська в настройки не пускала и автоматически сворачивала все окна, когда кому-нибудь из коллег приходила блажь перекинуться со мной парой слов. Блин, когда я еще в «Мрачного Билла-3» порежусь в свое удовольствие! Сажу в кабинете в биологической лаборатории, никого не трогаю, так нет же, приспичило. Ага, Галина свет Юрьевна. Соскучилась, не иначе. Кликнув по иконке, я дождался, когда картинка видеовызова развернется на весь монитор, и рыкнул:

– Чего?!

Надо сказать, настроение у меня было паршивое. Вчера по возвращении из вылета мы еще битых два часа бездельничали в секторе безопасников, пока их ушлые спецы потрошили наши вычислители: по приказу Линдемманна они изъяли все видеофайлы из памяти встроенных в скафандры компов. Уж не знаю, за каким лядом. Потом какой-то замухрыжистого вида то ли писарь, то ли младший дознаватель пудрил нам мозги на предмет секретности, к тому же заставил всех оформить подписки о неразглашении. Когда мы наконец вырвались из царства «особистов», то готовы были зубами их рвать, настолько они нас достали. Сержант Миха не выдержал, не постеснялся офицеров и обложил младшего дознавателя под занавес встречи тяжеловесными матюгами. Впрочем, мы с ним были согласны и возражать не стали. Даже Калашник всего лишь укоризненно покачал головой, чем и ограничился.

Когда добрался до жилого бокса, наткнулся на Галю – она уже вернулась с работы и как раз направлялась в сауну, о которой я мечтал с самого обеда. А поскольку мы с ней не разговаривали (она посчитала, что инициатором диверсии с тапками был я), то о совместном походе можно было и не мечтать. Пришлось ограничиться душем и пивом в компании Петровича. Тот по такому случаю даже поделился со мной стружкой кальмара, вернее, я самовольно завладел одним пакетиком из его обширных запасов, а он не стал препятствовать наглому отжиму харчей. Время под угощение и клипы по корабельной сети пролетело незаметно, так что Галина на выходе из сауны застала нас с напарником в кают-компании и в довершение всех бед оголошила известием, что завтра ближе к обеду ожидается первый выход в поле. Окончательно

меня добил тот факт, что в группу войдут я, она и небезызвестный Женечка Королев. Короче, спать я поплелся в отвратительном настроении. Пробуждение облегчения не принесло – клятая рыжая язва не преминула мне напомнить о планирующемся развлечении, когда я наткнулся на нее в умывалке. И зачем только туда поперся, санузла в каюте не хватило, что ли? Хотя попался я, как обычно, из-за мусора – с вечера не выбросил в утилизатор банки из-под пива и пакетики от кальмаров. Немного расслабиться получилось лишь на рабочем месте: в компе обнаружился свежайший по моим понятиям (всего полгода как вышел) брутальный шутер с мясом, тот самый «Мрачный Билл», и я отвел душу, расстреливая толпы монстров. И несмотря на то, что терминал на моем рабочем месте был самый простой, без шлема и прочих геймерских радостей, мне удалось на некоторое время отрешиться от всех забот. И тут на тебе, опять в душу лезут.

– Не рычи! – хмыкнула Галя с экрана. – Выход через сорок минут. Глайдер готов, точку высадки наметили, маршрут уже в автопилоте. Собирайся сам, бери Петровича и подходи в «сектор-3», четвертый посадочный комплекс. Найдешь, там как раз легкая техника. Наш глайдер номер пятый. Будем ждать тебя там. Вопросы есть?

– Никак нет, мэм! – глумливо вытянулся я, сидя в кресле. Зрелище, надо думать, было забавное. – Хотя нет, есть вопрос. С Исаевым согласовали?

– Это не наше дело! – отрезала Галя. – Твои проблемы, проще говоря. Ты состоишь в персонале лаборатории. Профессор Накамура согласие дал. Остальное меня не интересует.

– Напрасно... Ладно, сейчас посоветуюсь с начальством. Ждите ответа, как говорится.

И я вырубил связь, не дожидаясь возражений. Вот вредный я сегодня, ага. А нечего меня за пацана безусого держать, информировать по факту. И вообще, достала она уже. Определялась бы уже скорее, Женечку окучивать или со мной миловаться. Хотя первый вариант для меня как серпом по... ага, этим самым. Влюбился, что ли? Досадно.

Майор Исаев на вызов ответил сразу. Против полевого выхода с биологами он ничего не имел, чем несказанно меня расстроил, так что пришлось вырубать игрушку и тащиться обратно в жилой блок. Здесь я облачился в скафандр, навьючил на Петровича ППМ, и мы с ним вместе завалились в оружейку к прапорщику Щербе, где и затарились боеприпасами. Оружие хранилось в каюте в оружейном шкафу, который мне за особые заслуги оборудовали знакомые техники с разрешения комбата. В результате до посадочного комплекса добрались почти вовремя, опоздав всего на пару минут, но и этого хватило, чтобы младший научный сотрудник Рыжик ожгла нас возмущенным взглядом, а ее напарник, все еще не забывший полученной в спортзале трепки, язвительно буркнул:

– Кавалерия прибыла!..

Я отвечать не стал, молча забрался в кабину пятиместного глайдера с откинутыми вверх дверями и устроился на заднем диване. Петрович развалился рядом, всем своим видом демонстрируя солидарность. Со мной, ясен перец. И конечно же у биологов тут же нашлись срочные дела: Галя вызвала какого-то Виктора Сергеевича и начала втирать что-то насчет оборудования с зубодробительным названием, а Королев достал сигареты и принялся смолить ментоловый «Галуаз». Ага, мажор во всем. Курить модно, вот и подсел на дорожные беспонтовые дымилки, так, чисто для поддержания имиджа. Впрочем, хрен на него, лишь бы Галю к этому делу не пристрастил, с него станется. Петрович между тем тщательно утрамбовал сиденье, выгнул спину дугой и выпустил когти – место ему определенно нравилось. Улегшись, свернулся калачиком и включил урчальник.

– Ну что, брат, докатились, – хмыкнул я. Снял перчатку, запустил пальцы в густой мех. Урчание усилилось. – На побегушках у яйцеголовых будем.

Петрович согласно муркнул, и перед глазами у меня возникла сумбурная картина: Галина и Королев сидят в глайдере, а Егерь и кот нарезают вокруг них круги, причем явно без цели.

– Ну, это ты несколько преувеличил, – не согласился я с напарником. – Или приуменьшил, поди разберись. Эй, биолухи, скоро вы там?!

Галина не удостоила меня взглядом, а Королев лениво процедил:

– Сколько надо будет, столько и простои́м. Не видишь, что ли, Галина Юрьевна важную проблему решает.

– Хозяин барин. Разбудите, когда будете готовы.

Претворить в жизнь это благое намерение мне не удалось – как раз в этот момент Галя завершила разговор и уселась на переднее пассажирское сиденье. Королев торопливо загасил сигаретку и устроился за штурвалом: глайдер был сугубо гражданский, с упрощенной системой управления – никаких нейроприводов, джойстиков и прочей экзотики. Обычный руль и педали. Двери одновременно закрылись, загерметизировав кабину, загудели трансформаторы, и машина приподнялась над взлетной площадкой на антиграве. Королев дождался, когда откроется сегментный люк над стартовой зоной, и врубил движки. Дури в них было достаточно, и юркий летательный аппарат сорвался с места, одновременно набирая высоту. Уже через несколько мгновений мы добрались до отметки в тысячу метров, и глайдер лег на курс, направляемый включенным автопилотом.

– Куда летим, биолухи? – лениво поинтересовался я, поглаживая Петровича.

Тот от подобного обращения прямо-таки сомлел и урчал как старинный дизель. Я такой в музее техническом однажды видел.

– На равнины, где вы вчера травоядных обнаружили, – соизволила объяснить Галя. На «биолухов» она, судя по всему, решила не обижаться. – Строго на юг порядка пятисот километров, потом будем летать кругами, пока стадо не найдем.

– А дальше? – оживился я.

– А дальше надо будет раздобыть образец, – обрадовала меня девушка. Видимо, на моем лице отразилось удивление, потому что она сразу же уточнила: – Не бойся, живьем ловить не надо. Усыпим, возьмем образцы тканей, просканируем. На базу не потащим. Мог бы и сам догадаться – глайдер-то пассажирский, как на нем тушу перевозить?

– Легко, у меня веревка есть. – Я даже изобразил руками нечто, призванное символизировать длину указанной веревки. – Зависаем на антиграве, привязываем тушу к днищу, и погна́ли.

– Ты серьезно? – поразился Королев.

– Более чем, – кивнул я, силясь сохранить на лице нейтральное выражение. – Веревка крепкая, можно даже за заднюю ногу подцепить, и пусть мотается снизу. Только проблемка есть – если очнется по дороге, шок обеспечен. Как потом выхаживать будете?

– Может, попробуем? – загорелась Галя.

Видать, я в сердцах пережал что-то Петровичу, потому что он недовольно фыркнул и отполз от меня подальше. Нет, вы только посмотрите на этих биолухов! И ведь на полном серьезе собрались мой план осуществлять.

– Жень, давай, а?

– Не, я пас. Как я, по-твоему, буду и глайдером управлять, и тушу привязывать? Мне помощь нужна будет, а кавалерия у нас белая кость, голубая кровь, оне руками работать не привыкли...

– Не хотите, как хотите!.. – Я сделал вид, что потерял интерес к беседе и отвернулся к окну. – Хотя вот еще вариант – в грузовом отсеке разместить, у нас же ниша есть здоровая под чемоданы.

– Думаешь, влезет? – засомневалась Галя.

– Целиком вряд ли. Но мы можем тушу и на месте разделать.

– Зачем?!

Ага, проняло наконец! Вон какие глаза большие сделала!

– Как зачем? Кок спасибо скажет – уже в готовом виде тушку приволочём. Он и котлеток навертит, и жаренку смастрячит. Чем плохо?

– Дурак!!!

Я уже открыто рассмеялся, да и Королев не выдержал, скривил губы. А Галя явно обиделась: надулась как мышь на крупу и молчала всю дорогу.

Добирались не долго – минут через двадцать под днищем машины потянулись те самые бесконечные поля, перемежаемые узенькими перемычками рощиц. К этому времени Галина перестала дуться и принялась мучить сканер, не забывая при этом поглядывать в окна, а Королев отключил автопилот и взял управление на себя. Я же просто бездельничал в компании Петровича.

Система HD 44594, планета Находка,

26 августа 2537 года

– Засекла! – Галя всмотрелась в показания на дисплее сканера. – На два часа, порядка десяти километров. Давай, Жень!

Наш добровольный пилот команде внял, глайдер развернулся в указанном направлении, одновременно сбрасывая ход, и вскоре мы увидели предмет поисков – стадо голов триста, если на глаз. Впрочем, таким несовершенным методам оценки Галина Юрьевна не доверяла, поэтому почти сразу же озвучила результат сканирования:

– Триста девятнадцать особей! Вот это да! И смотрите, как на коров похожи! Жень, садись где-нибудь неподалеку, только осторожно, не спугни.

Ага, это она хорошо придумала. Не хватало еще в самой гуще приземлиться. Коллегам не от мира сего может и невдомек, но если эти милые буренки испугаются да понесутся, задрав хвосты, глайдеру мало не покажется, это я как специалист говорю. Убедившись, что определенный уровень здравомыслия биолухам все же присущ, я предоставил им право выбора места посадки, а сам занялся изучением трехмерной модели животного, оперативно построенной вычислителем. Занятная зверюшка. Не совсем корова, скорее к бизонам эти травоядные ближе, разве что чутко помельче земных прототипов. А так все один в один: четыре ноги, хвост, голова, украшенная парой впечатляющих рогов, короткая шерсть на плотной шкуре, пучки волос на кончике хвоста и нечто вроде гривы на холке. Окрас однотонный и все больше темный от бледно-серого до угольно-черного. Явно копытные. Так что на первый взгляд КРС как КРС, разве что пока дикий. Наверняка специалисты-зоологи найдут массу отличий, но, что называется, в несущественных деталях.

Вдоволь налюбовавшись отдельно взятой коровкой, я переключил внимание на стадо в целом. А ведь они и поведением смахивают на бизонов! Вон те отдельно стоящие быки наверняка остальных охраняют, к ним вообще приближаться смертельно опасно. Зато кого-то из них проще всего будет подманить и угостить дротиком с транквилизатором – таких у меня с собой целых десять штук, отдельный магазин к крупнокалиберному стволу. Убойная штука, между прочим, слона вырубает за пять секунд. С другой стороны, на местных организмах мы транк еще не испытывали, случая не было.

Глайдер вдруг стремительно нырнул к земле, и я едва успел ухватиться за ручку над боковым окном. Королев лихо приземлил аппарата метрах в трехстах от ближайшего быка и повернулся ко мне, нацепив ехидную улыбочку:

– Как образец добывать будем? Что посоветует специалист?

– Специалист посоветует научному персоналу оставаться в транспортном средстве, – в тон ответил я. – Специалист сам все сделает в лучшем виде.

– Ну уж нет! – вклинилась Галя. – Мы тут главные, и ты должен учитывать наши пожелания.

– Обязательно. Вот сейчас вылезу наружу и сразу начну учитывать. Вы бы хоть сказали, чего конкретно хотите.

Петрович согласно муркнул – он всегда меня поддерживал, особенно в спорах с гражданскими и прочими яйцеголовыми.

– Ну... Нам нужен образец, – наконец сформулировала требование Галя.

– Вон тот бычара подойдет? – ткнул я пальцем в ближайшего бизона.

Тот как раз оторвал голову от земли и уставился в нашу сторону, методично работая челюстями.

– Наверное... Жень, как думаешь?

– Вообще, Накамура никаких особенных пожеланий не высказывал, – задумался тот. – Пойдет, наверное.

– Сидите тут, как закончу, позову. – Я откинул дверцу, выбрался на припорошенную пылью, чуть выгоревшую на солнце траву и кивком позвал Петровича. – Постараюсь выманить бизона подальше и там усыплю. Перегоните потом глайдер поближе.

Галя кивнула, Королев промолчал. И то ладно, главное, не возмущается. Мне же проще, хоть отвлекаться не придется. С этой мыслью я запустил аппаратуру костюма в боевой режим и опустил на лицо забрало. Герметизироваться не стал, да и Петровича дыхательной маской обременять незачем. ППМ функционировал в штатном режиме, «хамелеон» активировался, а питомец дисциплинированно сменил окрас, практически слившись с ландшафтом. Я еще раз окинул окрестности внимательным взглядом, но более удачной цели не обнаружил – одинокий бык как нельзя лучше подходил на роль образца. От стада довольно далеко, так что остальных вряд ли спровоцируем, а уж одного-то усыпим как-нибудь.

Размашистым шагом я направился в обход бизонов, стараясь обогнуть их по широкой дуге и зайти с подветренной стороны. Далеко идти не пришлось, Королев каким-то чудом глайдер посадил удачно, ветер дул от бизонов к нам. Посчитав, что расстояние между нами и аппаратом достаточно велико, я пригнулся и крадучись направился к намеченной жертве. Петрович стелился по траве рядом, то и дело прислушиваясь к чему-то, судя по движению чутких ушей-локаторов. Почему-то вспомнился старинный анекдот про двух быков и стадо коров под горой, наверное, из-за Петровича: тот сгорал от нетерпения и едва сдерживался, чтобы не помчаться к добыче. Я укоризненно покачал головой и шикнул вполголоса:

– Силенки не переоценил?

Кот ответил возмущенным, хотя и приглушенным воем и стандартным образом типа «сам дурак», а я на ходу показал ему кулак. До быка между тем осталось метров пятьдесят, и он уже начал что-то подозревать: вперил в нас тяжелый взгляд и даже жевать перестал. Фиг знает, какое у него зрение, но «хамелеон» вроде бы подействовал – бык опасности не заметил. Чтобы исключить любую случайность, я прильнул к земле и дальше двигался уже по-пластунски. Петрович, как более привычный к подобной манере перемещения в пространстве, меня обогнал, и пришлось на него шикнуть – до цели осталось метров двадцать, ближе не нужно, иначе учует. А может, и не учует, но рисковать не будем. У меня уже все было готово для охоты: в штучере магазин с дротиками, в пистолете два десятка «дразнилок» – пустотелых пластиковых унитаров с микроскопическим зарядом. Вообще-то это так называемое нелетальное оружие для разгона толпы, но и для наших целей оно подходит как нельзя лучше.

– Петрович, готовность!

Кот прижался к земле, прянул серо-зелеными ушами и дернул в нетерпении хвостом. Я осторожно перетек в положение «на колене», упер штучер прикладом в почву, удерживая левой рукой за цевье, а правой вытянул из кобуры пистолет. Бык уставился прямо на меня, я хорошо рассмотрел его налитый кровью глаз и нитку слюны, свисающую с нижней губы. Ага,

все-таки заметил! А нам только этого и надо. Я быстро, практически не целясь, вклеил пластиковый пузырь в середину покато лба животного. Низкоскоростной унитар покинул ствол совершенно беззвучно и чувствительно приложил бизона по черепу, но тот не сумел связать полученную плюху с моим появлением, лишь фыркнул раздраженно и принялся мотать башкой. Черт! Вот пень непробиваемый! В раздражении я принялся всаживать в животное заряд за зарядом, и на пятом попадании он наконец среагировал – возмущенно взревел, сорвался с места с невероятной для такой туши скоростью, и уже через мгновение домчался до нас с Петровичем. Вернее, до места, где мы только что были: я успел откатиться влево, а кот ушел с траектории разъяренного монстра одним длинным прыжком. Впрочем, его бизон даже не заметил, сосредоточив внимание на мне. Я же времени зря терять не стал, быстро переместился в сторону, сначала на четвереньках, а потом уже на своих двоих, и припустил что было мочи подальше от стада. Бык от мести отказываться не собирался и помчался следом, задрав хвост и выбрасывая целые фонтаны пыли и выдранный с корнем травы из-под копыт. Я на бегу сунул пистолет в кобуру и изготовил штуцер к стрельбе – судя по показаниям сканера, бизон не отставал, и расстояние между нами неумолимо сокращалось. Зато от остальных его сородичей нас отделяло уже метров двести, еще немного, и можно будет приступить ко второй фазе плана.

Наверное, сегодня я побил рекорд скорости, потому что следующие сто метров преодолел секунд за десять. Затем оценил дистанцию между собой и жертвой, резко затормозил и развернулся к быку лицом, опустившись на правое колено. Вскинул штуцер, поймал в прицел мощную грудь и дважды нажал на спусковой крючок. Не дожидаясь реакции, перекатом ушел влево и снова застыл, сопровождая движением ствола пронесшегося мимо бизона. Тот успел затормозить, взрыв землю всеми четырьмя копытами, развернулся, уставившись на меня... Транквилизатор подействовал, я это видел отчетливо – две убийные дозы заставили зверя замедлиться. Бизон сделал шаг, еще один, и вдруг передние ноги его подломились. Он тяжело рухнул наземь, несколько раз дернулся и затих. А я выдохнул с облегчением и поднялся во весь рост.

– Биолухи, как слышите, прием! – позвал я коллег, заменив в штуцере магазин с дротиками на комбинированный, снаряженный через один УС и УОДами. – Принимайте товар. Подгоните глайдер, ловите пеленг.

– Летим, – пискнул наушник голосом Галины.

Я не торопясь сменил магазин в пистолете и осторожно приблизился к обездвиженной туше. Петрович уже был тут как тут и принялся к незнакомому животному, вытянув шею, как это умеют коты. Этакая стойка любопытного труса: вроде и далеко, в любой момент сдернуть успеешь, и дотянуться можно кончиком носа. Видимо, запах от бычары шел убийственный – кот несколько раз чихнул и отошел от поверженного гиганта на несколько шагов. Ага, амбре еще то, даже меня передернуло. Впрочем, любовался я на добычу не долго – за спиной у меня с легким гулом приземлился глайдер, из которого выбрались ученые. Я обернулся, намереваясь похвастаться достижением, но слова застряли в глотке: до меня только сейчас дошел тот факт, что оба биолуха щеголяли в костюмах биологической защиты БЕЛОГО цвета. На фоне пожухлой травы и грязно-серого глайдера они выделялись, как пятно малинового варенья на праздничной скатерти.

– Вы бы, коллеги, маскировку включили, что ли, – поморщился я.

Галя ойкнула и активировала «хамелеон» – легкий скафандр был оснащен упрощенной версией этого полезного интерфейса, то есть под окружающую среду не подстраивался, а просто включал наиболее близкий к ней рисунок паттерна из стандартного набора. Но и этого обычно с лихвой хватало.

– И шлемы наденьте, не на пикнике!

Галина подчинилась, Королев же мое требование откровенно проигнорировал. Ладно хоть замаскировался, мажор хренов.

– Галь, долго возиться будешь? – поинтересовался я, контролируя окрестности. Стадо пока что ничего не заподозрило и все так же лениво пережевывало траву.

– Сколько надо, столько и провожусь! – вскинулась девушка, но смягчилась, не уловив в моем голосе вызова. – Извини, сорвалась. Минут двадцать, сейчас аппаратуру разверну. Поможешь?

– Конечно!

Под ее чутким руководством я доволок до туши пару тяжелых кофров, и Галя принялась возиться с мирно посапывающим бизоном: приклепнула несколько датчиков, развернула переносной терминал, вытащила из второго чемодана набор зловещего вида приспособлений из нержавеющей стали – в общем, занялась делом. Петрович крутился рядом, тыкался носом ей в ноги и норовил обнюхать каждый новый прибор, извлекаемый из кофров. Так прошло минут десять, а потом где-то за спиной раздался мощный рев, лишь отдаленно напоминавший мычание, и я чуть ли не в прыжке развернулся на шум. Твою мать!..

Взору моему открылась невероятная картина: метрах в трехстах от нас стоял Женечка Королев и пытался попасть из легкого карабина в разъяренную живую гору, которая неслась на него с неумолимостью локомотива. До бизона было метров сто, и биолог отчаянно мазал. Сука, где он карабин взял?! Не было же ничего у него в руках! И за каким... А, некогда сейчас!..

– Королев, debil, беги!!! Беги, мать твою, затопчет!!! – заорал я, внутренне содрогнувшись от осознания того факта, что шлем этот олух не надел.

На свое счастье наш мажористый коллега оказался не совсем идиотом: прежде чем уйти от глайдера засунул в ухо горошину передатчика, так что меня услышал. Наверное, в моем голосе прорезалось нечто такое, отчего ученый вышел из ступора – по крайней мере, перестал садить в белый свет как в копеечку и сообразил отпрыгнуть в сторону, когда разъяренный бизон занес рог для удара. Поскольку инерцию никто не отменял, зверь благополучно проскочил мимо, а изменить направление и достать обидчика уже не успел: штутцер в моих руках дернулся, выплюнув два унитара. Триста метров для моего оружия не расстояние, а компьютерная система наведения исключала вероятность промаха. Приглушенные хлопки слились в один: УОД ударил быка в лоб, страшным ударом проломив череп и превратив голову животного в фарш, а прилетевший следом УС прошил тушу насквозь. Сдвоенной энергией попаданий бизона швырнуло на землю, и тело застыло в немыслимой для живого существа позе. Хотя еще ничего не было кончено: уж не знаю, что он там мычал на своем бизоньем языке, но только в нашу сторону уже несло еще несколько матерых быков, и следом за ними пока еще неспешно втягивалось остальное стадо. И это, товарищи, полный песец.

– Королев, быстро в глайдер! – заорал я, не поскупившись на эмоции.

Подействовало. Женечка перестал крутить головой и побежал в нашу сторону, сначала довольно медленно, на заплетающихся ногах, но с каждой секундой ускоряясь. Успеет, должен успеть, если жить хочет.

– Галя, бросай все! Петрович, ко мне!

Девушка отвлеклась от работы, когда я подстрелил первого бизона, и обстановку оценила мало того что правильно, так еще и предельно быстро. Соответственно, и спорить не стала – уронила все, что на тот момент было у нее в руках, и нырнула в глайдер. Петрович прошмыгнул следом и устроился у нее на коленях.

– Дверцу закрой! – бросил я, всматриваясь в приближающийся живой поток. Панические вопли Петровича я проигнорировал. – Блин, не успеем взлететь... Галя, движок заводи! Только на водительское кресло не лезь!

Земля уже начала заметно подрагивать под ударами сотен копыт. Королев это ощутил еще острее, и страх придал ему скорости – мой сегодняшний рекорд он наверняка побил. Несмотря на это расстояние между ним и преследователями неумолимо сокращалось. Но, против ожидания, мажор сдюжил – на одних морально-волевых, но добрался до нас. К глайдеру

он подбежал практически обессиленный, я едва успел поймать его и зашвырнуть на заднее сиденье. Карабин, который Женечка сжимал мертвой хваткой, обо что-то громко звякнул. Я между тем захлопнул заднюю дверцу, прыгнул на водительское место, умудрившись ничем не зацепиться за штурвал, и потянул свою. Галя не подвела – двигатель был активирован, оставалось лишь врубить антиграв... а вот на это времени уже не хватило. Стадо отстало от Королева шагов на двадцать, не более, и как раз в тот момент, когда я ткнул сенсор антигравитационного привода, в бок нам с разбега врезался огромный, заросший длинной черной шерстью бык. Глайдер трянуло, палец соскользнул с дисплея навигационной системы, и я предпочел не рисковать: на машину обрушился град тяжких ударов, любого из которых хватило бы, чтобы своротить зависший над землей летательный аппарат. Бизоны пытались выправить траекторию, обтекая возникшую преграду, но удавалось это далеко не всем, тяжелые туши с инерцией справлялись плохо и то и дело испытывали на прочность обшивку нашего многострадального левого борта. Некоторые особо ловкие животные глайдер просто перепрыгивали, копыта барабанили по крыше и носовой части с багажным отделением, по прозрачному бронепластику блистера... Галя взвизгивала от каждого удара, Петрович утробно орал, сделав большие глаза, и только Королев сохранял хладнокровный вид – ясное дело, шок у человека. Но это пройдет. Наверное.

Наконец охваченное безумием стадо скрылось за горизонтом. Я медленно выпустил воздух сквозь зубы и констатировал почти спокойно:

– Кажись, пронесло. Королев, можешь начинать дышать. Галя, успокойся, все кончилось. Петрович, иди сюда, почешу. Натерпелся, бедный.

Несколько минут мы приходили в себя, затем я бросил в пространство:

– Пойдем, ущерб оценим?

Возражений не последовало. Я воспринял молчание как руководство к действию и попытался открыть водительскую дверцу, но та откидываться на пневмоцилиндрах вверх категорически не желала – заклинила от ударов. Пришлось изогнуться, почти улегшись спиной на кресло поперек, и садануть по окну двумя ногами. Бронепластик выдержал, а запоры нет, и дверца со скрипом распахнулась. Галя выбралась без приключений, равно как и Королев, воспользовавшийся дверью с правого борта.

Наша стоянка выглядела плачевно: вся Галина аппаратура была раскурочена и разбросана на обширной площади, преимущественно в виде мелких обломков, а усиленный бычара превратился в гору кровоточащего мяса – по нему пробежалось как бы не все стадо. Но он все еще был жив, косил кровавым глазом и жалобно, с хлопаньем и хрипом, мычал. Впрочем, мычал – громко сказано, издаваемые им звуки больше походили на всхлипы. Я не выдержал, подошел к искалеченному животному и прервал его страдания, выстрелив из пистолета в ухо. Глаз его подернулся смертной пленкой, и бизон затих. Пораженная до глубины души Галя застыла у туши, едва сдерживая слезы, я же злобно сплюнул и направился к глайдеру.

Как я и подозревал, транспорт пострадал довольно сильно. Стандартная гражданская модель, никакой брони, обычные композитные материалы – чем легче корпус, тем лучше. Но не в нашем случае – сейчас данный факт сыграл против нас. Тяжелые туши и острые копыта оставили глубокие вмятины, трещины и сколы по всему корпусу с левой стороны. И что хуже всего, были покорежены стабилизаторы. Взлететь сможем, но вот курс удержать будет проблематично...

– Королев, ты debil, – пришел я к очевидному выводу, осматривая повреждения. – Ты скажи, идиот, за каким хреном ты к быку пристал? Выпендриться захотелось? Для тебя техника безопасности пустой звук?! А если бы кто-нибудь из нас пострадал?

– Да пошел ты, – огрызнулся биолог. – Будешь еще тут командовать!

– Буду! И ты, сука, будешь слушать, что тебе говорят! – Козел, вывел все-таки... – Кто за все это будет отвечать? Ты отчет накатаешь? Ты понимаешь вообще, что подверг опасности не только себя, но еще и остальных членов поисковой партии?!

Как всегда в минуты волнения, я сбился на казенный стиль – еще немного, и начну наставления службы цитировать. Но каков гусь! Все пофиг, стоит уже весь из себя спокойный и лыбится. Наверняка прикидывает, как сухим из воды выйти да нас с Галей замарать попутно. Гнида, одним словом.

– Ты из себя святого не строй и мне не указывай! – Ага, голос прорезался. – Я за себя сам отвечаю. А вот тебе бы я советовал за помелом следить, за слова ведь и спросить могут!

– Ты, что ли, спросишь?! – рассмеялся я ему в лицо. – За папочку думаешь спрятаться, мажор хренов?!

Королев побагровел и ожидаемо попытался достать меня правым боковым. Штуцер я оставил в кабине глайдера, от греха, за что сейчас себя похвалил – было бы оружие, не удержался бы. А так тело среагировало само: рука биолога еще только пошла на замах, а я уже встретил его левым фронт-киком. Даже, скорее, тайским «типом» – не самым быстрым, но мощным. Удар пришелся Королеву в живот, сбил его атакующий порыв и открыл для завершившего комбинацию мидл-кика, нанесенного по всем правилам искусства муай-тай: защищенная голенищем сапога правая голень жестко врезалась Женечке в ребра, тот отлетел на пару шагов и с размаху сел на землю. Вид у него при этом был донельзя удивленный. Повезло уроду, скафандр у него хоть и легкий, третьего класса, но ударные нагрузки держит прекрасно, даже синяков не останется, не говоря уж про переломы. Впрочем, можно в морду дать, шлем он так и не надел. Или когтями пропахать, да чтоб до кости!.. Тьфу, это уже Петрович влез. Ладно, пусть его, не будем следов оставлять, лишние поводы для разборок ни к чему.

– Когда вернемся, напишу подробный рапорт, – сказал я, глядя Королеву в глаза. – Так и знай.

– Не докажешь, – прошипел тот.

– И не собираюсь. Без меня обойдутся – свидетелей будет море. Улететь не сможем, стабилизатор поврежден. Так что придется помощь вызывать, – закончил я мысль. – Со спасателями сам будешь объясняться.

Ага, это я еще про видеорегистраторы в скафандрах не упомянул. Уж в моем-то точно есть, и работает в активном режиме – в программе у него прошито.

На мою спину вдруг обрушился град легких ударов. Я сначала даже не понял, что это, обернулся с недоуменным видом... и перехватил Галины кулачки. Та с остервенением вырывалась и шипела, как рассерженная кошка, а я держал и... офигевал, так скажем. Петрович в ответ на мою мысль негодуя фыркнул – ну какая кошка будет так бестолково атаковать? И присоветовал еще, гад, тщательнее девиц выбирать для знакомства. По крайней мере, именно так я интерпретировал полученный образ: зал типа выставочного, длинный ряд ухоженных кисок и сосредоточенно вышагивающий вдоль строя рыжий кот.

– Галь, ты чего?

– Олег, ты скотина! – зло выкрикнула она. – За что ты побил Женю?! Что он тебе сделал?! Как я тебя ненавижу!.. Обоих вас!!!

Я от неожиданности выпустил Галины запястья, но этот опрометчивый поступок остался без последствий – первый порыв прошел, и девушка присела на порожек открытой дверцы глайдера. Из глаз ее хлынули слезы, и она зарыдала в голос. Хитровыдуманный Король тут же подсел к ней и принялся утешать, а я просто смотрел на бесплатный концерт, не зная, как реагировать. Вот бывает же в жизни такое, хоть стой, хоть падай.

С базой связались без проблем, но спасатели прилетели лишь через три часа. А Королеву все сошло с рук: вмешался профессор Накамура, и моему рапорту хода не дали. Комбат Исаев долго и грязно ругался, не постеснявшись моего присутствия, но в конце концов приказал о

происшествии забыть, пообещав за мажором присматривать. Запись из памяти компа удалили при очередном обслуживании, причем я даже не сопротивлялся. В награду майор отмазал меня от работы с биологами и с тех пор старался грузить задачами по профилю, хотя я так и проти-
рал кресло в кабинете в биолaborатории. Королев теперь при каждой встрече одаривал меня убийственным взглядом, но мне было плевать. Больше волновала Галя, которая подчеркнуто игнорировала нас обоих. Досадно, я чувствовал, что влечение к ней с каждым днем усиливается. А потом про косяк Королева и вовсе забыли, потому что он, в смысле Женечка, пропал. Что характерно, не один, а вместе с исследовательским ботом, парой пилотов и еще четырьмя учеными из поисковой партии. Произошло это через две недели после инцидента с бизонами.

Глава 4

Это «жжжжж» неспроста...

Система HD 44594, планета Находка,

5 сентября 2537 года

Этот ничем не примечательный день пришелся на середину недели. На утреннем видеобринге Исаев никаких конкретных задач не поставил, буркнул что-то типа «сам придумай, чем заняться», поэтому я без зазрения совести завалился в личный кабинет и врубил по третьему кругу «Мрачного Билла», решив начать прохождение на максимальном уровне сложности. Петрович шлялся где-то на территории: все местные обитатели, кроме обиженной Галины свет Юрьевны, к коту относились с симпатией и не прогоняли, тем более что он под руку не лез, потому как я строго-настрого запретил. Меня после памятного полевого выхода «биолухи» старались не трогать, а профессор Накамура и вовсе избегал – ему было стыдно. Одному Королеву по фиг, хотя нет, он меня окончательно возненавидел. Но сегодня он еще затемно улетел в составе поисковой группы на какой-то тропический остров, я даже не поинтересовался, какой именно, нет мажора в пределах досягаемости, и то хлеб. Плюс у меня нечаянная радость: Галя при встрече в умывалке не зыркнула злобно, как обычно, а робко улыбнулась. Собственно, на этом все, девушка скрылась в каюте, и больше я ее не видел – ушла раньше меня и сейчас, скорее всего, торчит в лаборатории с драгоценными образцами. За прошедшее время разжились, спасибо Охотникам. Да и несчастного затоптанного сородичами бизона мы на базу приволокли, благо спасательный бот был способен принять на борт и не такое.

В общем, день шел по накатанной почти до обеда... а потом началось.

Я как раз собирался отправляться в столовую, когда запиликал сигнал видеовызова, так что пришлось, в сердцах ругнувшись, кликнуть по иконке. Из развернувшегося окна на меня зыркнул комбат Исаев. Вид он имел озабоченный, если не сказать встревоженный.

– Денисов, хорош прохлаждаться! – рявкнул он без предисловия. – Бери Петровича и живо в третий стартовый комплекс. Катер ждет. «Девятка», смотри не перепутай!

– А что, собственно, стряслось, товарищ майор? – попробовал удивиться я, даже не сделав попытки выбраться из кресла. – Пожар, наводнение, землетрясение?

– Пошути еще у меня! Бегом в комплекс, я сказал! По пути объясню.

Ага, видимо, что-то серьезное произошло. Я пулей выскочил в коридор, попутно перенаправив вызов с компа на КПК, подозвал Петровича, вовремя случившегося рядом, и помчался к ближайшему лифту: нужно экипироваться и вооружиться. По дороге Исаев, как и обещал, вводил меня в курс дела. И с каждым его словом я все больше хмурился: по всему выходило, что случилась первая в этой экспедиции по-настоящему нештатная ситуация. Пятнадцать минут назад прервалась связь с бортом номер двадцать три – тем самым исследовательским ботом, на котором рано утром убыл Королев. Как в таких случаях говорится, ничто не предвещало беды: легкий эксплорер с командой благополучно добрался до безымянного острова в тропическом поясе, в паре тысяч километров от нашей базы, и в течение полутора часов нарезал над ним круги. Начальный этап исследования: аэрофотосъемка, тщательное сканирование, составление разнообразных схем, начиная с ландшафтной карты и заканчивая распределением биомассы по территории – рутина, можно сказать. Задача перед поисковиками стояла банальная: определить удобное место для развертывания исследовательского модуля, типа

того, на котором мы впервые на планете высадились. Я не очень понял, на фига тогда надо было сразу пятерых ученых отправлять? Даже спросил об этом Исаева, но тот отмахнулся: по технологии положено, это дела яйцеголовых, и туда лучше не соваться. Так вот, все шло по плану, пока неожиданно не прервалась связь с ботом, причем во всех диапазонах: и аудиопереговоры с пилотами, и канал, по которому в реальном времени шла в главный вычислитель телеметрия, и даже сигнал поискового маяка. Последний факт самый красноречивый: чтобы заставить замолчать маяк, нужно распылить его носитель на атомы. Во всех остальных случаях какой-то сигнал шел бы. Произошло это, как я уже упоминал, четверть часа назад, и сейчас лихорадочно собиралась группа для расследования инцидента.

– Короче, Денисов, ты пойдешь старшим! – рычал в наушнике Исаев. Но я на командира не обижался – его можно было понять, такое стряслось! И спрашивать в основном с него будут. – В нагрузку тебе даю два отделения Охотников. Как на место прибудете, организуешь прочесывание. Не мне тебя учить, сам сообразишь. Сейчас операторы направили в нужный район беспилотники, как раз сканируют округу, так что скоро должны вычислить место падения, если они упали, конечно. Но основная надежда на вас с Петровичем. Вопросы?

– Может, остальных коллег привлечь?

– Некогда, они на выезде. Если понадобится, потом подтянутся. А пока сам, – подвел итог инструктажу майор. – Пообедаешь по дороге, паек из столовки на всех уже доставили. Успеете, лететь около часа, – пресек он мое возможное возмущение. – Все, бывай!

А я что, я ничего... За Петровича по большей части переживаю. Как он, не жрамши-то?.. Но ради серьезного дела пришлось поторопиться, так что в третьем стартовом комплексе я оказался всего лишь через пятнадцать минут. Почти рекорд. Против ожидания прибыл последним – два десятка Охотников уже заканчивали трамбоваться в десантный отсек катера, и нам с Петровичем места достались по остаточному принципу, почти у самого шлюза. Впрочем, я был не в обиде – напротив меня устроились старые знакомцы: лейтенант Дима Калашник и шкафоподобный сержант Миха. Мы обменялись крепкими рукопожатиями и едва успели пристегнуться, как пилот объявил по громкой связи готовность к старту, а еще через десяток секунд борт с легким толчком оторвался от посадочной площадки и медленно поплыл к шлюзу. Сегменты переборки разошлись, и кораблик оказался на свободе, вынырнув из тесноты ангара. Фыркнул маршевыми движками, выходя на курс и одновременно набирая высоту – стандартный в общем-то маневр, – и через несколько мгновений разогнался до крейсерской скорости, оставив далеко позади громаду базы. Все это я рассмотрел на обзорном экране, куда командир экипажа вывел картинку с курсовых и кормовой камер, дабы пассажирам не было скучно. Очень хорошая практика, я считаю.

– Старт прошел в штатном режиме! – известил нас по громкой связи пилот. – Расчетное время прибытия сорок семь минут. Гостям разрешаю расстегнуть ремни, оправиться и приступить к приему пищи. Приятного аппетита, парни!

– Вы тоже без обеда? – хмыкнул я, встретившись взглядом с Калашником.

– Ага. Сорвали с занятий, успели только БК получить и сразу сюда, – пояснил лейтенант. – Вон Миха даже переживал, что не жрамши весь день будем.

– А че, запросто! – возмутился сержант, поглаживая втихаря пробравшегося к нему на колени Петровича. – Я наше командование знаю как облупленное.

– Расслабься, – хлопнул я его по плечу. – Вон сухпай везут.

И правда, створка люка, ведущего куда-то в глубь катера, уехала в стену, и в проеме показался недовольный парнишка в летном скафандре – второй пилот, скорее всего. Ни слова не говоря, оставил в отсеке тележку с упаковками саморазогревающихся пайков и скрылся за дверью.

– Командуй, Мих! – Калашник кивнул на тележку, и сержант тут же развил бурную деятельность по организации приема пищи личным составом.

Надо отдать ему должное, о родном начальстве тоже не забыл, самолично принес нашу долю. Саморазогревающийся паек все же лучше, чем ничего, поэтому мы с аппетитом принялись за еду, особенно Петрович, которому в результате досталась двойная порция – перепала добавка и от меня, и от Калашника, и от добродушного после обеда Михи. В благодарность Петрович посидел у каждого по очереди на коленях и осчастливил нас врубленным на полную мощность урчалником.

Оставшееся время посвятили предварительной проработке поисковой операции, наметили первоочередные действия, разбили личный состав на двойки, назначили каналы связи и прочее в том же духе. Как оказалось, в спасательных миссиях мои собеседники далеко не новички, неоднократно приходилось участвовать в подобных мероприятиях, так что работалось даже с удовольствием. На гадание по кофейной гуще никто не разменивался, ибо толку все равно никакого, все думали о деле и были предельно собраны, несмотря на полные желудки. А минуты за три до прибытия пилот вывел на обзорный экран картинку с дрона-наблюдателя и пояснил:

– Место падения обнаружено, визуальный осмотр повреждений борта не выявил. Готовность две минуты. – И тут же вызвал меня по закрытому каналу: – Товарищ лейтенант, что скажете насчет точки высадки?

– Перекинь данные на мой вычислитель, – попросил я, нахлобучивая шлем. – Сейчас, секунду.

Я уменьшил масштаб и рассмотрел место падения с высоты птичьего полета, потом увеличил изображение, покрутил так и эдак. Эксплорер лежал на брюхе в центре обширной поляны, затерянной в сердце джунглей. Остров был большой, как бы не с земной Мадагаскар, от побережья мы удалились на пару сотен километров, и во все стороны, куда ни кинь взор, тянулся тропический лес, густой, сочный, бьющий по глазам яркостью красок. На первый взгляд повреждения у бота и впрямь отсутствовали. К тому же вокруг довольно пустынно, по крайней мере, ни одной крупной твари на виду. Так что решение далось относительно легко.

– Садись в пятидесяти метрах севернее, там вроде ровно и от леса достаточно далеко. И на всякий случай держи наготове пулеметы.

– Есть.

– Внимание всем! – гаркнул я и поднялся с кресла. – Готовность минута! Порядок высадки стандартный! Занимаем оборону вокруг катера, схема три. После этого я с напарником иду к боту. Далее действуем по обстановке. Вопросы есть?

Вопросов не последовало, все и так было ясно. Катер между тем мягко опустился в намеченном месте, замигала панель готовности люка, и мы в строгой очередности начали выбираться из тесной бочки десантного отсека.

Система HD 44594, планета Находка,

4 сентября 2537 года

Охотники рассредоточились вокруг катера, разбив пространство на сектора и контролируя каждый свой, а мы с Петровичем и лейтенантом встали, не отходя далеко от борта, и принялись изучать «найденщика». Встроенная в шлем оптическая система позволяла различить даже самые мелкие детали, вплоть до царапин на обшивке, что на таком расстоянии и не мудрено, но за те пять минут, что мы пялились на безжизненный «утюг», так ничего интересного и не высмотрели. Петрович крутился рядом, то и дело изображая столбик, но тоже ничего подозрительного не заметил, о чем и поведал посредством незамысловатого мыслеобраза. Еще от него веяло недовольством: я нацепил ему на морду нелюбимый респиратор. Поди знай, чего

опасаться. Да и остальной персонал, и я в первую очередь, скафандры заблаговременно загерметизировал.

– Вроде целый, – пришел Калашник к очевидному выводу. – Придется ближе подбираться.

– Придется, – со вздохом согласился я. Приблизиться к боту отчаянно не хотелось, ибо, как показывал опыт, сын ошибок трудных, как раз в таких вот случаях неприятности гарантированы. Воистину. – Дим, несколько человек пусть этот сектор контролируют. В случае чего палите во все подозрительное. Кроме нас, естественно.

– Сделаем, – кивнул лейтенант.

Убедившись, что наш тыл в, так сказать, надежных руках, я кликнул Петровича, активировал ППМ и осторожно направился к грязно-серой глыбе бота. Кот привычно стелился рядом, практически слившись с чахлой травой, сквозь которую просвечивала рыжая глинистая почва. С одной стороны, тропические джунгли это вам не саванна, здесь особо густого травостоя ждать как минимум наивно. С другой – все же поляна, деревья свет не застыят, почему бы и не вырасти нормальной травке? А вот поди ж ты...

Вдвое сократив расстояние, отделявшее бот от нашего катера, я застыл на месте, еще раз просканировав пространство перед собой, и сразу же увидел протоптанную в мураве полосу, бравшую начало у люка десантного отделения. Хорошая такая, широкая, из нескольких пересекающихся цепочек следов, четко отпечатавшихся во влажной глине. Значит, кто-то жив остался.

– Дим, видишь?

– Вижу, изрядно натоптали, даже я проследить смогу.

Больше ничего интересного невооруженным взглядом я не обнаружил и скомандовал:

– Петрович, разведка!

Напарник согласно муркнул и осторожно пополз к молчавшему эксплореру, я же развернул картинку с кошачьего ППМ на половину забрала и погрузился в привычный «стереорежим». Кот бесшумно скользил между жесткими стеблями, не обращая внимания на местных псевдонасекомых и прочие соблазны, и преодолел оставшиеся до суденышка два десятка метров за полминуты. Застыл в паре шагов от обшарпанного люка десантного отделения, и прислушался, прядая ушами.

– Чи-и-и-исто, – мурлыкнул синтезированный баритон через несколько мгновений, и Петрович, подчиняясь моей мысленной команде, обогнул бот по периметру.

Ничего нового этот маневр не выявил: эксплорер по-прежнему безмолвствовал. Никто не выскакивал из-за угла, не прыгал сверху да и необычными запахами и звуками не пугал. Было тихо, насколько это возможно в тропическом лесу. Тренированный слух отфильтровывал стрекот насекомых и ор местных «птичек», но никаких диссонирующих с этим фоном звуков расслышать не удавалось. Несло от бота, насколько я разобрался в ощущениях Петровича, разогретым металлом и пластиком – неизменными спутниками человека. Замигала желтым пиктограмма биологической опасности, сигнализируя об отсутствии таковой, и тем самым подтверждая правоту моего напарника. Все ясно, сканер никаких вредоносных вирусов и прочей гадости не выявил.

– Обзор!

Напарник с разбегу маханул сначала на выступающий из борта стабилизатор, потом сразу на крышу кабины и застыл столбиком на самой высокой точке корпуса. Но и с этой позиции визуальный осмотр никаких аномалий не выявил.

– Контроль! – Передав Петровичу очередную команду, я осторожно двинулся к боту, предварительно вырубив «стереорежим». – Дим, внимание! Приближаюсь к объекту, держите сектор.

– Принял.

Лишь оказавшись в двух шагах от люка пассажирского отсека, я наконец понял, что меня напрягало все это время: навигационные огни не горели. Плюс ко всему кораблик не излучал ни в одном из диапазонов, кроме теплового, чего не могло быть в принципе: если функционировало хоть что-то из бортовой аппаратуры, сканер уловил бы электромагнитные волны. Я хмыкнул и еще раз «просветил» бот, особенно в районе силовой установки. Результат ошеломил: ничего! То есть абсолютно пусто. И это тоже из разряда «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Да элементарно энергонакопитель должен фонить, а тут даже остаточный магнетизм не фиксируется. Забавно, ага.

– Такое ощущение, что у них из системы высосали всю энергию, – пробормотал я себе под нос, забыв... вернее, забив на активированный канал связи, и услышал недоверчивое хмыканье Калашника. – Ну-ка проверим...

Взявшись левой рукой за специальный выступ на крышке люка, я потянул ее вбок, выставив перед собой пистолет, зажатый в правой, и одновременно приставным шагом сместился в сторону от проема. Если внутри кто-то и есть, то сразу напрыгнуть на меня будет проблематично, я все время под защитой броневой створки. Предосторожность оказалась излишней – никто так и не выпрыгнул. Ну и ладно. Теперь заглянуть аккуратненько... Внутри пассажирского отсека царила тьма. Еще одна странность, прекрасно вписывавшаяся в недавно озвученную версию: обесточенный поляризационный слой потерял прозрачность, а осветительные панели, естественно, погасли. Плюс электромагнитный замок на люке разблокирован. Свет, падавший через дверной проем, позволял разглядеть лишь небольшую часть салона, рассчитанного на перевозку в достаточно комфортных условиях десяти человек, – дальний конец помещения тонул в полумраке. Я перевел оптику шлема в «ночной» режим и осторожно сунулся внутрь отсека, готовый в любой момент отпрыгнуть от бота и открыть огонь на поражение, но ничего этого делать не пришлось – внутри никого не было.

– Ну и где все? – вслух удивился лейтенант Калашник. Аппаратура его командирского скафандра позволяла напрямую синхронизировать вычислители, и он сейчас получал картинку с моей обзорной камеры.

– Поди знай! – хмыкнул я и уже без опаски влез в салон.

Осмотрелся и потыкал сенсор системы освещения, ничего этим, понятное дело, не добившись. Прошелся по заставленным креслами и рабочими станциями «виртуальных кабинетов» отсеку, подивился относительному порядку – лишь однажды под ногой хрустнул пластиковый стаканчик. Хотя это ничего не доказывает – практически все предметы закреплены, даже если падение было резким, особого бардака не будет. Опять же, если бы бот навернулся со значительной высоты и на скорости, мы бы здесь созерцали нехилую воронку, а не целехонький эксплорер без капли энергии в накопителях.

– В пассажирском отсеке чисто, лезу в блистер к пилотам.

Я приблизился к люку в перегородке, разделяющей отсеки, и осторожно сдвинул створку. Та без проблем утонула в стене – замок и тут не подавал признаков жизни. Внутри было так же темно, ни одного горящего диода, все дисплеи безжизненны, подсветка отключена. Чуть неестественная цветовая гамма «ночного» режима все же позволила без особого труда осмотреться, и я выдал в эфир короткое матерное восклицание. Тут же перед глазами возник образ настороженно вертящего головой кота, а в наушниках раздался встревоженный голос Калашника:

– Это то, что я думаю? Мля, Олег, вот это мы попали!..

– Похоже, – скривился я от дурного предчувствия. – Петрович, повнимательнее!

Кот ответил образом, который можно было приблизительно перевести как «будь спок!», а лейтенант пробурчал что-то типа «ой-ой-ой, мля». Я же с естественной в данный момент опаской подошел к креслу первого пилота и включил нашлемный фонарь. Пробежался лучом по безжизненному телу, осветил забрало летного шлема и вздрогнул – из-за прозрачного пла-

стика на меня уставились пустые мертвые глаза. Тьфу, итить твою! Вот и дождались. По дисплею пробежали строчки досье: Истомин Егор Викторович, 2515 года рождения, пилот второго класса. Статус: жизненная активность отсутствует. Вот так. Всего две строчки вместо эпитафии.

– Трындец, Димон, приплыли. – Я покачал головой, хоть он этого и не видел, и запустил сканер. – Есть один «холодный». База, как слышите, прием!

– Принял, – тотчас отозвался оператор. – Данные обработаны. Майору Исаеву сообщили, он принимает общее командование операцией. Переключитесь на выделенный канал.

– Принял.

– Денисов, как слышишь? – прорезался в наушниках голос комбата. – Доложи обстановку.

– Обстановка хреновая, товарищ майор! Бот нашли. Повреждения отсутствуют, шестеро членов экипажа тоже. Но есть отчетливый след, ведущий в джунгли. Обнаружен первый пилот. Мертвый. – Я еще раз окинул тело оценивающим взглядом. – Видимых повреждений нет. Поза обычная, лицо спокойное. Такое ощущение, что он даже не понял, что умирает.

– Вирус?

Ага, это первое, что и мне пришло в голову.

– Никак нет, сканер ничего похожего не засек.

– Еще странности?

– Все системы бота обесточены. Энергонакопитель пуст. Даже освещение в отсеках не работает.

– Что думаешь?

– Пока ничего конкретного предположить не могу, – отперся я. – Только общее впечатление. Одно могу сказать: они не упали. Или уже на земле все случилось, или у них была возможность относительно спокойно посадить борт.

– Куда остальные делись?

– Без понятия, – предельно честно ответил я. – В отсеках их нет, в пределах прямой видимости на поляне тоже. И вряд ли их распылили на атомы, раз уж бот цел. Да и следы об обратном говорят. Будем искать.

– Принял. – Исаев прервался на мгновение, видимо задумавшись, потом жесткими рублеными фразами выдал ЦУ: – Работай по плану, обо всех изменениях обстановки докладывай немедленно лично. Телеметрию напрямую на базу. Сейчас подключу целый отдел, будут обеспечивать только твою группу. Через два часа прибудет подкрепление. Вопросы?

– Никак нет!

– Действуй.

– Дим, все слышал? Тогда работаем по плану. Разворачивай цепь,ставляй охранение. – Я снова наткнулся взглядом на труп и поморщился. – Медика в кабину, пусть займется освидетельствованием. И спеца, тут все целым выглядит, может, оживит аппаратуру.

– Принял.

Выбравшись из темного чрева бота, я на мгновение зажмурился от яркого света.

– Петрович, иди сюда.

Кот послушно соскочил с крыши кораблика и боднул мою ногу.

– Все правильно понял, молодец! – похвалил я питомца. – Цель, нюх, поиск.

Петрович юркнул в пассажирский отсек, покрутился во тьме, пригнувшись к чему-то, а потом побывал в пилотской кабине, одарив меня образом фыркающего кота – нашел мертвеца. Затем напарник выбрался на оперативный простор и принялся нарезать круги вокруг летательного аппарата. Муркнул недовольно, пропуская двух Охотников – одного с красным крестом на шлеме, второго с матово-серым кейсом в руке. Те скрылись во внутренностях эксплорера, а кот продолжил работу, в буквальном смысле пропахав носом окрестности. Убил на это дело минут

десять, но оно того стоило. Периодически он останавливался в нерешительности, как будто на распутье, но уже через мгновение вновь возвращался к своему занятию. Наконец он что-то для себя решил, одарил меня образом облизывающегося как после миски сметаны котяры и решительно направился к лесу по тому самому широкому следу, лишь изредка принохиваясь.

– Дим, есть контакт! – обрадовал я коллегу. – След один, и отчетливый, Петрович больше ничего интересного не нашел. Думаю, все шестеро ушли в одном направлении и если и разделились, то позже. Форс у них порядочная, до полутора часов, если сразу от бота ушли, догнать трудно будет. Давай тут рули, а мы пойдем за ними.

– Давай, – согласился лейтенант. – Синхронизацию не разрывай.

– Ага.

Я мысленной командой придержал Петровича, в нетерпении переминавшегося с ноги на ногу на опушке, поменял в штутцере универсальный БК на магазин с УОДами и последовал за напарником, держа оружие наготове.

Система HD 44594, планета Находка,

4 сентября 2537 года

Поначалу погоня показалась нам с Петровичем детской прогулкой: след настолько отчетливый, что с него сбиться даже по пьяни проблематично. Надо совсем уж слепым быть или полным неадекватом. Такое ощущение, что тут целая толпа ломилась, не особо заморачиваясь выбором дороги или огибанием кустов: подлесок в том месте, где беглые ученые углубились в джунгли, был порядочно потрепан. Когда он закончился, ориентироваться пришлось по отпечаткам подошв на земле, но так было даже удобнее – травы практически нет, глина мокрая, нога погружается сантиметра на два-три. Какие тут, на фиг, обломанные ветки и сорванные листья. К тому же мы сделали первый обнадеживающий вывод: судя по отметинам на почве, шли шесть человек. Обувь размерами отличается, вдавленности разной глубины, да и протектор не совпадает. С учетом появившихся сведений уточнил Петровичу задачу, и тот умчался на пару десятков метров вперед, в дозор. Сразу же спугнул какую-то зверушку, довольно крупную, с самого Петровича размером, но местный обитатель с пришельцами связываться не стал, скрылся в зарослях. Сканер работал в усиленном режиме, да еще и с синхронизацией в реальном времени с главным вычислителем базы – ушлые биологи не упустили случая разжиться сведениями о тропической флоре и фауне. Впрочем, я не возражал: без помощи мощного компа можно и пропустить что-нибудь с виду безобидное, но смертоносное.

Лес вокруг кишел жизнью: множество мелких зверьков, мириады псевдонасекомых и большие стаи перепончатокрылых «птиц» практически забивали дисплей сливающимися значками, так что я давно уже перестал обращать на них внимание, настроив фильтр на объекты массой больше сорока килограммов, и осторожно шагал по следу, периодически останавливаясь и подключая «стереорежим». Петрович чувствовал себя в джунглях как дома, замечал вокруг массу занятного, но от задания не отвлекался: обшаривал местность, прислушивался и принохивался. Пару раз в эфир выходили операторы и просили в подробностях рассмотреть некоторых представителей флоры. Я ворчал раздраженно, но просьбы удовлетворял: биологи они как дети, все равно не отвяжутся. С другой стороны, понять их можно – сейчас они получают колоссальный массив информации, на ее сбор в штатном режиме ушел бы не один день, учитывая технику безопасности и строгую методику научных исследований. Да и самому было любопытно. Оба экземпляра поразили. Первый – этакая рослянка-переросток, хищное растение с одуряющим ароматом. Петрович едва в него не влетел, но вовремя распознал опасность, к тому же хватательным органом у него был цветок, расположенный в метре от земли, так что

кот изначально не предполагался в качестве добычи. Скорее оно на «птичек» охотится – вон какое яркое да пахучее. Вторым объектом интереса ученых стал куст, стреляющий крепкими шипами с палец длиной. Его мы выявили заранее, сканер засек характерную структуру, схожую со знаменитым деревом-убийцей из экваториальной области Болла. С подобными хищниками мы с Петровичем знакомы были очень хорошо, один из егерских полигонов на них весьма богат. Так что засекли, просканировали и спровоцировали на обстрел – напарник шустро метнулся мимо, увернувшись от тучи игл, глубоко засевших в почве и стволах деревьев. Куст оказался тупым – израсходовал весь боезапас в первом же залпе, так что подобрался мы к обезвреженному растению без опаски. Ну, почти – пришлось уклоняться от хватательных ветвей, гибких и длинных вроде лиан. – Биологи едва не писали кипятком от счастья, особенно после того, как я подобрал несколько «дротиков», упаковал в пластиковый пробник и спрятал в карман. Хотя даже без исследования образцов я мог предположить, что куст таким образом пропитание добывает, а не размножается – слишком мощный поражающий эффект у шипов, пробитое насквозь животное спору или семечко далеко не унесет. К тому же на ветвях я обнаружил своеобразные «обоймы» недозревших колючек, причем некоторые из них чуть ли не на глазах изменялись, вытягивались и заострялись, а лист в основании сворачивался в этакую метательную трубку. Ага, многозарядный кустик-то, и время перезарядки впечатляет – минут двадцать, максимум полчаса. Дождаться, пока растение придет в боеготовность, мы не стали, ушли по следу дальше. Я удвоил осторожность, а Петрович на требования техники безопасности откровенно забил – надеялся на свою скорость и свойства природной шерстяной брони. Мне, собственно, тоже ничего не грозило, но позориться перед коллегами и учеными не хотелось – что это за Егерь такой, если под залп тупого кустарника подставляется? Вот-вот.

За полчаса неспешной ходьбы мы с напарником углубились в джунгли на пару километров, но никого крупнее похожего на енота существа оригинальной окраски не встретили. Еще несколько раз попадались «росянки» и стреляющие кусты, множество других растений, помеченных вычислителем как ограниченно опасные, и несколько странных объектов вроде муравейников – к ним мы приближаться не стали, опасаясь оравы их мелких обитателей. Даже земные африканские кочующие муравьи не подарок, что уж говорить о неизученных обитателях инопланетных джунглей. Дважды связывались с Охотниками, оставшимися у бота. Еще при первом сеансе Дима Калашник сообщил, что медик обследовал мертвого пилота и выдал заключение: смерть последовала от отека мозга, спровоцированного информационной перегрузкой, – типичнейшая картина, лет тридцать назад в Федерации с такой проблемой столкнулись, когда появились продвинутые шлемы «виртуальной реальности». Потом их, ясное дело, модифицировали, и летальные исходы прекратились. Как подобное могло произойти с защищенным всеми мыслимыми способами интерфейсным шлемом атмосферного бота, спец, работавший с медиком, не брался даже предположить. Во второй сеанс лейтенант снова порадовал – техник оживил вычислитель летательного аппарата. Правда, на этом хорошие новости и закончились: в его памяти не обнаружилось никаких сведений, способных пролить свет на произошедшее. Похоже, что комп просто вырубился без всякой на то причины. Хотя причина все же была: питание отрубилось прямо в полете, на высоте триста метров. Каким образом – это уже другой вопрос. Даже не вопрос, а тайна за семью печатями. А вот почему бот не разбился, спец объяснил достаточно уверенно: сработала система безопасности, перенаправившая весь энергоресурс на антиграв, и стремительно утекающей в никуда энергии как раз хватило на относительно мягкую посадку. Еще один вывод: батарея разрядилась хоть и очень быстро, но не мгновенно.

Пока мы с Петровичем продвигались по следу, Охотники тоже времени даром не теряли. Несколько двоек обшаривали поляну и джунгли вокруг, правда, не углубляясь в них более чем на двести-триста метров. Судя по обмену в эфире, ничего подозрительного они не обнаружили, разве что спугнули несколько крупных зверей, которых рассмотреть не успели.

Джунгли между тем начали редеть, далеко вверх в просветах между кронами даже можно было рассмотреть безоблачное небо. Что меня радовало больше всего, так это отсутствие дождя, явления в этих широтах распространенного. Не экватор с его ливнями по расписанию, но духота и влажность зашкаливали – спасибо скафандру с климат-контролем, а то давно бы уже весь потом изошел. А Петровичу вообще по фиг, скользит меж стволов и чахлых кучек травы, мутант хренов, и в ус не дует. Так преодолели еще километра полтора, а потом увидели одного из пропавших, прищипленного к узловатому стволу лесного гиганта типа секвойи. Метрах в двадцати от погибшего обнаружился куст-стрелок, близнец давешнего, а у его подножия, в сплетении хватательных ветвей, лежало что-то ярко-голубое, испятнанное красными кляксами. Это что-то подозрительно напоминало тело в пилотском скафандре.

– Петрович, стоять! – Я поднял руку в предостерегающем жесте и для надежности сопроводил команду ярким образом: застывший на полушаге кот и куст в полной боеготовности перед ним. – Надо кустик разрядить, а то не подойдем...

Напарник с готовностью откликнулся на зов и вторично провернул трюк с пробежкой в секторе обстрела. Куст на разводку повелся и среагировал плотным залпом, причем большая часть шипов безобидно утонула в глине, но несколько десятков обрушились на итак уже похожее на подушечку для иголок тело. Ага, теперь все ясно: ученые шли немного растянувшись, наткнулись на «стрелка», но под удар попали только двое. Одного отбросило к «секвойе» и пригвоздило к ней вне досягаемости хватательных ветвей хищника, а вот пилот оказался ближе и попал прямиком на обед. Что характерно, в качестве главного блюда.

– Петрович, разведка! – Я ткнул в пилота, а сам направился к распятому на дереве ученому.

Питомец все понял правильно – прильнул к земле и осторожно пополз к телу. Я же подошел к «секвойе» и злобно выругался. Блин, ну как можно быть таким идиотом?! Это же не загородный парк, это инопланетные джунгли, опасность здесь на каждом шагу. А этот баран, царствие ему небесное, рассекал с откинутым забралом и в расстегнутом чуть не до пупа скафандре. «Джеймс Фредрикссон, младший научный сотрудник. Специализация: биохимия. Статус: жизненная активность отсутствует», – услужливо сообщил мне вычислитель. А кустикто силен. В лицо ученому попало три шипа, и все они вошли почти на полную длину, снаружи торчали только концы. Видимо, в лицевых костях застряли. Четвертый же угодил в правый глаз и пробил череп в затылочной части, пронзив по пути мозг. Как раз на нем тело и держалось, да еще на парочке, ткань скафандра не пробивших, но вдавивших ее в древесину на несколько сантиметров. В груди еще с десяток «стрелок». Твою же мать! Я отошел на пару шагов и встал с таким расчетом, чтобы мертвый ученый попал в поле зрения регистратора.

– База, все видите?

– Видим, блин, во всех подробностях, – отозвался оператор.

На заднем фоне были слышны подозрительные звуки – не иначе кого-то вывернуло прямо в навигационном отсеке. Не добежал до сортира человек.

– Исаеву доложите.

– На связи, сам все вижу, – рыкнул майор на выделенном канале. – Бардак, нах. Что со вторым?

– Сейчас посмотрю. – Я переключил внимание на напарника, как раз обнюхивавшего тело. – Петрович, что там?

Ответный образ поводов для оптимизма не оставил: человек был мертв. Я осторожно приблизился к кусту, стараясь не спровоцировать броска хватательных веток, но опасался зря: все они были заняты процессом поглощения пищи. Гибкие стебли оплели тело, и концы их вонзились в плоть на незащищенном лице, шее и кистях рук. Скафандр был застегнут почти до верха, но этого «почти» кусту хватило – иглы попали в шею и голову, мгновенно убив жертву. Не удивлюсь, если они еще и токсин содержат, очень уж неестественный цвет кожи у пилота,

там, где ее видно. Или это результат пищеварения, поди знай. Вообще, зрелище малоаппетитное: куст впрыснул в тело через полые лианы ферменты и сейчас всасывал размягченные ткани и естественные жидкости человеческого организма, ничуть не озаботившись генетической совместимостью. Хотя на этот счет у нас давно уже сомнений не осталось: уже довелось с коллегами полакомиться местной дичиной. Я сглотнул вязкую слюну, с трудом справившись с приступом тошноты, но заставил себя рассмотреть пиршество хищного растения в подробностях. Затем отошел на безопасное расстояние, кликнул Петровича и связался с Калашником:

– Димон, нашел двоих. Засакай координаты и присылай людей. Нужно о телах позаботиться.

– Принял, – отозвался Охотник. – Катер ждать будешь?

– Нет, дальше пойду. Что там с подкреплением?

– Вылетело, – вмешался в беседу комбат. – Полчаса – расчетное время прибытия. Отделение на катере и два медицинских глайдера. Денисов, времени не теряй, продолжай преследование. С «холодными» без тебя разберутся.

– Есть. Кстати, товарищ майор, а почему в поисковой партии Охотников не было? – задал я давно мучивший меня вопрос. – Это же полевой выход, как так вообще?

– Ты у меня спрашиваешь? – прорычал Исаев, но тут же смягчился: – Безопасники с учеными настояли. Что-то секретное у них тут намечалось, к тому же высаживаться они не должны были. Я был против, до свары дошло. Линдемманн и Овчаренко взяли ответственность на себя.

– Овчаренко? Это который ксенобиолог? – припомнил я.

– Он самый, – чуть ли не сплюнул майор. – Сука еще та. Короче, не заморачивайся. Насчет режима безопасности и охраны потом разбираться будем, я это дело на самотек не пушу. А ты пока фиксируй все, что видишь. Пригодится. Есть у меня такое предчувствие. Все, пошел.

– Есть! – Я перевел передатчик в пассивный режим. – Петрович, патруль!

Система HD 44594, планета Находка,

4 сентября 2537 года

Следующему трупу я уже не удивился, поскольку был морально готов. Разве что его внешний вид поразил: знакомый черный скафандр «особистов» и глухой черный же шлем с затемненным забралом. Увидели мы его издалека, причем первым среагировал я, а не Петрович, который был слишком занят исследованием странно изломанного дерева. Судя по его эмоциям, вынюхал кого-то близкородственного, и я с трудом привлек его внимание к высокому муравейнику, на склоне которого распластался лицом вверх мертвый безопасник. Жилище хищных насекомых располагалось под мощным деревом, крона которого терялась где-то в небесах, и другой растительности за исключением чахлой травы рядом не наблюдалось. На красной глине отчетливо выделялись следы. Картина была странная: сначала четыре цепочки шли вместе, то и дело пересекаясь, потом одна отделялась без всякой видимой причины и заканчивалась у муравейника. Судя по отпечаткам, несчастный некоторое время топтался у полутораметровой высоты «замка», а потом с размаху на него лег и принялся перекачиваться со спины на живот, вызвав многочисленные завалы. Понятное дело, жильцам это очень не понравилось – вон, до сих пор в растрепанных чувствах. Так что я предпочел благо-разумно замереть в десятке шагов от муравьиного жилища, и заодно придержал напарника, вознамерившегося было обнюхать крупных рыжих насекомых с впечатляющими жвалами. Те

деловито сновали по склонам и труп, ныряли в сочленения скафандра и возвращались, нагруженные – дармовой свежатинкой.

– Чего это он в муравейник полез? – поинтересовался я вслух. – А, Петрович? Не знаешь? Вот и я не знаю... База, картинку получаете?

– Получаем, – заверил меня знакомый голос. – Спасибо, без обеда по вашей милости остались.

Это точно, зрелище крайне мало аппетитное. Тем не менее я пересилил себя и врубил увеличение, зафиксировав объектив камеры на нагрудном знаке покойного. «Онни Мякеля, сотрудник службы безопасности компании „Внеземелье“, отдел особых операций. Статус: жизненная активность отсутствует», – в очередной раз выдал вычислитель. А то я сам не вижу, что отсутствует. Напрягало другое: что человек из ведомства Линдемманна забыл в компании ученых?

– Безопасник, – задумчиво протянул я. – Товарищ майор, а?

– Забей! – немедленно отозвался комбат. – Ближе можешь подойти, а то издали повреждений не видно.

– Страшно, – честно признался я. – Муравьи шутить не любят. А у этих видели какие жвалы?

– Придумай что-нибудь, – приказал Исаев. – Что хочешь, но чтобы доказательства были.

– Есть. – Я задумчиво повертел головой, встретился с взглядом желтых кошачьих глаз. – Ага, Петрович! Ты-то мне сейчас и поможешь.

Напарник понял меня с полуслова и с готовностью сорвался с места, незримой тенью расстворившись в зарослях. Ждать пришлось недолго: уже минут через пять он вернулся с местной «птичкой» в пасти. Та уже даже не трепыхалась – Петрович к порученному делу отнесся серьезно. Я забрал у него добычу, шикнул на прорезавшегося было на общем канале какого-то незнакомого биолуха – хрен вам, а не образец! – и ловко забросил трупик к муравейнику. Тушка упала где-то в метре от обиталища насекомых, то есть примерно там, где я и намечал. Против ожидания рыжие мураши к явившейся с неба добыче остались равнодушны: один из них пробежался по «птичке», попробовал ее на вкус и деловито скрылся в лазе у подножия «замка».

– Петрович, тащи «летуна», – со вздохом приказал я чуть позже, так и не дождавшись атаки «хщников». – Осторожней только.

Напарник с задачей справился блестяще: бесшумно подполз к тушке, принял к земле на расстоянии вытянутой лапы и подцепил ее когтем на манер куска колбасы. Забавно получилось, как это коты умеют, особенно когда харчи со стола воруют. Потом схватил добычу в зубы, медленно попятился от муравейника, не сводя с него настороженного взгляда, и бросил «птичку» у моих ног.

– Дубль два! – Я повторно закинул тушку на муравьиную кучу, на этот раз точно на склон, почти в самую середину. – Петрович, наблюдай.

Результат и сейчас проявился далеко не сразу. Сначала из лазов выбралось несколько насекомых, которые тщательно обследовали неожиданный подарочек, и лишь затем небольшая, особей на сто, кучка мурашей принялась деловито утилизировать провизию. Окончания процесса мы ждать не стали, и так все ясно – здешним рыжим муравьям далеко по агрессивности до африканских аналогов. А я вообще перестал что-либо понимать. Как, скажите на милость, можно умудриться быть съеденным заживо этими заторможенными насекомыми? Это надо было долго и упорно лежать, испытывая адскую боль от множества укусов, или уже быть мертвым, когда на муравейник упал. Или, по крайней мере, тяжело раненным. А на трупе внешних повреждений нет, это я отчетливо вижу. Придется поближе рассмотреть.

– Петрович, к мурашам не приближайся, – скомандовал я, терзаемый смутными сомнениями, и решительно шагнул к «замку».

Схватил труп за ногу, готовый в любую секунду его бросить и дать деру, и осторожно потащил мертвого охранника подальше от муравейника. Что характерно, его обитатели столь вопиющему действию не препятствовали. Оттащив добычу метров на двадцать, я остановился, осмотрел тело со всех сторон и перевернул на живот. Так и есть – видимые прорехи на скафандре отсутствуют. Забрало шлема опущено, но сам он не загерметизирован, равно как и стыки отдельных частей костюма. Из них деловито выползали муравьи и устремлялись к оставшемуся в стороне жилищу. И попыток напасть не предпринимали, что радует. На всякий случай я прошелся по телу сканером и удивленно выругался: картина точно как в боте – ни капли энергии в накопителе, вся электроника выключена, и даже унитары в магазинах, распиханных по карманам разгрузки, разряжены. Кстати, оружие на месте – и пистолет в поясной кобуре, и знакомый «викинг» в захватах на спине. Такое ощущение, что покойный Онни шел по кишасим разнообразными опасностями джунглям как по набережной где-нибудь в Осло – руки в карманы, лицом торгует. И это человек с опытом! Я бы на его месте автомат не выпускал, шмалел на любой подозрительный звук.

– Странно это, странно это, быть беде! – фальшиво прогнусавил я, изображая оперного певца. – Это «жжжж» неспроста, как говорил один умный медведь. Петрович, что делать будем?

Кот обеспокоенно муркнул, втянул ноздрями воздух и оглушительно чихнул.

– Вот это правильно, – поддержал я напарника. – Сейчас тело осмотрим и дальше пойдем.

– Денисов, прекращай балаган! – рыкнул на выделенном канале Исаев, но я на разгневанного начальника внимания не обратил, склонившись над мертвым «особистом». Помедлил мгновение, потом подцепил забрало двумя пальцами и откинул вверх.

– Тьфу, мля!

На этот раз с тошнотой удалось справиться лишь ценой огромных усилий. И неудивительно – от лица безопасника практически ничего не осталось. Муравьи потрудились на славу, почти начисто обглодав кожу и мышцы, так что из бурого месива проступали кости. А я-то думаю, чего это так легко труп волоочь! Да он килограммов тридцать скинул, не меньше. Чтобы убедиться в этом окончательно, я задрал манжету на куртке. Так и есть, рука тоже обглодана до мослов. Мурашам хватило щелей в негерметичном костюме, чтобы добраться до добычи, а остальное решило их трудолюбие и количество. Но все же главный вопрос – как они его умудрились загрызть? – пока оставался без ответа, поэтому я достал из кармана универсальный пробник и погрузил полый наконечник в обрывки мышцы на лице. Сканер сразу же возмущенно заверещал, по дисплею побежали строки, но из потока зубодробительных химических названий я сумел вычленить ровно одно понятное слово – токсин. Ага, теперь все встало на свои места. Мураши-то и ядом не брезгуют! Не в курсе насчет дозировки и эффективности, но объединенных усилий нескольких десятков особей хватило, чтобы завалить довольно крупного представителя рода «хомо сапиенс».

– База, телеметрию контролируете? – отвернулся я от трупа.

Вместо оператора опять отозвался Исаев.

– Контролируют они, как же! – желчно хмыкнул он. – Облевались все, слабаки. Давай соображения.

– А нет соображений, – обрадовал я начальство. – Ума не приложу, как он умудрился. Мог сто раз выбраться. И еще вопрос: почему у него аппаратура сдохла и боеприпасы заодно? Не подкинете гипотезу, товарищ майор?

– Обойдешься. Работай дальше, а я пока с гостями потолкую. – Исаев буркнул куда-то в сторону: «А, господин Линдеманн! Вот вас-то мне и надо!», потом опять вышел на связь: – Ищи остальных, цеу аналогичные. Конец связи.

Я вздохнул и переключился на канал Калашника.

– Дим, лови координаты. Еще один «холодный»... И это... пошли кого-нибудь подубо-
вее... я имею в виду, невпечатлительного. Миху хотя бы.

Система HD 44594, планета Находка,

4 сентября 2537 года

– Такое ощущение, что они между собой премию Дарвина разыгрывают, – выдал я
немного спустя, рассматривая очередное мертвое тело.

Тонкостей Петрович не понял, но общий смысл фразы уловил, о чем и просигнализи-
ровал тягучим «дурраки» и презрительным фырканьем. И было с чего: некий Ион Раду, ксено-
зоолог, «статус: жизненная активность отсутствует», оплывшей грудой мяса висел на остром
суку, торчавшем из узловатого ствола некогда поврежденного ударом молнии дерева как раз
на уровне пояса. Длинный обгоревший шип походил на искривленный штык, да и прочностью
ему мало уступал. Если не ошибаюсь, в древности так наконецники стрел укрепляли – зата-
чивали деревяшку и обжигали на костре. И никакой мороки с костью или камнем. По идее,
усиленную ткань легкого скафандра сук по определению не мог пробить, но покойный прене-
брег даже элементарными правилами безопасности, то бишь пер по лесу без шлема, стянув
верхнюю часть комбеза и завязав его на поясе рукавами, чтобы не мешал. Форменная фут-
болка же защитными свойствами не поражала, что румын с блеском и доказал, нанизавшись на
обугленную ветвь. Конец своеобразной «иголки», заляпанный кровью и омерзительного вида
ошметками, торчал из спины ученого, оный же ученый навалился на ствол, прижавшись щекой
к шершавой коре. Ноги неестественно подогнуты, руки безжизненно свисают – тот еще сюр,
куда там Сальвадору Дали с его невинными фантазиями!

– Петрович, проверь!

Кот осторожно подкрался к покойному, обошел дерево, принялся и испустил (фигу-
рально выражаясь) волну неодобрения, смешанного с изрядной дозой недоумения – опасности
он так и не почувствовал.

– Карауль, – кивнул я напарнику и сам приблизился к мертвецу. – Так, что мы имеем
с клиента?

«Клиент», как и ожидалось, пребывал в плачевном состоянии: обнаженные предплечья
покрыты ссадинами, царапинами и черными пятнами синяков, отчетливо проступивших на
коже после смерти. Над лицом тоже кто-то неплохо поработал: нос расквашен, на лбу нехилая
такая борозда, одно ухо почти оторвано, плюс ко всему явный перелом нижней челюсти. Оба
глаза заплыли еще при жизни, а сейчас и вовсе превратились в омерзительного вида щели. И
странная рана на щеке, очень смахивавшая на укус. Присмотревшись, я обнаружил подобное и
на руках. Футболка на груди разодрана, из пробитого живота на ствол натекло крови, смешан-
ной с содержимым желудка. И запах соответствующий, так что я с трудом подавил желание
избавиться от съеденного в обед. В который уже раз за сегодня, третий? Точно.

– Кто же тебя так отделал? – подумал я вслух, но, как ни надеялся, майор Исаев не ото-
звался. Видать, действительно занят. – Петрович, глянь.

Кот запрыгнул ко мне на руки и вытянул шею, втянув воздух. Затем внимательно осмот-
рел усопшего, смешно сморщился и одарил меня образом скатывающегося по крутому склону
румына. Картинка получилась сочная, с подробностями: тело по пути к подножию холма
собрало все встречаемые камни и стволы деревьев.

– Это вряд ли, – усомнился я. – Больше похоже, что его били. И есть пытались. Видишь?

Петрович возмущенно фыркнул и спрыгнул на землю. Утвердившись на своих четырех,
уткнулся носом в отпечаток ботинка ученого в метре от дерева и призывно муркнул.

– А вот это правильно, – поддержал я напарника. – Пошли по следу.

Дерево с нанизанным ксенозоологом располагалось в стороне от звериной тропы, по которой уже на протяжении километра шагали пропавшие члены исследовательской группы. Заметил я его издали и сразу подошел ближе, не озаботившись рассмотрением следов, теперь же это упущение мы с питомцем попытались исправить. И не скажу, что это было просто – на анализ обстановки ушло минут десять, настолько рисунок оказался запутанным.

Но сначала мы нашли шлем. Стандартный, как у давешнего безопасника. Он валялся посреди крошечной полянки, над которой где-то на невообразимой высоте в кронах деревьев виднелся просвет. Жизнелюбивая, хоть и чахлая трава здесь была гуще, чем в округе, поэтому на этот явно выбивавшийся из пейзажа предмет мы наткнулись, лишь когда прошли по следу мертвеца метров тридцать. Судя по расстоянию между отпечатками подошв и их глубине, покойный пытался от кого-то или чего-то убежать. Вокруг шлема растительность была безжалостно вытоптана, а на нескольких стеблях мы заметили капли крови. В одном месте, судя по характерным примяностям, румын упал и перекашивался по земле, закрываясь от ударов, но потом таки смог подняться на ноги и бросился прочь сломя голову. Но при этом, скорее всего, постоянно паялся назад, на неведомую опасность, и в результате напоролся на шип.

– Это что же выходит, а, Петрович? Его оставшиеся двое били? И заодно еще пытались? Ну, это уже клиника...

Кот со мной был полностью согласен, о чем и возвестил хриплым воем.

– Я бы еще понял, если бы их местные зверушки порвали, – продолжил я рассуждения, – но ведь они сами лезут куда ни попадя, а последний вообще пи... то есть из ряда вон.

– Что у тебя там? – прорезался в наушниках голос комбата. – Ага, вижу. Занятно.

– Товарищ майор, что «особист» говорит?

– Да ничего он, сука, не говорит! – рыкнул Исаев. – Корочками тычет, полномочия предъявляет. Не вашей, говорит, юрисдикции дело. И ругается матерно, по-немецки. Короче, я его послал. Работай дальше.

– Есть! – Я еще раз окинул взглядом поле битвы, но ничего нового не обнаружил и кликнул напарника.

А оставшиеся двое, похоже, на разыгравшуюся трагедию никак не отреагировали: две цепочки следов вели прочь от поляны и скрывались среди деревьев. И это совсем не укладывалось в голове. Что заставило их напасть на коллегу? Почему они его грызли? Да какого, вообще, хрена?! Черт, надо успокоиться, а то и самому недолго на нервах в неприятности влипнуть. Чуткий Петрович поспешил одарить меня успокаивающим образом: урчащий кот на коленях у человека, сидящего в кресле-качалке, а на заднем фоне разожженный камин. Ага, есть у меня такая идея фикс, и питомец об этом знает.

– Спасибо, братан! – умиленно пробормотал я, и попытался сосредоточиться на окружающей обстановке.

Получилось, что характерно. Как будто завеса слетела с глаз. Краски вновь стали яркими и сочными, в сознание ворвался разноголосый гвалт наполненных жизнью джунглей. Я нагнулся и с благодарностью погладил Петровича по холке. Тот на секунду включил урчальник и ответил мыслеобразом, который я расшифровал как «хорош сопли жевать, работать надо».

– Это точно, – согласился я. – Димон, засекай координаты, еще один холодный труп есть.

В ответ донесся озабоченный матюг – Калашник принял информацию к сведению.

Система HD 44594, планета Находка,

4 сентября 2537 года

По следам мы шли еще минут сорок, оставив за спиной почти четыре километра. Джунгли начали потихоньку редеть, деревья мельчали, все больше попадалось низкорослых кустов, да и трава стала куда гуще. А к исходу часа и еще пары километров вышли на опушку. Судя по карте, двигались мы в глубь острова, удаляясь от побережья, и выбрались на край обширной поляны, отделявшей лес от предгорий, – в самом его сердце высился небольшой массивчик километров пятидесяти длиной. Венчал его потухший вулкан с двух вершинах, с самой высокой точкой три тысячи девятнадцать метров над уровнем моря. А ничего так карта получилась, качественная. Топографы не зря беспилотники гоняли почем зря. Хотя не меньше потрудились и спутники, зависшие на геостационарных орбитах.

Без борьбы джунгли сдаваться не собирались: отдельные купы деревьев были разбросаны в километре, а то и в полтора от опушки. Оставшееся пространство занимали колючие кусты типа акации, заросли псевдобамбука – такие же густые и высокие, как на Земле, разве что цвет у коленчатых стеблей изначально желтый, а не зеленый и высокий, по пояс, травостой. В нем как раз и обнаружились две прорехи, оставшиеся после пропавших ученых. Хотя вру, ученый один – счастливчик Женечка Королев. Судя по обнаруженному шлему, второй уцелевший коллега Онни Мякеля, то бишь «особист». Теперь осталось решить, по какому следу идти. Собственно, разницы никакой. Если беглецы разделились, ничто не мешает нам найти одного и вернуться к исходной точке. Долго, конечно, но с питомцем расставаться категорически не хотелось. Лучше время потерять, чем голову. В конце концов, мы не в фильме ужасов про тупых подростков, бегающих по лесу от маньяка, и не обязаны следовать киношным штампам. Хотя антураж способствует, вынужден признать.

Постояв еще немного в задумчивости, я решительно шагнул к правой проплешине. Петрович, подчиняясь мысленной команде, опередил меня и скрылся среди высоких стеблей.

Я старался идти осторожно, сливаясь с окружающей растительностью, благо «хамелеон» функционировал исправно, и особо не шуметь. А вот прошедший до меня явно такими вещами не заморачивался, и оставил за собой настоящую просеку. Обычно такие находят после кабанов, ломившихся через камыш. Хороший след, отчетливый. При всем желании не собьешься.

Дошагав почти до середины «разделительной полосы», я выбрался на небольшую полянку, украшенную до боли знакомой пирамидой. Даже удивиться не успел: только что пробирался через густой травостой, и вот уже у моих ног простирается миниатюрный амфитеатр с довольно крутыми склонами. Чаша глубиной в пару метров и диаметром добрых пятьдесят, в центре каменистая площадка, из которой вырастает геометрически безупречное нечто, отсвечивающее блестящими гранями. Я врубил увеличение, но ничего конкретного рассмотреть не сумел: пирамида как пирамида, в полтора человеческих роста, в основании почти столько же. Поверхность мало того что отливает металлом, так еще и едва заметно течет, раздражая глаза.

Что за?.. В висках вдруг закололо, на затылок навалилась свинцовая тяжесть, и я неуклюже шагнул на склон. Не удержавшись, съехал на заднице, по дороге сгреб несколько булыжников с кулак величиной и вырвал с корнем пару пучков травы. Остановившись внизу, помотал головой, вслушиваясь в шорох осыпающегося песка. Как коряга, и тело подчиняется с неохотой. Черт, как же это я?.. На пределе слуха вдруг возник назойливый писк, на одной ноте, бесконечно-заунывный, и меня неудержимо потянуло к загадочной пирамиде. Не в силах противостоять зову, я с трудом поднялся на ноги и замер: что-то оттягивало правую руку. Опустил взгляд – ага, штуцер, зараза! Тяжелый, громоздкий и неудобный. И зачем он мне в этом

прекрасном месте? Отвергнутое оружие упало в траву. На душе сразу стало легче, и я сделал первый шаг. Потом еще и еще. Пирамида впереди притягивала взгляд, манила загадочностью и совершенством формы. Я почувствовал, что должен до нее добраться во что бы то ни стало. Добраться и насладиться неземной красотой орнамента. Да, сейчас, еще пара десятков метров осталась...

Что-то довольно тяжелое наподдало мне сзади, заставив споткнуться и растянуться во весь рост. Я моментально перекатился с живота на спину и напряжился, собираясь вскочить на ноги, но претворить намерение в жизнь не удалось: на шлем вспрыгнуло донельзя сердитое рыжее нечто и завывало диким голосом. Противный мям пробрал до костей, и я вдруг осознал себя лежащим на земле, что характерно, с откинутым забралом. В лицо ткнулся мокрый холодный нос, шершавый язык прошелся по щеке наждачной бумагой, и обрадованный Петрович от избытка чувств цапнул меня за первое попавшееся место, коим оказался кончик моего обонятельного органа. От кота за километр веяло яростью вперемешку с радостью от того факта, что я наконец очнулся. В мозгу один за другим вспыхивали красочные образы, сменяясь с частотой картинок в калейдоскопе, и я не мог толком расшифровать ни один из них. Улавливал только общее настроение: беспокойство за меня, удивление, злоба, переходящая в звериную ненависть по отношению к чему-то бесформенному... В уши лез чей-то настойчивый голос, раз за разом вызывавший меня на выделенном канале. Черт, это же комбат Исаев! Я помотал головой, сбрасывая остатки одури, и захлопнул забрало. Стало значительно легче.

– Товарищ майор?..

– Денисов, твою маму! – рыкнул тот обрадованно. – Что у тебя там стряслось?

– Сам не знаю, – задумался я, параллельно обзорева окрестности. – Похоже на ментальную атаку.

– Чего? – опешил комбат.

– Ну это как в «мозговерте», когда память сканируют, – пояснил я. – Только гораздо грубее. Блин, не могу точнее объяснить! Оп-па, а это что?

Я сфокусировал взгляд на пирамиде, вернее даже на площадке у ее подножия, оставив без ответа взволнованное «Где?!» комбата, и удовлетворенно ухмыльнулся. Попались, голубчики! Точно, беглые ученые, сидят неподвижно, опустив головы. Но, по крайней мере, живы. Насчет «здоровы» утверждать не возьмусь.

– База, как слышите, прием! – Хоть одна хорошая новость за день, надо порадовать. – Нашел последних, не «двухсотые».

Вместо ответа послышался неразборчивый хрип, и тут же запиликал сигнал «аварийки», оповещающий о критическом уровне энергии в накопителях. Твою мать! Когда разрядиться успели?! Зар-раза!

– Димон, засекай координаты, быстро! – заорал я, переключившись на канал Охотников.

И вовремя, судя по еле слышному ответу:

– Есть контакт! У тебя сигнал пропадает.

– Да знаю я! Координаты засекай и присылай подкрепление, есть двое «теплых»!

– Это хо... хрррр... сей... хрррр... ем... хрррр...

Все, абзац! Пустой. Пиктограммы на внутренней поверхности забрала мигнули и растаяли, замолчал передатчик, и я, пораженный страшной догадкой, цапнул из кармана разгрузки магазин с уэсками. Так и есть, зеленые метки индикаторов заряда погасли. Стремительно выщелкнув унитары из магазина, я убедился, что ни в одном не сохранилось ни капли энергии, и разжал ладонь. Пластиковый брусок с тихим шелестом упал на траву. Все, теперь еще и безоружен. Впрочем, есть еще нож и мачете, так что не пропаду. Тем более что кавалерия скоро должна прибыть.

– Мля! – До меня только сейчас дошел весь ужас положения: если Охотники на глайдере приблизятся к этому странному амфитеатру, с ними случится аналогичная неприятность. – И ведь не предупредишь даже!!! Тьфу!

Я в расстроенных чувствах уселся на поросшую травой кочку и уставился в пространство пустым взглядом. Накатила апатия, хотелось лечь и забыться тревожным сном, но вдоволь потешиться депрессией не получилось: кто-то ткнулся твердым лбом мне в ладонь. Хотя почему кто-то? Петрович, кто же еще. Вон какие зенки, огромные и желтые! И не просто так пялятся, а со значением. В мозгу вспыхнул образ целеустремленно несущегося куда-то кота. Он то и дело оглядывался, всем своим видом излучая нетерпение.

– Куда?

Петрович муркнул, сделал несколько шагов по направлению к пирамиде и дернул ухом. Пушистый хвост ходил ходуном, чуть ли не хлеща по бокам.

– Уверен?

«Дурррак!!!»

– Ладно, хрен с тобой...

Я нехотя поднялся на ноги и последовал за питомцем. Тот достигнутому результату заметно обрадовался, фыркнул и припустил к заинтересовавшему объекту. Я старался не отставать, и вскоре был вознагражден: с каждым шагом двигаться становилось все легче, а метров через десять давление на мозг и вовсе исчезло. Сознание стало ясным, мир приобрел четкость, вернулась яркость красок, и я поймал себя на мысли, что надо сходить за штучером. Правда, тут же обругал сам себя идиотом – стрелять из него все равно нечем – и для собственного успокоения (пусть и иллюзорного) положил правую ладонь на рукоять ножа. Близость оружия подстегнула присущий мне здоровый пофигизм, и я уже куда увереннее пробежался взглядом по пирамиде. Грани ее перестали мерцать и еле заметно плыть, металлический блеск больше не забивал зрение, так что удалось разглядеть сложный орнамент на каменной поверхности, достигавший примерно половины высоты. Верх же отливал матовой чернотой вроде угля-антрацита или хитина.

Петрович между тем замялся неподалеку от таинственной хреновины.

«Стррррранное...»

– Разведка, – по привычке скомандовал я, машинально сопроводив слово мыслеобразом.

Кот припал к земле и начал по пологой дуге огибать загадочное сооружение, а я наконец сосредоточил внимание на беглецах. Оба сидели, поджав ноги, и еле заметно покачивались. Головы поникшие, руки на коленях – прямо-таки сувенирные болванчики, а не люди. И что хуже всего, лица в бурых потеках запекшейся крови. Королев «медитирует» на пирамиду, а вот у неизвестного безопасника я как раз в поле зрения. Приближаться к явно неадекватным коллегам отчаянно не хотелось, хоть и надо, так что я для начала просто окликнул биолога:

– Королев! Жека! Это я, Денисов, отзовись.

Парень к зову остался безучастен, как сидел, покачиваясь, так и сидит, даже амплитуда не изменилась.

– Младший научный сотрудник Королев! – подпустил я металла в голос. – Доложите обстановку!

Хрен там. Уж если он в нормальных условиях меня за человека не считал, то сейчас и подавно. Ладно, попробуем со вторым поговорить.

– Эй, друг! – позвал я, присев на корточки напротив, но метрах в трех. Ближе подбираться было боязно. – Эй, слышишь меня? Кивни или скажи что-нибудь.

Ноль эмоций. Похоже, оба в ступоре. Результат ментальной атаки, такой же, какой меня пытались достать? И ведь достали бы, если бы не Петрович. Перед глазами возник образ рыжего кота, с мурлыканьем трущегося о мою ногу. Да, братан, спасибо, я тоже про тебя всегда

помню. Продолжай разведку. Снова образ, типа «понял, сделаю». Это замечательно, но вопрос «что делать?» по-прежнему актуален. Сидеть и ждать кавалерию? Так Охотники в неприятности влипнуть могут, одна надежда, что у них энергозапас посолидней, так быстро в никуда не утечет, успеют с остальными связаться и предупредить. В любом случае нас отсюда вытащат. А что, разумно. Так и сделаю.

В качестве первого этапа плана я вознамерился было отойти подальше от неадекватных коллег, но «особист» вдруг дернул головой, неуклюже, как сломанный робот, и повернулся ко мне лицом. Веки его были полуприкрыты, глаза слепо шарили в пространстве, тем не менее он меня как-то чуял. Есть реакция! Моментально выбросив из головы принятое только что решение, я осторожно приблизился к безопаснику и тронул его за плечо:

– Эй, друг, ты в порядке?!

Зрачки парня неестественно расширились, но взгляд от этого не стал более осмысленным. Зато в нем читалось что-то еще – донельзя чужое и агрессивное. Что-то, что заставило инстинктивно отшатнуться. И только поэтому я не получил удар головой в лицо – беглец резко распрямился, как отпущенная пружина, мгновенно оказался на ногах и вцепился руками мне в шею. Твою мать! Я осознал, что ору во все горло, но тело, приученное долгими годами тренировок к любым неожиданностям, уже делало привычную работу: удар коленом в солнечное сплетение, на который напавший не отреагировал вообще никак, затем попытка сбить захват локтем. Раз, другой, третий – бесполезно. Безопасник с явно поехавшей крышей прилип ко мне хуже репейника, так что ничего не вышло. Смена подхода: мои руки ныряют между его конечностями, захват за плечи, рывок на себя, удар забралом шлема в незащищенное лицо оппонента. Сработало – «особист» отшатнулся, ослабив хватку, и тут же получил коленом в грудину. Несмотря на мой не самый большой вес, на сей раз удар получился образцово-показательный, почти как в зале по груше. Правда, пришлось вдогонку, но так даже лучше: вместо того, чтобы согнуться, сиюсь хватануть воздуха, безопасник отлетел на пару метров и нехило приложился спиной о землю.

Меня самого тоже чуть было не унесло отдачей, но я устоял и даже среагировал на бросок Королева, момент «оживления» которого позорно прошляпил, занятый разборкой со вторым беглем. Напал биолог со спины, сам не знаю, как заметил. Видимо, шестое чувство, развившееся в результате тренировок. Как говорил мой тренер в академии, если периодически получать по заднице, рано или поздно она начнет предчувствовать неприятности. Так и вышло: ведомый наитием, я развернулся и встретил рывок Королева, перехватив его на подходе. Женечка оригинальничать не стал, просто кинулся на меня в попытке по-медвежьи облапить и задавить в объятиях. Я, соответственно, тоже обошелся без изобретения велосипеда – воспользовался энергией его движения и провел бросок скручиванием. Более тяжелый Королев почти сшиб меня с ног, но в момент соприкосновения тел я успел обхватить его за пояс и уже в падении подправить траекторию, вывернувшись, словно кот. Так что рухнули мы на землю оба, хоть и с небольшой поправкой первоначальных Женечкиных планов – он оказался внизу, я сверху. Падение плашмя на спину из любого нормального человека вышибло бы весь воздух, но Королев лишь зыркнул безумными глазами и попытался вцепиться зубами мне в лицо. И забрало его несколько не смутило, я так подозреваю, по причине прозрачности – поляризация вырубилась, когда энергия утекла в никуда. Вот тварь! Я отшатнулся, одновременно скручиванием корпуса «заряжаясь» на удар, и бросил тело вниз. Усиленный вложением массы правый прямой в челюсть ошеломил биолога, и мне удалось откатиться прочь от врага. Желания продолжать возню в партере не было никакого, и я предпочел разорвать дистанцию.

Оказавшись на ногах, собрался было дать деру, но передумал – а ну как эти тоже смотятся? Ищи их потом... С другой стороны, опасность огрести неиллюзорных звездюлей высока как никогда. Опять компромисс, чтоб его!..

Делать нечего, встал спиной к странной пирамиде, стараясь не выпускать из поля зрения поверженных беглецов. А те уже как ни в чем не бывало поднимались – тяжелые удары не произвели на них особого впечатления. Королев хлюпал кровью, льющейся из расквашенного носа, с рассаженной губы безымянного «особиста» сбегала тонкая багровая струйка – но и только. Глаза у обоих оставались все такими же безумными и пустыми. Зато движения заметно потеряли в неуклюжести, особенно у безопасника: он вдруг направился ко мне легким пружинистым шагом, по-боксерски вскинув руки. Биолог отстал, ему все же требовалось немного отдышаться.

Новоявленный «боксер» резко ускорился и попытался достать меня прямым ударом, но я предпочел не ввязываться в ближний бой. Вместо этого развернулся к пирамиде, взбежал по ее довольно пологой стенке на пару шагов и крутнул сальто назад. Запаса высоты как раз хватило, чтобы перелететь через противника. Приземлившись у того за спиной, я от души вбил цэчуай ему чуть выше поясицы. «Особист» впечатался в пирамиду и сполз на каменистую площадку у ее основания. К моему изумлению, он сразу же начал проявлять признаки жизни, но я к тому времени успел достать левым уширо-гери подбиравшегося сзади Королева, сбив того на землю, и отскочить подальше от обезумевших беглецов. Другого, нежели «срыв с резьбы», объяснения мне в голову не приходило.

Застыв в десятке метров от снова ставших неуклюжими противников, я принялся лихорадочно просчитывать варианты, коих набралось целых три: бежать с поля боя (он мне нравился больше всех), продолжать бесперспективную драку, сдерживая наседающих безумцев, или убить их. Третий самый простой – нож в руку, два быстрых выпада, и все. На данный конкретный момент. А вот потом начнутся неприятности: поди докажи, что Королев с безопасником были явными неадекватными, а я лишь защищался. Аппаратура сдохла, свидетелей нет – Петрович не в счет. К тому же в глубине души теплилась надежда, что их можно будет из этого состояния вывести. Женечка, конечно, гнида еще та, но смерти не заслуживает. А к «особисту» у меня вообще ничего личного. Сбежать? Заманчиво, вот только где гарантия, что с таким трудом настигнутые беглецы останутся у пирамиды? Ищи их потом, и еще неизвестно, какие сюрпризы преподнесет остров. Мало нам четверых «холодных»? Ага, и я о том же. Так что остается драться. Или как вариант нарезать круги по амфитеатру, не исчезая из поля зрения одержимых. Муторно, да и опасно не в меру. Но, похоже, именно так и придется действовать...

«Стррррранное!» – снова ворвался в сознание мысленный «воплъ» Петровича, сопровождаемый образом пирамиды и сидящего неподалеку от нее непонятного существа с кожистыми крыльями. Но я только отмахнулся – не до него, меня сейчас заломают. И верно, на удивление быстро оклемавшийся безопасник отыскал меня пустыми буркалами и целенаправленно поперко мне, слегка покачиваясь. Ага, значит, действуют тумак! Воодушевленный этим открытием, я сам пошел на сближение и обрушил на голову противника выпендренный «торнадо». Тяжеленный удар, усиленный энергией вращения, сбил «особиста» с ног, и тот застыл без движения. Интересно, надолго ли? Проверять было некогда – с другой стороны приближался Королев, вытянув руки со скрюченными на манер птичьих когтей пальцами. Выглядел он заторможенным, и я сшиб его на землю размашистой «вертушкой».

«Стррррааанное!!!»

Ментальный зов Петровича окатил меня волной звериной ярости, смешанной с болезненным любопытством, отвращением и страхом неизвестности, и я потрясенно охнул. Ничего себе коктейльчик! Это на что же мой питомец напоролся?! И ведь посмотреть некогда – застывшие, казалось, надолго беглецы медленно и неуклюже поднимались. Твою мать!

«Стррррраааанноееееееааууу!!!»

Напарник прямо-таки орал, и не только мысленно – из-за пирамиды донесся его тягучий вой, каким он других котов глушил, когда те ненароком забредали на его территорию.

– Да разберись ты уже с этим «странным»!!! – рявкнул я, сопроводив крик мыслеобразом «взять». – Как вы меня достали!.. – А это уже оклемавшимся безумцам.

Пока я соображал, с кого удобнее начать, Петрович испустил дикий мям, оборвавшийся на половине. Испугаться за напарника не успел: разум обожгло видение бросившегося на врага котяры, и я почувствовал, как мои клыки впиваются в мягкую шею неведомого существа, а когти полосуют перепончатые крылья. Во рту появился мерзкий привкус какой-то химии, аж передернуло, да и Петровичу явно не понравилось – меня чуть не стошнило от отголоска испытанного котом омерзения. Едва сдержавшись, чтобы не заплевать изнутри забрало, я машинально отступил к пирамиде, чтобы не дать беглецам зайти себе за спину, и застыл в удивлении: оба безумца закатили глаза (казалось бы, куда уж больше?) и осели на землю, словно из них выдернули позвоночники. Беззвучно, на полушаге, как будто их кто-то выключил. Ни фиги себе... Не решаясь верить своему счастью, я осторожно приблизился к Королеву, как менее опасному, и с сомнением покачал головой: сейчас он выглядел как обычный человек в бессознательном состоянии. Дыхания не ощущалось, я даже испугался, как бы он дуба не дал, и незамедлительно содрал перчатку с правой руки. Поднес тыльную сторону ладони ко рту биолога и испытал нешуточное облегчение – дышит, разве что еле заметно. До безопасника очередь не дошла – помешал усиливающийся с каждым мгновением мысленный зов Петровича. Когда напарник хотел, он умел быть очень настойчивым.

– Иду уже, – буркнул я, огибая пирамиду против часовой стрелки.

Петрович обнаружился с противоположной стороны: сидел в нескольких метрах от таинственного сооружения и пялился на лужу слизи. Та истаявала на глазах, частично впитываясь в микроскопические щели каменной подложки, частично испаряясь. Сие действо не сопровождалось ровно никакими спецэффектами: ни лопающихся пузырей, ни вонь, ни брызг бурая масса после себя не оставляла. Завидев меня, Петрович заорал самым мерзким голосом, на какой был способен. Видок еще тот – вздыбленная на загривке шерсть, глаза по полтиннику, хвост трубой и при этом на морде удивленное выражение. Первый раз такое вижу.

Пока я шел от пирамиды к напарнику, гадостное пятно уменьшилось в диаметре чуть ли не вдвое. А когда я присел рядом с котом и осторожно прошелся голой рукой по спине, успокаивая, неизвестная субстанция полностью испарилась, не оставив на каменном массиве под ногами и следа. Петрович сразу же сдунул, дернул ушами и принялся тереться мордой о мою ладонь, забрасывая меня массой с трудом читаемых образов. Я понял только, что он очень рад завершению приключения, а заодно зарекается от подобных авантур на будущее. Ну, тут я с ним мог поспорить. Не в нашем характере сидеть взаперти, да и профессия протиранию штанов в кабинете не способствует.

– Рассказывай, – велел я, продублировав команду мысленно.

Петрович встрепелся и одарил меня уже вполне понятной картинкой: у подножия пирамиды, как раз на том месте, где совсем недавно располагалась мерзкая лужа, сидело существо размером с хорошую собаку, напоминавшее местную перепончатокрылую теплокровную «птицу». Голова у него была отменно странная – вроде бы стандартная морда летучей мыши, украшенная шишковатыми выростами в районе надбровных дуг и огромными ушами характерной формы, очень подвижными и чувствительными. Почти прозрачная кожа ушных раковин пересекалась целой сетью сосудов, в которой при наличии хотя бы минимальной фантазии можно было распознать структуру колебательного контура приемо-передающего блока мнемосканера – основы функционирования «мысленного» интерфейса проходят на физике в десятом классе.

– Занятный зверек, – прокомментировал я увиденное.

Дальнейший «рассказ» питомца вызвал недоумение. Когда Петрович после моей команды преодолел нерешительность (явно поскромничал, та еще ядреная смесь ощущений была!) и атаковал неизвестную тварь, она даже не подумала сопротивляться. Кот без труда

перекусил шею существа, и оно моментально издохло, даже не трепыхнулось. А вот потом началось странное: тушка стремительно оплыла, потеряв форму, и за считанные секунды превратилась в лужу бурой слизи, которую я видел собственными глазами. Дальнейшее происходило в моем присутствии, так что Петрович себя утруждать не стал.

– Странно, не спору, – хмыкнул я. – Но не «стррраанное!!!» же. Чего орал-то? Объяснить можешь?

Вместо ответа питомец потерся мордой о мою руку, пристроился рядом, привалившись боком к бедру, и включил урчальник, всем своим видом показывая, что доволен завершением приключения. Я машинально погладил кошачью голову и оставил напарника в покое. Потом будем разбираться, когда он немного отойдет от потрясения. Да и коннектор в этом деле не помешает.

Успокоившийся было кот вдруг снова заорал, уставившись на что-то у меня за спиной. Я резко развернулся, хватаясь за нож, но опасности не было – внимание напарника привлекла пирамида. Она на глазах менялась: по ее поверхности одна за другой бежали волны, искривляющие верхнюю хитиново-черную часть и ломающие сложный орнамент на нижней половине. Затем мельтешение прекратилось, хитин вершины покрылся мелкой сеткой трещин, а мгновение назад отблескивающие металлом письмена на основании сначала поблекли, а потом и вовсе стали бурыми, практически слившись с камнем. На этом представление закончилось.

– Ну и что бы это значило?

Петрович фыркнул и осторожно приблизился к пирамиде. Потянувшись носом к грани, он втянул воздух и оглушительно чихнул. Я уловил недовольный мыслеобраз, но отвечать не стал, вместо этого подошел вплотную к загадочному сооружению. Что-то мне говорило, что она потеряла львиную долю этой самой загадочности. Впрочем, приятным бонусом шло ощущение безопасности, и я, поколебавшись, дотронулся пальцем до одной из загогулин орнамента.левой рукой, понятное дело, – я не настолько безумен, чтобы хвататься за всякую непонятную хрень без защиты. А бронеперчатке и кислота нипочем. Палец погрузился в бурый материал на несколько миллиметров – тот оказался рыхлым, как пыль. И таким же летучим – от этого движения с еле уловимым шорохом осыпался весь рисунок, а внезапно налетевший порыв ветра поднял в воздух клубы тончайшего порошка, осыпав меня с ног до головы. Петровичу тоже досталось, хотя на рыжей шерсти это было не очень заметно. Я от души выругался, пытаюсь стереть налет с забрала, и питомец с удовольствием меня поддержал раздраженным мявом: он как раз силился отряхнуться. Зрелище презабавное, доложу я вам. Кот не собака, движения у него получались какие-то конвульсивные, как приступ эпилепсии. А уж когда он принялся вылизываться, меня и вовсе смех разобрал – настолько реалистичным оказалось переданное им ощущение железа на языке. Кстати, чем не версия? Если подумать, порошок очень смахивает на ржавчину, только необычно тонкую и рыхлую. Вполне себе гипотеза, если не обращать внимания на одну мелочь: нанесенный на пирамиду металлический орнамент проржавел до состояния трухи за секунды. Кстати, а что с хитином? А ничего, ветром сдуло. Даже следов не осталось. Я успокаивающе похлопал Петровича по спине и занялся осмотром окрестностей, оставив того приводить внешний вид в порядок. Мне налет ржавчины на экипировке совершенно не мешал, а любопытство потешить хотелось.

Пирамида лишилась покрытия со всех сторон: хитиновая шелуха и странные письмена исчезли без следа, обнажив камень. И до меня наконец дошло, где я видел точно такую же штуковину. Ага, у обнаруженного две недели назад «Левиафана». Только там пирамид было две. В остальном детали совпадали: и форма, и высота, и даже материал основания. «Это „жжжж“ неспроста», – в очередной раз подумал я, направляясь к беглецам.

Поверхностный осмотр изменений в их состоянии не выявил – оба по-прежнему были без сознания, дыхание слабое, на внешние раздражители не реагируют. Ну и ладно, подождем медика. А пока и о себе подумать можно. Так что я кликнул Петровича и побрел к склону

амфитеатра, туда, где над срезом чаши в стене травостоя виднелись две прорехи – подбирать верный штуцер, который на этот раз мне ничем не помог.

Система HD 44594, планета Находка,

4 сентября 2537 года

Оружие нашлось точно на том месте, где я его и бросил. Сунув штуцер в захваты на спине, я занялся сбором разбросанных вокруг разряженных унитаров – все же боеприпасы, как ни крути, и за них отчитываться придется. Хорошо хоть крупнокалиберные выщелкал, всего десять штук. Стоп, почему девять? Подобрал пластиковый магазин, убедился, что тот пуст, и обругал себя грубым словом – как можно быть таким идиотом? Разве что на стресс списать. Десятый-то в стволе, в полной боевой готовности. Хотя мы и используем унитары и механизм выбрасывания гильз как таковой без надобности, все же в штуцере предусмотрена возможность извлечения патрона из ствола – элементарное окошко с задвижкой, при движении которой простейшая рычажная система выталкивает заряд из патронника. На всякий пожарный, как говорится. Вдруг унитар попался бракованный, не вылетел из ствола, как положено. И что дальше делать? Отмахиваться штуцером, как дубиной? Этот же механизм позволял в случае надобности дослат унитар принудительно, если автоматика не сработала при смене магазина. Такое тоже бывало. Так что мне оставалось лишь выдернуть штуцер из захватов и щелкнуть рычажком. Эбонитовый цилиндр упал на землю, сверкнув в полете зеленым глазком индикатора заряда. Я поспешил подхватить его и тут же задумчиво хмыкнул – унитар был в полном порядке.

– И как это?! – удивился я вслух. – Выборочно разрядились?

Однако осмотр остальных магазинов, торчащих в карманах разгрузки, подтвердил ранее выявленную закономерность: все унитары таинственным образом лишились заряда. За исключением еще двух – в патроннике «мелкашки» и в пистолете. Вывод напрашивался сам собой: экранированные стволы каким-то образом препятствовали самопроизвольной утечке энергии. Интересный фактик, запомним.

Крутившийся рядом Петрович вдруг наострил уши и повернул голову к опушке. Спустя секунду и до моего слуха донесся едва различимый, но хорошо знакомый гул фотонных двигателей, а потом и сам катер показался. Он шел на бреющем, едва не задевая днищем верхушки деревьев и то и дело зависая на антиграве. Понятно, координаты точно засесть не сумели, вот и прочесывают местность.

– Ну что, партнер, пошли подкрепление встречать? – Я легонько похлопал Петровича по спине, и тот довольно заворчал. – Надо им сигнал подать какой-нибудь. Только сначала из ямы выберемся и отойдем подальше.

Видимо, я неточно выразился, потому что кот мое предложение воспринял буквально, то есть сорвался с места рыжей молнией и в мгновение ока забрался на верхушку пирамиды, немного выглядывавшую из чаши амфитеатра, – с его когтями это не составило труда – и требовательно заорал.

– Петрович, я тебя умоляю!.. – поморщился я, перемещаясь ближе к таинственному сооружению. – Вряд ли они услышат. Да и нельзя им к пирамиде, навернутся.

Питомец, однако же, придерживался иного мнения и орать не перестал, даже еще добавил заунывности в голос, и без того до жути противный. И что вы думаете? Сработало. Катер перестал рыскать вдоль опушки и рванул в нашу сторону. Я сжался в дурном предчувствии, но ничего экстремального не произошло: он благополучно завис над срезом травостоя у самого склона, и из распахнувшегося люка горохом посыпались Охотники. Ага, по-боевому высажива-

ются, на землю машину не сажают. И правильно, метр не высота, зато катер в случае чего сразу может рвануть с места. Я облегченно выдохнул, – видать, пирамида своих гадских свойств лишилась после разрушения поверхностного слоя.

Прибывшие бойцы сноровисто разбились на пары, две сразу же разошлись в разные стороны, огибая чашу, третья осталась у катера. Еще двое ловко съехали на задницах по склону и направились в нашу сторону. Я сразу же узнал Диму Калашника и давешнего санинструктора. Идут осторожно, «вихри» наготове, скафандры загерметизированы. Увидев меня, ребята расслабляться не стали: медик застыл в десятке шагов, контролируя обстановку, а лейтенант осторожно приблизился, не убирая, впрочем, ладони с автоматной рукоятки.

– Олег? – позвал он, подключив внешние динамики. – Ты в порядке?

– В полном, – хмыкнул я. – Снаряга, правда, обесточена, да боеприпасы все разрядились.

А так никаких неприятных последствий.

Калашник кивнул, приняв информацию к сведению.

– Где пострадавшие?

– Вон лежат, – ткнул я пальцем в беглецов. – Живые, но без сознания. Или даже в коме, черт их разберет, скафандры тоже без капли энергии.

– Обстановка?

– Терпимая. Эти двое на меня бросались, пока в сознании были. Сейчас все спокойно, можете работать. Связь с Исаевым есть? – Вопрос, надо сказать, актуальный, мне как никогда сейчас хотелось посоветоваться с вышестоящим начальником.

– Есть, – подтвердил лейтенант. – Сейчас Грибов подойдет, просканирует тебя, и разговаривай хоть до опупения. Только торопиться надо, скоро «особисты» появятся. Их пока майор отвлекает, но они уже около упавшего катера ошиваются, порядки свои наводят.

– Линдемманн с ними?

– Ага, самолично прибыл, с первым же катером.

Эх, чует мое сердце, будут с безопасниками проблемы! Наверняка ведь что-то знают, гады, а с нами информацией поделиться у них даже мысли не возникло. Зато всех участников известных событий выпотрошат по полной программе, это к гадалке не ходи. Нужно к их прибытию подготовиться. Мысли на этот счет у меня были.

– Ну и где твой спец? – уставился я на Калашника. – Время теряем.

Глава 5

Рыцари плаща и кинжала

Система HD 44594, планета Находка,

4 сентября 2537 года

Обещанный техник по фамилии Грибов со своей работой справился быстро – наставил на меня рамку переносного сканера, просветил в разных диапазонах, до рези в глазах, затем взял пробы тканей и крови. Повозился минуту с чемоданчиком анализатора и вынес вердикт: чист и невинен, аки младенец. Дима Калашник сразу же расслабился, оставил в покое автомат и вполне дружелюбно предложил подзарядить накопители скафандра. Я, понятное дело, не отказался, про себя злорадно хмыкнув: вот будет облом «особистам». Боеприпасы по размышлению трогать не стал, пусть хоть что-то яйцеголовым достанется, а вот Петровичев ППМ вернул в строй. Самого кота тоже пришлось подвергнуть сканированию, на всякий пожарный. Тот процедуру выдержал с показным достоинством, дескать, плевать мне на вашу суету, но если напарник просит... На какие только жертвы ради него не пойдешь. На все про все убили почти четверть часа, поэтому в катер я не полез, воспользовался собственным передатчиком. Исаев отозвался мгновенно:

– Денисов?! Что у тебя?

– Все в порядке, товарищ майор! – бодро отрапортовал я. – Жив, здоров, двоих беглецов удалось обезвредить.

– Да знаю, – отмахнулся майор. – Калашник докладывал. Я так понимаю, ты хочешь посоветоваться, как себя с безопасниками вести?

– Именно. Стоит конфликтовать, или лучше прогнуться?

– Смотри по обстановке, – задумался Исаев на секунду. – В бутылку не лезь, в общем и целом требования выполняй. Но если начнут чего-то странного хотеть, посылай на... ко мне, в общем. И ни на какие сомнительные процедуры типа мнемосканирования не соглашайся. Только в моем присутствии. Короче, можешь смело ссылаться на вышестоящее начальство. Нам сейчас главное тебя на базу вернуть, а уж тут мы «особистам» развернуться не дадим.

– А если они начнут угрожать силой?

Вообще-то класть на них вприсядку, но все же лучше заранее уточнить.

– Флаг в руки! – хохотнул майор. Правда, довольно нервно. – Разрешаю адекватное противодействие. Диму предупрежу сейчас, так что держись ближе к Охотникам. Все понял?

– Так точно!

– Вот и славно. – Исаев помолчал, обдумывая что-то. – Все, закругляемся. Не будем давать лишних поводов. Безопасники, они такие – дашь палец, отгрызут руку по плечо. Конец связи.

Ну вот, ЦУ получил. Осталось выполнить.

– Ну и?.. – уставился на меня Калашник.

– Работаем, – хмыкнул я, откинув забрало. Нечего эфир засорять. – Слышал, что комбат сказал?

Лейтенант кивнул и сделал забрало прозрачным. Разгерметизироваться он не стал, чисто на всякий случай. Оно и верно, надо ему по возвращении на базу полную дезинфекцию проходить? Кстати говоря, страшно не это – подумаешь, полчаса проторчишь в камере биозащиты.

А вот лошадиная доза антидотов еще никому на пользу не шла, после нее чуть ли не сутки ходишь как вареный. А иногда даже приходы бывают, как от «косяка» с веселой травкой. Нам с Петровичем терять уже нечего, а вот ребятам лучше побережься.

– Что у медика?

– Бурчит и шлет лесом, – хмыкнул Дима. – Говорит, очень любопытный случай, никогда такого не видел. Беглецы твои оба в коме. Он думает, это ты их так уделал.

– Ни фиги! – поспешил я отпереться. – Они после всех плюх как огурчики были. В осадок выпали, когда Петрович странную «птичку» порвал.

– «Птичку»?!

– А, не грузись пока! – хлопнул я лейтенанта по плечу. – Вон, безопасники пожаловали. Сейчас будут показания снимать, так что ты не отходи. Так надежнее. Заодно и послушаешь.

Калашник нахмурился – ему тоже главный «особист» отчаянно не нравился – и для надежности подозвал Грибова, велел отираться рядом с активированным регистратором. Надеюсь, под прицелом трех камер brave рыцари плаща и кинжала будут вести себя прилично. К тому же две пары патрульных как бы невзначай встали так, чтобы мы у них были в поле зрения и в случае чего можно было накрыть потенциального противника перекрестным огнем. Я украдкой показал лейтенанту большой палец – молодец, все правильно понял.

Петрович присоединился к технике, причем по собственной инициативе. В процесс «отирания» он включился очень активно, да еще в прямом смысле слова – принялся поочередно тереться о ноги всех присутствующих. Мы в ответ посчитали своим долгом погладить рыжего наглеца или почесать тому шейку.

Между тем катер «особистов», ничем, кроме бортового номера, не отличавшийся от транспорта Охотников, приземлился в десятке метров от собрата. Из распахнувшегося люка выбрались четверо при полном параде с подчеркнуто миролюбивым видом – «викинги» на спинах, в руках ничего нет, – но скафандры предусмотрительно загерметизированы. Следом за ними появилась более примечательная пара: старый знакомый Линдемманн и нагруженный кофрами с аппаратурой долговязый техник из команды главного безопасника. Он поспешил поставить поклажу на землю и замер, беспокойно озираясь.

– Лейтенант Денисов? – вышел на общий канал Линдемманн.

– Я.

– Поднимитесь, пожалуйста, к нашему катеру, – достаточно мягко, но непреклонно потребовал безопасник. – У меня есть к вам несколько вопросов. Плюс необходимо подвергнуть вас стандартным тестам.

– Санкция? – не остался я в долгу.

– Властью главы службы безопасности экспедиции, – недоуменно и одновременно иронично отозвался «особист». – Этого достаточно?

– Никак нет! – по-уставному гаркнул я. – Я вам не подчинен, потому требования выполнять не обязан. Обратитесь к моему непосредственному начальнику, майору Исаеву.

– Ну ты совсем обнаглел, щенок! – со своим неповторимым акцентом выпалил на интересе Линдемманн. – Ковальски, приведи его.

– Я бы попросил, – вклинился Калашник. – Господин Линдемманн, вас ничто не смущает?

Видимо, что-то в его голосе «особиста» насторожило, потому что тот поспешил отменить приказ и нехотя спустился в амфитеатр, подождав внизу неуклюжего технаря с пожитками. Я недоуменно глянул на лейтенанта – чего это он? Тот с усмешкой показал глазами куда-то вверх. Проследив за направлением его взгляда, я понимающе хмыкнул: четверка безопасников переминалась с ноги на ногу под прицелом как минимум пяти стволов, причем гораздо более мощных, чем имевшиеся в их распоряжении.

– Может, не надо так демонстративно?

– Ничего, им полезно. К тому же все претензии к майору.

Ага, как я его понимаю! Не уверен, что сам удержался бы от соблазна.

– Может, не будем нагнетать атмосферу? – все так же иронично поинтересовался безопасник, приблизившись к нам. – Как дети малые, майн гот! Я заинтересован в добровольном сотрудничестве.

– Кто бы возражал, – пожал я плечами. – Огласите весь список, пожалуйста.

Калашник отвернулся, сдерживая смех, «особист» же на подначку не повелся.

– Мы должны опросить вас под протокол, – принялся перечислять он казенным тоном, – и подвергнуть необходимой процедуре сканирования. Изъять для исследования все заинтересовавшие технический отдел образцы. Скопировать содержимое инфоблока вашего баллистического компьютера...

– Пока хватит! – остановил я собеседника. – Принципиальных возражений не имею. Можем приступать.

– Гут. Блажкович, займитесь пострадавшими. Опросите медика, скопируйте данные. Потом обследуйте объект. Я пока сниму показания с за... извините, с фигуранта. Да, и про кота не забудьте.

Техник неуклюже козырнул и упылил к беглецам, все так же лежащим у подножия пирамиды. Контакт с медиком он наладил без проблем, и уже через несколько минут они оживленно о чем-то болтали, сопровождая речь характерной жестикуляцией. Ну да, яйцеголовые они и в Африке яйцеголовые, будь хоть Охотник, хоть безопасник. Природа берет свое. Ничего, посмотрим, как ты с Петровичем договариваться будешь, ага.

Несмотря на мою к нему неприязнь, надо признать, что Линдеманн оказался хватким оперативником: допрос вел толково и со знанием дела, заходил с разных сторон, неоднократно пытался подловить меня на противоречиях. Зачем ему это понадобилось, я так и не понял, тем более что ничего из этой затеи не вышло, поскольку я был предельно честен и в подробностях описал весь день, начиная с прибытия к пропавшему катеру и заканчивая метаморфозой загадочной пирамиды. Дима Калашник со страдальческим видом сидел рядом: он все уяснил с первого раза и уже минут сорок начал откровенно скучать. Но и не уходил далеко, памятуя о наказе майора. Петрович крутился поблизости, не сводя подозрительного взгляда с безопасника.

Как бы между делом освободившийся технарь в очередной раз меня просканировал, синхронизировался с компом и скачал всю доступную информацию, а также отобрал и спрятал в спецконтейнер все разряженные боеприпасы. «Особисты», как я и предполагал, поморщились, когда узнали, что я самовольно зарядил скафандр и теперь его бессмысленно изымать для изучения, равно как и коннектор (вот чем бы я не пожертвовал ни при каких обстоятельствах). Вовремя сообразил, иначе остался бы на бобах. С оружием тоже пришлось расстаться, что не критично – новое выдадут, равно как и боекомплект. Насладиться же конфликтом между моим питомцем и техником не вышло: главный безопасник вежливо попросил меня посодействовать, что я и проделал, успокоив Петровича и растолковав, чего от него хочет странный долговязый хомо сапиенс. Кот уговорам поддался и вытерпел процедуру, но по ее окончании обозвал техника «дуррраком» и, презрительно фыркнув, пометил ближайший кофр с аппаратурой исконно кошачьим методом.

Наконец Линдеманн от меня отстал. Как я подозреваю, по той лишь причине, что медлить дальше было некуда – пострадавших загрузили в катер, место происшествия зафиксировали на видео со всех ракурсов, насовали по округе камер и оставили пост из пары Охотников. Судя по всему, безопасники собирались здесь еще поработать, но уже в режиме секретности, о чем Линдеманн нас с Калашником недвусмысленно предупредил. Потом еще пару минут пудрил мозги на предмет ответственности и неразглашения, после чего последовало высочайшее «добро» на вылет. Мы, понятное дело, возражать не стали и дружно загрузились в катер Охотников, благо комбат Исаев приказ безопасника подтвердил. Мощная машина прыгнула

к облакам и устремилась по пеленгу к базе, оставив неприветливый остров далеко позади. И только сейчас я позволил себе слегка расслабиться – пусть теперь у «особистов» голова болит насчет всех этих зловещих «чудес». А нам с Петровичем нужно хорошенько отдохнуть. Кот согласно муркнул, уловив отголосок моих мыслей, и принялся тереться мордой о мою ладонь.

Система HD 44594, планета Находка,

4 сентября 2537 года

Дома прием особой приветливостью не отличался. Меня с напарником высадили не в стартовом комплексе, как всех остальных Охотников, а в так называемом «секторе-2», «дворике», ограниченном с двух сторон «лепестками» исследовательских корпусов, а с третьей силовым полем. База после посадки была ориентирована по сторонам света, и первый «лепесток» смотрел строго на север. Вообще, таких «двориков» было шесть, через каждые шестьдесят градусов, и наш второй сектор, расположенный между «лепестками» номер два и три, выходил аккурат на восток. Базировались тут в основном медики, и львиная часть корпусов принадлежала им. Здесь же, внутри периметра, высились полусферы карантинных капсул, куда меня с напарником и загнали. Побитых «коматозников» поместили в такие же апартаменты, но отдельно от нас. В карантине нам с Петровичем пришлось провести не самые приятные в жизни полчаса, и только потом мы попали в заботливые руки медика средних лет, который и вкатил нам лошадиную дозу антидота. Питомец почему-то дико испугался инъектора в руках медбрата, и мне пришлось его ловить и долго уговаривать. Кое-как уломал, но Петрович в процессе крыл нас таким отборным кошачьим матом, что я невольно заслушался. Хорошо, что санитар ничего не понял, а то бы реально обиделся.

Вырвавшись наконец из цепких лап эскулапов, мы попали в не менее цепкие руки безопасников, вернее, задействованных ими ребят из технической службы. В их лаборатории пришлось расстаться и с оружием, за исключением холодного, и с боеприпасами. Они же отобрали скафандр, несмотря на мои возражения. Отвоевать удалось лишь шлем с коннектором, но для этого пришлось привлекать к разборке майора Исаева. Хорошо хоть догадались «сменку» мне припасти – рассекать по базе в одном термобелье то еще удовольствие. Петровичев ППМ я тоже не отдал.

Покончив с процедурами так называемого первичного контроля, я связался с непосредственным начальником и выторговал час на приведение себя в порядок. Майор почти не сопротивлялся, а посему мы с Петровичем с чистой совестью завалились в родной жилой блок, потратив на дорогу десять минут из отвоеванных шестидесяти. В каюте я сразу же забрался в душевую кабинку. Заодно и питомца помыл, хоть тот и сопротивлялся отчаянно – не менее отчаянно, чем вонял. Полфлакона кошачьего шампуня отбили успевшие вьестись в шерсть запахи джунглей, приправленные явственным гнилостным духом – насыщенный влагой тропический лес очень способствовал быстрому разложению любых останков, так что амбре там стояло еще то.

Мы даже успели немного подкрепиться, а я еще и влез в повседневную форму, когда в каюту заявился майор Исаев собственной персоной. Вид он имел чуть растрепанный, в настроении пребывал не самом лучшем и сразу же принялся нервно мерить каюту шагами, параллельно успевая грузить нас планом предстоящих мероприятий.

– Значит, так, Денисов! – зашел он издалика. – Сейчас идем к Яковлеву, будем при нем разбираться с Линдеманном. Потом придется еще раз навеститься к медикам, там пройдешь мнемосканирование. Я буду рядом, расслабься. Постараемся настоять на минимальном вмешательстве. В основном говорить буду я. Беседа предстоит не самая приятная, но ты не лезь,

лаяться с «особистом» моя задача. Спросят – ответишь. Ничего скрывать не надо, даже если безопасник начнет про мои приказы расспрашивать, говори как есть. Задача ясна?

– Так точно, товарищ майор! – Я постарался принять самый серьезный вид, на какой был способен. – В разборки не вмешиваться, отвечать только на заданные вопросы.

– Молодец! – Майор обвел каюту задумчивым взглядом, задержался на шлеме, который я бросил на журнальном столике. – ППМ дай.

Я вопросительно уставился на начальника.

– Чего смотришь? – ухмыльнулся он в усы. – ППМ давай сюда, говорю. Не переживай, верну потом.

Я пожал плечами и передал Исаеву ажурную корону прибора. Петрович зыркнул на него с подозрением – дескать, чего задумали? – но этим и ограничился.

Майор между тем повертел ППМ в руках, никаких органов управления не обнаружил и бросил его мне:

– Включи в пассивный режим.

Я молча выполнил распоряжение.

– Мощность стандартная? – Дождавшись моего кивка, Исаев задумчиво продолжил: – Так, должно хватить... Шлем подключи на прием и запись. – После чего отобрал у меня ППМ и спрятал в карман. Глянул на монитор на внутренней стороне забрала, хмыкнул неодобрительно – в уголке мигал индикатор заряда. Подсоединил шлем к универсальному блоку питания, продемонстрировав навыки обращения со сложной электроникой, и снова переключил внимание на нас с питомцем: – Пошли. Оба.

Я продублировал приказ Петровичу и направился следом за майором. Напарник пристроился рядом, но, против обыкновения, тереться о ноги и тем более бодаться не стал – проникся серьезностью момента. Добрались до ближайшего лифта, Исаев задал маршрут и по дороге посвятил меня в некоторые детали родившегося плана. Чистая импровизация, если разобраться, но майор оказался мужиком въедливым и по-хорошему мелочным, так что в успехе я не сомневался. Осталось только понять, зачем ему все это надо.

Из кабинки выбрались на четвертой палубе, неподалеку от памятного брифинг-зала. Здесь Исаев велел подождать и нырнул в какой-то кабинет напротив. Отсутствовал он буквально секунды, затем вернулся и уверенно постучал в нужную дверь. Не дождавшись ответа, приложил к замку браслет инфора. Замок мигнул зеленым диодом, майор толкнул створку и зашел внутрь, позвав нас жестом. В помещении никого не оказалось, так что мы заняли приглянувшиеся места за столом, а Петрович без зазрения совести растянулся на одном из кресел, свесив переднюю лапу. Ждали не долго – уже минут через десять в комнату вошел не кто иной, как начальник экспедиции капитан первого ранга Яковлев. Мы поспешили вскочить, застыв по стойке «смирно», Исаев принялся было докладывать, но кап-1 махнул рукой и буркнул «садитесь». Петрович же при появлении начальства и ухом не повел, лишь лениво приоткрыл левый глаз, но сразу же потерял к происходящему интерес. Последним появился глава службы безопасности Карл Линдеманн.

– Добрый день, господа! – вежливо поздоровался он, но по его кислой физиономии было видно, что насчет «доброты» он явно преувеличил. – Я так понимаю, нам нужно выяснить отношения?

– Вовсе нет, – спокойно отозвался Яковлев. – Выяснять отношения ни к чему. Мы всего лишь хотим услышать ваши объяснения.

– Касательно чего? – вздернул бровь безопасник.

– Касательно имевшего место чрезвычайного происшествия, повлекшего человеческие жертвы, – отчеканил кап-1. – И не делайте невинное лицо. Я выявил как минимум три нарушения должностной инструкции при подготовке исследовательского выхода. Мы слушаем.

– Я не обязан перед вами отчитываться, – ухмыльнулся Линдемманн. – Моих полномочий достаточно, я вас уверяю. При формировании поисковой группы и разработке плана выхода я руководствовался МОЕЙ должностной инструкцией. Готов немедленно ознакомить вас с ее содержанием. К тому же у меня есть несколько вопросов к представителям корпуса Егерей. Плюс целая куча претензий. С чего начать?

Вот шельма! Как ловко в наступление перешел: вроде это уже и не его прессуют, а он обвиняет оппонентов в некомпетентности. С таким нужно держать ухо востро. Судя по поблевшему лицу Исаева, он был того же мнения. И только Яковлев оставался спокоен, как скала.

– Насколько мне известно, вы уже опросили участников событий, – сказал он. – Под протокол. Все записи имеют юридическую силу.

– Хотелось бы уточнить некоторые детали.

– Я не возражаю. – Кап-1 посмотрел на нас с Исаевым. – Коллеги?

Мы синхронно кивнули. Ободренный первой победой Линдемманн включил регистратор и пробежался по основным событиям, на этот раз уложившись в какие-то полчаса. Яковлев слушал с интересом и иногда задавал наводящие вопросы. Особенно его заинтересовала попытка взять меня под ментальный контроль, да и нюансы поведения «коматозников» он изучил с моих слов дотошно. Исаев не вмешивался, сохраняя спокойствие. Даже когда речь зашла о его приказах относительно общения со службой безопасности, причем Линдемманн привел фрагменты записей наших переговоров, выдержка ему не изменила. Он подтвердил подлинность записей и прямым текстом дал понять взбешенному безопаснику, что считает свои действия единственно правильными. А если тот не удовлетворен ответом, пусть пишет рапорт и получает официальную санкцию на расследование. Линдемманн настаивать на бюрократической процедуре не стал, переключил внимание на меня.

– Лейтенант Денисов, как вы объясните факт саботажа с вашей стороны?

– Извините?

– С какой целью вы зарядили накопители скафандра, подвергшегося воздействию неизвестного фактора, вызвавшего утечку энергии?

Ой, умора! Решил в злого следователя поиграть. Ну-ну.

– С сугубо утилитарной, – пожал я плечами. – Опасался за собственную безопасность. И согласно пункту пять должностной инструкции постарался исключить угрожающий фактор. Тем более что никаких приказаний на этот счет я не получал.

– Почему же вы тогда оставили боеприпасы в разряженном состоянии? – рыкнул безопасник. – Это же угрожающий фактор, если следовать вашей логике.

– Как вы себе это представляете? – Исаев едва сдержал ухмылку. – Зарядить унитары в полевых условиях, без специального оборудования?

– Не смешите меня. – На лице Линдемманна появилась брезгливая гримаса. – Скафандр зарядил, а унитары не сумел? Не верю!

– Ваше право, – спокойно отозвался я. – И на вашем месте я бы спасибо сказал. За то, что оставил вам образцы для изучения. Ваши техники чуть с руками мое снаряжение не оторвали.

– Почему вы отказались предоставить для изучения шлем и еще два наименования техники?

– Да потому что запасных нет! – вспыхнул я. Правда предельно корректно, не переигрывая. – Когда вы их мне вернете, и, главное, в каком виде? Вы знакомы со спецификой работы фелинолога? Нет? Тогда я не понимаю ваших претензий. Могу предоставить техническую документацию для ознакомления.

– Здесь я Денисова поддерживаю, – вмешался спокойно слушавший перепалку Яковлев. – Из-за ваших амбиций и сомнительной перспективы что-то выяснить я не собираюсь лишаться профессионала-фелинолога. С изъятием, как вы выразились, двух наименований техники он превратится в обычного Егеря.

Безопасник поморщился, но больше настаивать на изъятии коннектора и ППМ не стал. Зато огорошил следующим заявлением:

– Господин Яковлев, я требую перевести лейтенанта Денисова в подчинение службы безопасности для выяснения всех обстоятельств дела, а также для изучения возможных последствий воздействия на его организм неизвестных факторов. В том, что он такому воздействию подвергнулся, ни у кого сомнений нет, я надеюсь?

– На опыты меня хотите? – поинтересовался я, добавив в голос иронию. – А у меня спросили? А заключение медицинской комиссии у вас есть? Я вроде как успешно прошел освидетельствование, патологий не выявлено. И на каком основании вы меня препарировать собираетесь? Нет такого закона, чтобы на опыты... в поликлинику...

Заинтересованно наостривший уши Петрович угрожающе взвыл и показал клыки, но Линдеманн не обратил на моего питомца внимания.

– Я настаиваю на помещении лейтенанта Денисова в стационар, – повторил он, но без особой надежды на успех.

И был прав – Яковлев, услышав такое предложение, слегка побагровел, что у него означало высшую степень раздражения, и спокойно произнес:

– Отказать. И вообще, Карл, ваше предложение можно расценить как попытку подвергнуть гражданина Федерации незаконным медицинским опытам. Вы про собственный регистратор забыли, что ли?

– Хорошо, этот вопрос снимается, – не стал спорить безопасник. – Но я категорически требую сохранить произошедшее в тайне. Это информация для служебного пользования, допуск к которой должен быть только у тех сотрудников, что имеют непосредственное отношение к службе безопасности. Со всех посторонних я требую взять подписку о неразглашении.

– Это кого же вы считаете посторонними? – прищурился Исаев. – Ребят-Охотников, что участвовали в спасательной миссии? Или меня с Денисовым?

– В том числе, – кивнул Линдеманн. – Даже в первую очередь вас. Вы отказываетесь с нами сотрудничать, так хотя бы не разводите панику. У нас еще много работы в том секторе. И еще. Данное происшествие целиком и полностью подпадает под юрисдикцию моего ведомства, поэтому работать со свидетелями и вещественными доказательствами будут только мои люди. Вас, Исаев, я попрошу держаться от них подальше. Ясно, надеюсь?

Майор поднял на безопасника бешеный взгляд, но тон постарался не повысить:

– У меня встречное предложение, господин безопасник. Я, как первый заместитель начальника экспедиции и ответственный за силовое обеспечение, в том числе охрану научного и технического персонала, требую закрыть сектор для свободного доступа. А также свернуть все исследовательские программы в том районе и вообще ввести в действие протокол три бэ в связи с явной угрозой со стороны невыявленных враждебных сил или природных факторов. Плюс к этому повысить боеготовность охранных систем периметра и ограничить область исследований: поисковые группы не должны удаляться от базы больше чем на сто километров. Параллельно предлагаю запустить повторное дистанционное обследование планеты, в том числе задействовать спутники.

– У вас все? – глянул на замолкшего майора Яковлев. – Ваше мнение ясно. Господин Линдеманн?

– Категорически нет! Если потребуется, я предъявлю подтверждение полномочий. Но исследования сворачивать не буду. Можете запретить остальной персонал на базе, но мы продолжим работу!

– В таком случае я считаю себя вправе препятствовать вам всеми доступными способами, в том числе силовыми! – Исаев впери в оппонента тяжелый взгляд. Кого-то другого он, может быть, и смутил бы, но только не нашего Карла. – И категорически требую эвакуировать гражданский персонал на орбиту. На базе должна оставаться только дежурная смена.

– Компания на это не пойдет! – отрезал безопасник. – И уж поверьте мне, у нас найдутся аргументы в защиту собственной позиции.

– Да клал я на ваши аргументы! На мне безопасность персонала, и я требую!..

– Майор Исаев! – счел нужным вмешаться Яковлев. – Остыньте. Эскалация конфликта нам ни к чему, так что придется обеим сторонам пойти на уступки. Предлагаю ограничить перемещения гражданского персонала вне базы и усилить охрану периметра. Об эвакуации пока думать рано. На службу безопасности и ее технический персонал эти меры распространять не будем. Но все возможные эксцессы целиком и полностью на вашей совести, Карл.

«Особист» кивнул и одарил оппонента злой ухмылкой. Исаев остался спокоен. Он уже взял себя в руки и не желал продолжать разборку при подчиненных, пусть один из них всего лишь кот. Все, все, молчу, Петрович!..

– Информацию по чепэ переводим в разряд «для служебного пользования», круг лиц с допуском должен остаться прежним, – продолжил кап-1. – Но вы, господин Линдеманн, больше не пристаёте к моим людям. Изучайте пострадавших, все записи и свидетельские показания тоже в вашем распоряжении. Лейтенант Денисов, вам придется пройти мнемосканирование. Даю разрешение на легкое вмешательство, последние двадцать четыре часа. Исаев, проследите. Вопросы? Вопросов нет. Предложения, может быть?

– Я категорически требую довести информацию до руководства! – Майор решил идти до конца. – Причем рапорт я намерен составить сам.

– Не возражаю, – растянул тонкие губы в ухмылке Линдеманн. – Я тоже составлю рапорт, *своему* руководству.

– Хорошо. Отправим автоматического курьера в ближайшие часы, готовьте доклады, – согласился Яковлев. – Для полноты картины я изложу обстановку с моей точки зрения. Карл, останьтесь, остальные свободны.

Мы с майором встали со своих мест и направились к выходу, обменявшись быстрыми взглядами. Я прекрасно понял, что хотел сказать Исаев – план несколько меняется. Соответственно, я послал Петровичу сложный мыслеобраз типа «сиди на месте – спи – слушай», дождался его ответа в виде мысленного урчания и спокойно вышел в дверь. Створка встала на место, отсекая нас от брифинг-зала, и майор хмыкнул в усы:

– Прокатило. А ты не верил.

Собственно, возразить было нечего – сработал выработывавшийся веками стереотип о независимости и лени кошечек. Ни Яковлев, ни Линдеманн ничуть не удивились, когда увидели Петровича дрыхнущим в кресле, и сейчас не обратили внимания, что мы ушли без моего питомца. Что может быть естественней, чем сладко дремлющий на самом видном месте рыжий кот? Разве что два кота.

Система HD 44594, планета Находка,

4 сентября 2537 года

– Пошли к медикам, – толкнул меня в бок Исаев, когда мы удалились от двери брифинг-зала на десяток шагов. – Не будем испытывать терпение начальства. Да и Линдеманн быстрее заткнется.

Возражений у меня не нашлось, так что мы загрузились в ближайший лифт, и майор склонился над сенсорной панелью маршрутизатора. Через пару мгновений кабинка еле заметно дернулась, но на этом все спецэффекты исчерпались: капсула легко скользила на магнитных подвесках, и даже резкие повороты и переходы с уровня на уровень совершенно не ощущались. И это несмотря на почтенный возраст станции.

– Сам-то как думаешь, проблемы будут? – нарушил молчание Исаев.

– Честно, товарищ майор? – Дождавшись кивка, я продолжил: – Не нравится мне все это. Очень не нравится. Интуиции я привык доверять, а она говорит, что грядут большие проблемы на задницу. Как у людей на «Левиафане». Я бы уже сейчас начинал работать по вашему плану, потом может быть поздно. Хотя бы основную часть персонала на орбитальный модуль эвакуировать, периметр укрепить, ограничить перемещения по планете.

– Было бы неплохо, – вздохнул майор. – Только ничего не выйдет. Думаешь, чего это Линдеманн пошел на уступки, да еще и рапорт согласился накатать? Элементарно время выигрывает, пока курьер до Внутренних систем доберется, пока бумаги по инстанциям пройдут, пока ответа дождемся... Недели две у него будет. И я всерьез опасаюсь, что ответ придет не курьером-автоматом, а крейсером с полком десантников. Или скорее кодлой наемников из частной военной компании. Что-то мне подсказывает, что «Внеземелье» в этой аванюре как бы не главное государства было.

– Думаете, они заранее были в курсе?

– Подозреваю. Поэтому и хочу знать, о чем командир с безопасником за закрытыми дверями беседовать будут.

Это он хорошо придумал, сам бы я в жизни не допетрил. Петрович сейчас наши уши, считай, идеальный шпион. У Линдеманны подготовка специфическая, он, если и подумает о прослушке, нейтрализовывать будет стандартные средства. А у нас живой микрофон с лопухами-локаторами. ППМ в пассивном режиме фиксирует излучение мозга, с радиочастотами не работает, так что аппаратура безопасника передачу данных не выявит. Все, что слышит мой питомец, улавливает приемо-передающий модуль, который в свою очередь по радиоканалу перегоняет информацию в коннектор и далее в баллистический комп. Но, что характерно, все это происходит за пределами брифинг-зала. Лишь бы подозрительный Линдеманн кота не выгнал. Но здесь уже приходилось полагаться на удачу да природное обаяние Петровича.

Легкий толчок в ноги показал, что лифт достиг точки назначения. Мы с майором выбрались из кабинки и не торопясь направились в медблок, где нас уже ждали специалисты с техникой. Стандартная процедура много времени не заняла, так что освободились мы меньше чем через час. Все это время Исаев постоянно находился рядом, контролируя действия медиков, поэтому мнемосканирование прошло без эксцессов и неприятных последствий. Вряд ли бы мне удалось отделаться так легко в одиночку: в боксе торчали целых два лаборанта из службы безопасности, а вход караулила пара облаченных в черное бойцов. Но авторитета майора хватило, чтобы уберечь меня от неприятностей.

Оставив, наконец, обитель эскулапов, разошлись в разные стороны. Начальник отправился в распоряжение Охотников – выдавать ЦУ участникам миссии, а заодно поговорить и поделиться впечатлениями, я же вернулся в каюту и завалился на кровать. Правда, сон не шел, я беспрестанно ворочался и представлял всяческие ужасы, неизменным участником которых был главный безопасник. Помучившись так около часа, плюнул на отдых, вышел из жилого блока и загрузился в лифт, который унес меня в биолaborаторию. Там я намеревался посидеть за компом и поискать свежие данные в локальной сети, благо кое-какие навыки по несанкционированному доступу к информационным ресурсам у меня были.

Претворить идею в жизнь не удалось – проходя по коридору, я услышал странные звуки, подозрительно напоминавшие глухие всхлипы. Доносились они из дальнего бокса, где обычно работала Галя. И что она в такое время тут делает, рабочий день-то уже кончился?.. Хотя мы и были с ней до сих пор на ножах, но оставить без внимания явные признаки девичьего горя я не сумел, ноги сами принесли меня к двери лаборатории. Она оказалась открыта. Я неслышно шагнул в помещение и сразу же наткнулся взглядом на девушку. Галина сидела в кресле, склонившись над терминалом, и плечи ее подозрительно сотрясались. Точно, бьется в рыданиях. Интересно, по какому поводу? Не решаясь подойти ближе, чтобы, не дай бог, не испугать, я

деликатно постучал по пластиковой створке. Звук получился глуховатый, но Галя на него среагировала – резко обернулась и уставилась на меня зареванными глазами.

– По какому случаю сырость? – изобразил я приветственную улыбку. – А, Галина Юрьевна?

Та смешно сморщила мокрые щеки и поспешила закрыть лицо ладонями. Плечи ее затряслись еще сильнее, а всхлипы стали перемежаться шмыганьем носа. Блин, истерика у нее, что ли? И чего делать? Я осторожно приблизился к плачущей девушке, приобнял за плечи – все в пределах приличий, никаких поползновений! – и попытался успокоить, нашептывая на ушко всякую ерунду, как, бывало, моя мать делала. В детстве прокатывало, ага.

Сработало и сейчас. Галя вдруг обмякла, обхватила мои руки мокрыми от слез ладошками, прижала к себе. Положила голову на плечо. Я стоял, не решаясь шевелиться, хотя поза была отменно неудобная и уже начала ныть натруженная за день поясница. Ладно, потерплю. Главное, что краса-девица перестала реветь в три ручья, вон всего лишь изредка всхлипывает. Даже носом уже не шмыгает. Подчиняясь наитию, я легонько прикоснулся губами к ее шее. Она, против ожидания, не отстранилась и даже не дернулась, лишь запрокинула голову, чтобы мне было удобнее. Я намек понял и начал действовать смелее, а через некоторое время она ответила – высвободилась, развернулась вместе с крутящимся креслом и потянулась ко мне. Я хмыкнул про себя – сбылась мечта идиота! – и отдался естественному течению событий.

Примерно через час я осознал, что лежу на узком диванчике в крохотной комнате отдыха при лаборатории, а рядом разместилась Галя, устроившая рыжеволосую голову у меня на груди, и лениво перебиравшая пальцами скудную растительность, украшавшую мой торс. Что подделать, я не альфа-самец, брутальностью и волосатостью организма никогда похвастаться не мог. Брал другим, ага. Мы были целомудренно укрыты по-казенному серым покрывалом с дивана, но валявшаяся по всей комнате одежда не оставляла сомнений в случившемся.

– Доволен? – спросила вдруг Галина, больно зажав клочок моих волос. – Воспользовался временной слабостью девушки? Тебе хоть понравилось?

Я задумался на секунду и ответил сразу на все три вопроса:

– Да.

– Чего «да»?! – возмутилась Галя. – Признаешь, что воспользовался?

– Угу.

Та вместо ответа выдернула волосы, заставив меня скривиться от боли.

– Вот тебе, негодяй! За цинизм. Я-то, дура сопливая, думала, что ты в джунглях сгинул! А ты взял и приперся целый и невредимый! И как я должна была поступить?!

– Могла бы сказать, что рада меня видеть, – хмыкнул я и удостоился второго вырванного клока. – Да хватит уже шерсть на мне драть! Больно же!

– Да тебя убить мало! – выкрикнула она, отстранилась и принялась дубасить меня в грудь кулачками. – Вот тебе, вот тебе!!! Не мог, как вернулся, позвонить? Я же волновалась! Мало того что Женя пропал, так еще и тебя нелегкая унесла!

– Стоп! – Я поймал ее руки и пристально уставился ей в глаза. – Так ты не из-за меня переживала? Женечку тебе жалко? И ты еще меня в цинизме обвиняешь? Королев лежит в коме, а ты со мной развлекаешься? Не думал, что ты такая су...

Договорить она мне не дала – вырвала руку и вlepила смачную пощечину. Потом выбралась из-под покрывала и принялась натягивать одежду, не смущаясь наготы. Я же наблюдал за девушкой, снедаемый целой гаммой противоречивых чувств: обидой на нее и собственную глупость, завистью к сопернику и восхищением гибким стройным телом с грацией балерины. И с каждой секундой убеждался, что я не просто циник, а полная скотина да к тому же еще и дебил – такую девушку упустить! В том, что восстановить нормальные отношения будет ой как нелегко, я не сомневался. Очень уж Галя гордая.

Кое-как одевшись, Галина одарила меня презрительным взглядом и сообщила:

– Я переживала из-за тебя. На Королева мне плевать. А ты просто скотина.
И ушла, хлопнув дверью.

Согласен. Никогда еще так не косячил. Так что поделом мне. Мог бы и задуматься, увидев ее реакцию на свое появление. Хотя бы задаться вопросом: а откуда она знает, где я весь день пропадал и что делал? Информация закрытая, на всех углах про спасательную операцию не объявляют. Если специально концы искать не будешь, и не узнаешь, кого привлекли. Про Королева-то наверняка вся биолaborатория гудела, все же ЧП, как ни крути. Наверняка Накамура проговорился, его, как непосредственного руководителя попавшего в беду сотрудника, в известность поставили в первую очередь. Блин, и не расспросишь ее теперь! Вот я тупой ублюдок!

Придя к такому неутешительному выводу, я повернулся носом к спинке дивана и некоторое время лежал, нахохлившись. Потом меня посетила яркая, как вспышка молнии, мысль, заставившая вслух ругнуться. Спрыгнув с ложа, я торопливо оделся и прошел в Галин лабораторный бокс. Как я и ожидал, он был пуст – девушка покинула рабочее место. При этом она не озаботилась выключением компьютера, что мне сейчас было только на руку. Я устроился в кресле, хмыкнул под нос «Эх, Галя, Галя!» и принялся гонять по дисплею курсор, обалдевая от собственной наглости. Впрочем, на преступление я решился не зря и уже через несколько минут выяснил все необходимое. Вскрыть логи аськи не составило труда, и я узнал, что в течение дня Галина Юрьевна неоднократно общалась с неким капитаном Ивановым, который и сообщил ей о моем участии в спасательной миссии. А про то, что я по возвращении попал в лапы к медикам, поведала сердобольная подружка. Этот факт не вязался с заявлением Гали, что я де «в джунглях сгинул», но эти слова можно списать на излишнюю эмоциональность и женскую логику. Та же подружка рассказала про Королева и заодно сообщила, что таких «коматозников» к ним завезли двоих. Но недалекая (и это мягко сказано!) медичка забыла уточнить, что второй пострадавший является сотрудником службы безопасности, а никак не Егерем. Дальнейший ход Галиных мыслей проследить было несложно. А заодно я еще раз убедился, что в отношениях с женщинами дурак дураком, несмотря на довольно обширный опыт. Ругнувшись в сердцах, я выключил компьютер и покинул лабораторию, благо нашлось дело первоочередной важности – надо навестить прапорщика Щербу и разжиться новым скафандром и боекомплектom. К сожалению, с задачей справился за каких-то полчаса. Прапор был уже в курсе насчет моих поползновений и даже возражать не стал, безропотно выдав все, что полагается.

Покинув его владения, я некоторое время обдумывал возможные варианты. В каюту возвращаться не хотелось, несмотря на оттягивающие руки баулы с имуществом, к тому же существовал большой риск нарваться в жилом блоке на обиженную Галю, а к продолжению разговора я сейчас не готов. В раздумьях я добрался до ближайшего лифта, и тут меня настиг зов Петровича. Судя по донесшимся обрывкам мыслей, бедный кот уже настолько заколебался сидеть в запертом брифинг-зале, что готов был пустить в ход когти и прорваться в систему вентиляции. Ага, щас. Не хватало еще разборок с ремонтниками! Знаю я, какие следы после Петровичевых когтей остаются... Успокоив, как сумел, напарника, я поспешил вызвать майора Исаева. Тот отозвался сразу же, спокойно меня выслушал и не менее спокойно приказал ждать в каюте. Заодно попросил объяснить Петровичу, что за ним сейчас придут, поэтому портить казенное имущество не следует, и отключился.

Я пожал плечами, забрался в кабинку, и пока лифт нес меня к жилому сектору седьмой палубы, растолковал питомцу задачу. Тот согласился подождать, напоследок наградив меня хриплым мысленным мямом. Ладно, не маленький, потерпит.

Система HD 44594, планета Находка,

4 сентября 2537 года

Благополучно проскочив кают-компанию, я проскользнул в собственный бокс, закинул снаряжение в шкаф и уселся на диван, приготовившись ждать. Шлем я куда решил не трогать, от греха. Меньше знаешь, лучше спишь, как говорится. Зверски хотелось разорить бар, но ввиду скорой встречи с начальством судьбу искушать не стал. Уйдет Исаев, тогда и расслаблюсь.

Майор появился подозрительно быстро, и пяти минут с моего возвращения не прошло. Но сначала в комнату проскользнул Петрович, с разбегу забодал мою ногу и хрипло взвыл, сопроводив звуковой эффект соответствующей картинкой: маленькая запертая каморка без окон и дверей и мечущийся по ней рыжий зверь. Следующим кадром шла та же каморка, но с ободраным настенным покрытием и сидящим на куче обивки котом. Завершало зарисовку обидное «Дуррак!» на фоне некоего Егеря.

– Я тоже рад тебя видеть, – ободрил я питомца и осторожно провел ладонью по вздыбленному загривку. – Извини. Но я не мог за тобой прийти, был занят.

– Мррряуу! – высказался Петрович, попутно отправив мне обличающий образ порнографического содержания.

Героями сцены выступали мы с Галей, чему я совсем не удивился.

– Ладно тебе, Петрович! Не завидуй. – Я легонько съездил ему по вздернутому уху, не обратив внимания на возмущенный рык. – Я же тебя не укоряю, когда ты по кошечкам бегаешь.

В ответ питомец презрительно фыркнул и демонстративно устроился подальше от меня, на журнальном столике.

– Разобрались? – усмехнулся Исаев, иронично выгнув бровь. – Как дети малые. Держи. Я поймал ППМ и машинально спрятал прибор в карман.

– Тащи шлем, – распорядился майор, и я поспешил выполнить приказание.

Положив матово-черную сферу на стол, собрался было убраться из каюты, но Исаев меня остановил:

– Ты куда, лейтенант?

– Товарищ майор, может, не стоит мне? – замялся я. – Лишний свидетель, все дела. На меня и так у Линдемманна зуб. Если узнает, вовсе со свету сживет.

– Не дрейфь! – отмахнулся Исаев. – Вообще-то тебе это даже нужнее, чем мне. Кто предупрежден, тот вооружен, как говорили древние. И мне помощник не помешает, не все одному отдуваться. Ты ведь не болтливый?

– Да вроде нет. Разве что в подпитии...

– Тогда мне придется тебя убить и съесть твою печень. Все, хорош дурачиться, запускай шарманку.

Пререкаться я не стал и вывел запись на внешние динамики шлема, предварительно убавив звук почти до минимума. Некоторое время мы слышали лишь шорохи и размеренное кошачье дыхание, затем раздались чьи-то шаги. Человек, судя по звукам, покрутился по залу, потом с шумом уселся в кресло.

– Убедился? – донесся до нас насмешливый голос капитана первого ранга Яковлева. – Карл, такого перестраховщика я еще в жизни не встречал.

– Ничего, Илья Тимофеевич, лишняя предосторожность еще никому не вредила, – отозвался безопасник. – Я вижу, вы хотите пообщаться неофициально?..

Разговор, как и раньше, шел на интерес. Особенно забавно у Линдемманна получалось отчество начальника экспедиции – Тимофеевич. Но уже по тому факту, что он старательно выговаривал полное имя, было видно, что Яковлева «особист» если не уважает, то как минимум побаивается.

– Ты прав, Карл! – продолжил между тем кап-1. – Разговор не для чужих ушей. И он мне, если честно, очень не нравится. Но и без него не обойтись... Я так понимаю, об эвакуации экспедиции не может быть и речи?

– Совершенно верно понимаете, – не стал отпираться безопасник. – А вы тоже склоняетесь к такому варианту? Вот уж на кого бы не подумал...

– Не юродствуй, Карл! – Яковлев подпустил льда в голос, но сразу же смягчился. – Все мои инстинкты вопят во весь голос: беги, беги как можно дальше от этой планеты. А я им привык доверять. Знаешь, я солидарен с Исаевым. Будь моя воля, персонал бы уже перебирался на орбитальный модуль. Такие вещи ничем хорошим не заканчиваются, помни мои слова. Я ведь еще до старта экспедиции подозревал, что тут дело нечисто, но не смог отказать Вяземскому.

– Именно поэтому мы и привлекли Родиона Ефимовича.

– Так он засланный казачок? – с досадой крикнул кап-1. – Друг называется. Черт, теперь даже не знаю, как быть. Пожалуй, воспользуюсь данной мне властью. Объявляю карантин, на пару недель для начала, а потом посмотрим...

– Я так не думаю. – Банальность из уст Линдемманна прозвучала на редкость угрожающе. – Вы представить не можете, какие силы заинтересованы в исследовании Находки. Вас сотрут в порошок.

– Допустим. – Яковлев и не подумал сдаться. – Но это будет не скоро. Зато в ближайшее время мы избежим потерь. Совершенно не нужных, на мой взгляд.

– Даже не думайте. В случае необходимости я применю силу.

– Ты мне угрожаешь, Карл?!

– Ни в коем случае, всего лишь ставлю в известность. Мое руководство пойдет на необходимые жертвы. И лимит безвозвратных потерь на этот раз весьма широк.

– Сколько, если не секрет?

– До тридцати процентов личного состава вполне приемлемо, – не стал ходить вокруг да около Линдемманн. – И лишь при превышении разрешено эвакуироваться на орбиту и ждать силовиков. Пока же обстановка спокойная. Потери минимальны, зато полученные результаты превзошли все ожидания.

– Вы обо всем знали заранее, – после тягостного молчания заявил Яковлев. Судя по тому, что он перешел на официоз, разговор по душам закончился. – Если на Россе я лишь подозревал, то теперь уверен на сто процентов. Еще когда при орбитальном сканировании нашли «Левиафан», вы вели себя подозрительно. Даже не удивились, как будто ожидали обнаружить нечто такое. И настояли на сокрытии информации. Странно, что вы позволили операторам засечь его повторно. Проворонили?

– Ну что вы! – слегка возмутился безопасник. – Не проворонили. Корабль нашли с моего разрешения. Надо же было его обследовать. А кто лучше Егерей и Охотников с этим справится? Своих людей у меня не так много, чтобы рисковать понапрасну.

Мы с Исаевым обменялись красноречивыми взглядами, а я даже скрипнул зубами. Своих, значит, жалко, а нас можно без зазрения совести подставлять. Ну не сука ли?

– Что же вы тогда их не пожалели в последний выход? – продолжил между тем Яковлев. – Или были уверены в себе?

– Как раз не был. Но пришлось рискнуть.

– Вы знаете, что это было? – напрямик спросил кап-1. – Вы ведь целенаправленно искали нечто странное? И своих людей послали, чтобы не делиться. Или подчистить следы, если что-то пойдет не так?

– Точно не знаем, но подозреваем. Наследие Первых.

– Зачем ученых привлекли? – Предыдущее откровение, казалось, начальника экспедиции ничуть не удивило.

– Они у нас на зарплате, – отмахнулся Линдемани. – Им платят за риск.

– Королев тоже?

– Этот мажор? – хмыкнул безопасник. – Нет, конечно. Напросился, папочкой пугать пытался. Я, собственно, на него виды имел, вот и не стал возражать. В случае успеха операции его было бы легче склонить к сотрудничеству.

– Ага, зато теперь неизвестно, выкарабкается ли он. И его отец этот факт без внимания не оставит. Бучу поднимет на всю Федерацию.

– Не поднимет, – тихо ответил «особист».

На несколько секунд снова воцарилось молчание.

– Вот как... – наконец нарушил тишину Яковлев. – Я, признаться, не представлял... Это очень серьезно. Так понимаю, мой рапорт, равно как и рапорт майора Исаева, должного впечатления на руководство не произведет?

– Вы все правильно понимаете, Илья Тимофеевич. Ему заткнут рот. Быстро и эффективно. Цена успеха слишком высока.

Начальник экспедиции молчал, безопасник тоже не стремился продолжить беседу. Судя по звукам, он встал и принялся мерить брифинг-зал шагами. Хорошо, что у Петровича уши чувствительные, а то бы половину дальнейшего разговора не разобрали.

– Хотите правду? – спросил вдруг Линдемани. Видимо, дождался кивка и продолжил: – Вы правы, мы знали заранее, куда направляемся. В руки людей корпорации попали данные об экспедиции «Левиафана», в том числе первый, он же последний, отчет, поступивший автоматическим курьером. Думаете, почему первая за сто лет дальняя экспедиция направилась именно в эту систему? Я навскидку могу назвать еще не менее пяти отличных вариантов. Но руководство «Внеземелья» настояло. Компания финансировала предприятие более чем на половину, к тому же некоторые чины из штаба Флота едят у нас с рук. Вы не поверите, сколько продажных тварей развелось в высших инстанциях. Так что выбор нужного объекта исследования – дело техники. И чтобы между нами не осталось больше недопонимания, скажу следующее: планета сама по себе никого не интересует. Ценны именно те самые неизвестные факторы, с которыми мы столкнулись. И чтобы изучить их, корпорация готова пойти на любые, повторяю, любые жертвы.

– Почему полугражданская экспедиция? Могли бы военных привлечь.

– А вот тут сыграл роль другой фактор. – Линдемани наконец уселся в кресло. – Одно слово: оружие. Да, вы правильно поняли. Представьте только, что удастся разгадать принцип управляемой утечки энергии из накопителей. Это же эффективнейшее нелетальное оружие! А ментальное воздействие? Денисов предельно четко его описал. Какие перспективы! Да даже смерть пилота от отека мозга – факт, казалось бы, совершенно рядовой. Но если знать, как это делается, возможна нейтрализация любой техники любого потенциального противника. Дух захватывает, не правда ли? И вы думаете, кому-то хочется делиться этими знаниями с вояками? «Вектор Армамент» – вам о чем-нибудь говорит это название?

– Оружейная компания из Внешних миров, – невесело ухмыльнулся Яковлев. – Известные подонки. Вы хотите сказать, что они стоят за экспедицией?

– Именно, – подтвердил безопасник. – Только Внешние миры имеют к этой компании опосредованное отношение. На самом деле ею через подставных лиц владеют три влиятельные персоны из Внутренних систем. И одна из этих персон имеет родственную связь с адмиралом

Тишкевичем. Это как раз тот человек, который отвечал за организацию экспедиции со стороны Флота. Продолжать?

– Не надо, – буркнул кап-1. – Только не могу понять, зачем вы все это мне рассказали?

– Элементарно, – победно хмыкнул Линдеманн. – Вы очень сильно задумались, Илья Тимофеевич. Это несомненный плюс. Надеюсь, теперь вы не будете чинить мне препятствий?

– Не буду. Но и на попятный не пойду. Ближайшие две недели работаем по ранее одобренному плану. Что-то большее я вам позволю лишь после прибытия курьера. И не трогайте ученых и техперсонал.

– Половина ученых у нас на зарплате, – возразил безопасник. – Их я буду задействовать по своему усмотрению. Остальных обещаю не трогать. И у меня есть маленькая просьба.

– Я слушаю.

– В некоторых случаях моим людям потребуется поддержка Охотников. Я понимаю, что лишние свидетели ни к чему, поэтому согласен не расширять круг посвященных. Мне достаточно будет тех подразделений, что уже привлекались к совместной работе.

– Хорошо. Но я вас заранее предупреждаю, что мои люди будут фиксировать все происходящее. На всякий пожарный. Если инцидентов не случится, все записи будут переданы вам. В противном случае мы их используем как доказательства.

– Согласен, – не стал спорить Линдеманн. – Надеюсь, этого наглеца Денисова привлечь не придется. И на Исаева повлияйте, пожалуйста.

– Я с ним поговорю.

– Я рад, что мы достигли консенсуса, – провозгласил напоследок безопасник.

– Не смею вас больше задерживать, господин Линдеманн! – холодно отозвался Яковлев.

Раздался шум отодвигаемых кресел, потом до нас донеслись шаги и задумчивый голос «особиста»: «Кота забыли! Кис-кис! Иди сюда, животное!» Ага, шаз! Петрович не полиглот, интер не понимает, к тому же с малознакомыми людьми предпочитает не общаться. «Да бог с ним, пусть спит!» – а это уже Яковлев. Хлопнула дверь, и в брифинг-зале воцарилась тишина.

– Конец! – объявил Исаев и задумчиво уставился на дверцу бара. – Есть что-нибудь покрепче?

Вместо ответа я поднялся с дивана и извлек из персонального «погребка» на свет божий початую бутылку коньяка. Дождавшись, пока я наполню стопки, майор опрокинул свою порцию в глотку, сморщился, как от лимона, но закусывать не стал.

– Вот это мы, Олег, влипли! И ведь не денешься никуда, расхлебывать придется собственными силами. Мать их.

Я кивнул и употребил коньяк по прямому назначению. Настроение, и так не самое лучшее, упало ниже плинтуса. Уж чего-чего, а такой свиньи от работодателя я точно не ожидал.

Система HD 44594, планета Находка,

5 сентября 2537 года

Вчера мы с шефом чуток не рассчитали, и сегодня я мучился легким похмельем. Исаев ушел уже за полночь, уничтожив в одиночку почти всю бутылку, потом пришлось открыть вторую. Я с молчаливого согласия начальника тоже расслабился, но до майора мне было далеко – после принятой лошадиной дозы у него даже цвет лица не изменился, не говоря о прочих признаках опьянения. Силен мужик. Услышанное мы обсуждать не стали, и так все было ясно. Перед уходом Исаев еще раз напомнил об осторожности, запретил предпринимать что-либо без согласования с ним, ругнулся от души на великом и могучем и убрел к лифту, едва заметно покачиваясь. Я же завалился на диван и забылся в беспокойном сне, забив на вечерний душ.

Помню еще, что разгневанный Петрович пытался достучаться до моего затуманенного алкоголем сознания, но ничего не добился: я напрочь лишился способности расшифровывать мысленные образы напарника. Питомец обиделся и вышмыгнул из каюты, расслышав какой-то шум за неплотно прикрытой дверью. Я же еще долго ворочался, то и дело проваливаясь в наполненное смутными видениями забытье.

Утро почти не принесло облегчения. Впервые за не помню сколько лет пришлось лезть в аптечку и употреблять антипохмелин. Дьявольское зелье должно было сработать в течение десяти минут, но я не стал терять времени и забился в крохотную ванную комнату, сунув голову под струю холодной воды. Умылся, глянул в зеркало, но особых следов вчерашних излишеств на морде лица не обнаружил. Что же меня так плющит-то? Плюнув на сомнения, подхватил полотенце и выбрался из каюты, намереваясь сначала принять душ, а потом нырнуть в бассейн. Корячиться в индивидуальном санузле не хотелось.

Как это обычно бывает, сработал закон подлости: в кают-компании на диване сидела облаченная в легкомысленный халатик Галя. На коленях у нее удобно устроился – кто бы вы думали? – предатель Петрович. Девушка неспешно водила ладошкой по его хребту, и кот прямо-таки лучился удовольствием – урчание можно было услышать чуть ли не с противоположного конца базы. При виде меня сладкая парочка поспешила выразить презрение: Петрович фыркнул и распустил хвост, а Галя одарила меня взглядом, который мог заморозить даже айсберг в Арктике. Но при этом поправлять слегка задрвшуюся полу халатика не стала, даже позу не сменила. Впрочем, я не обманывал себя: десять против одного, что ей просто Петровича беспокоить не хотелось.

– Доброе утро!

Не дождавшись ответа, я зашел в душевую. Не хотят общаться, ну и пусть их. А Петрович-то хорош! Ну ничего, сочтемся еще. Стоять под чуть теплыми струями было невыразимо приятно, я расслабился и наконец избавился от тревожных мыслей. Туман из головы испарился, и я сразу же уловил ехидный мысленный посыл питомца: рыжий кот нежится на коленях легко узнаваемой девушки, а Егерь стоит поодаль, понурившись. В ответ я в деталях представил упаковку стружки кальмара, запертую в шкафу, и Егеря, смачным пенделем отправляющего наглую зверюгу в недолгий полет подальше от вожделенного угощения. Петрович мысленно окрысился и больше меня не доставал.

Выбравшись из душевой, я с наслаждением забрался в бассейн. Напрягаться не было желания, и я просто погрузился по шею у бортика, расслабив тело. Усталость навалилась еще вчера вечером, когда отошел от потрясений насыщенного событиями дня, а ночь отдыха не принесла. А тут еще и алкогольная абстиненция... В общем, человеком себя почувствовал только в воде. Сразу захотелось сделать что-нибудь хорошее, например, с Галей помириться. Даже вероломного Петровича сейчас запросто бы угостил. Вот только с их стороны стремления к примирению не наблюдалось. Переборов порыв души, я прикрыл глаза и отдался неге.

Выбрался из бассейна через полчаса – долг звал, рабочий день никто не отменял, так что пришлось прервать отдых. Кают-компания была пуста, к моему немалому облегчению, но Петрович обнаружился в жилом боксе. Он всем видом показал, что меня прощает, и принялся тереться о мои ноги.

– Да ты, братец, двуличная сволочь! – пожурил я питомца. – И нашим и вашим. Не боишься запалиться?

Петрович возмущенно муркнул: дескать, за кого ты меня принимаешь? Это когда я перед дамами палился? Это да, что есть, то есть. Я потрепал его по загривку и извлек из шкафа пакетик стружки кальмара.

– Ты бы, братан, за меня похлопотал перед Галиной свет Юрьевной, она к тебе благоволит последнее время.

Петрович фыркнул и выдал обличающий образ Егеря-неудачника, рядом с которым издевательски улыбался вислоухий кошка с на редкость тупой мордой.

– Эт ты загнул! – возмутился я. – Офигел, что ли? Ну накосячил, но не до такой же степени! С Вискарем меня сравнил! Совесть есть?!

Напарник встопорщил шерсть на загривке и коротко взвыл.

– Есть, говоришь? Ладно, верю. Но вину свою загладить не помешает. Усек? Тогда слушай план.

Петрович наострил уши, но чавкать кальмарами не перестал. Ну и пусть себе, главное, чтобы задачу усвоил. С этим сообразительный питомец не подвел, и обсуждение кампании по примирению с Галиной уложилось в несколько минут.

Между делом мы исчерпали последний резерв времени, и пришлось мчаться к лифту, торопливо облачившись в повседневную форму. Исаев на связь не выходил, диспетчер Охотников тоже не беспокоил, а посему я отправился в биолaborаторию. Здесь уже было полно народа, но я успешно избежал расспросов, скрывшись в кабинете. Даже Викентия отбрил, когда он сунулся было за последними новостями. Ну их на фиг, не хочу по сотому разу отчитываться, да и подписку о неразглашении дал. Так что я заперся на рабочем месте и залез в сеть, отправив Петровича на разведку. В его задачу на данный момент входило выявление местонахождения Гали Рыжик и ее моральная подготовка к встрече со мной.

Кот вернулся минут через сорок, когда я уже успел пошерстить домашние странички почти всех служб базы. Ничего интересного не нашел, так что напарник появился очень вовремя. Он с ходу запрыгнул на стол, потоптался лапами по виртуальной клавиатуре, выдавшей на дисплей нечто совершенно непроизносимое, разлегся здесь же, свесив хвост со столешницы, и приступил к рассказу. Если я правильно расшифровал мыслеобразы, выходило, что Галина сейчас в минорном настроении торчит в персональном боксе и что-то сосредоточенно рассматривает через электронный микроскоп. На Петровича она внимания не обратила, даже прикрикнула, когда тот попытался залезть ей на колени и случайно боднул лбом руку. И это все, что он умудрился выяснить за такой срок? Напарник мое справедливое негодование оставил без внимания. Да и я его гнобить не стал, вместо этого нацарапал на стикере несколько слов, прилепил его Петровичу на загривок и посмотрел питомцу в глаза. Тот мысленный посыл понял правильно: нехотя спрыгнул на пол, просеменил к двери, открыл ее лобастой башкой и скрылся в коридоре.

Я же приготовился к долгому ожиданию, раздумывая, а не включить ли «Мрачного Билла» – все какое-то развлечение. От борьбы с медленно текущим временем спас заверещавший инфор – кто-то жаждал меня видеть. Это оказался майор Исаев, который коротко поставил задачу: прибыть в распоряжение безопасников и помочь им составить отчет. При этом начальник напомнил, чтобы я ни в коем случае не соглашался ни на какие обследования или тесты – только бумажная работа, и ничего более. Голограмма, изображавшая говорящую голову майора, растаяла в воздухе, а я еще несколько минут просидел в задумчивости. Хотя, если честно, просто ломало от предстоящего общения с безопасниками. Вряд ли я что-то ненавижу сильнее, чем составление отчетов, рапортов и прочего словоблудия. Но делать нечего, пришлось с тяжким вздохом выпростаться из кресла и покинуть уютный кабинет.

В коридоре я чуть не наступил на Петровича. Тот мяукнул, как мне показалось, немного грустно, и я сорвал с его холки все тот же стикер. «Я дурак, прости» – это мой почерк. Так себе послание, согласен. Ага, снизу приписка: «Не верю! Репетируй еще». Облом. Ладно, я особо и не надеялся на успех предприятия. Что напрягало больше всего, так это отсутствие возможности применить привычные средства примирения. Цветы взять негде, если только оранжерею тех же биологов разорить. Но за это Галя меня первая порвет. Разве что местных притащить, полевых. Почему бы и нет? Только надо таких набрать, чтобы через карантин пропустили. Хрен с ними, с должностными инструкциями, влюбленным свойственно совершать

безумства. К тому же небольшой букетик, проташенный на базу в нарушение техники безопасности, куда безобиднее потенциальных опасностей этой прекрасной планеты. Ресторан? Ага, есть. Типа забегаловка. Только там народу вечно битком, их на всю базу два. Еще какие варианты? Можно, конечно, на танцы пригласить, есть и такая возможность: любителей оторваться на танцполе среди членов команды достаточно, так что дискотеки устраиваются регулярно. Но, боюсь, пошлет она меня. Сначала надо символический шаг сделать. Правда, ума не приложу какой. Будем думать. Пока же проще всего оставить ее в покое, дня на три-четыре, потом повторно подослать Петровича, а дальше война план покажет.

За размышлениями незаметно добрался до логова безопасников. Тут сразу навалились дела и заботы, и про обиженную девчонку я и думать забыл. Местные обитатели были способны даже самого спокойного человека довести до белого каления, так что приходилось постоянно контролировать себя. Хорошо хоть Петрович в лаборатории остался, он бы наверняка не выдержал, когти распустил.

У безопасников я проторчал до конца рабочего дня. Когда вернулся в жилой бокс, Петрович уже ждал меня в кают-компании. Гали с ним не было, чему я даже обрадовался. Спокойно принял душ и заперся в своей каюте, где в одиночестве прикончил бутылку красного вина. Настроение было лирическое с уклоном в философию, и хотелось чего-то именно такого – легкого, с терпким вкусом и бордовым оттенком. Рассматривая бокал с вином на просвет, я мрачно подумал, что оно очень похоже на кровь. Какая ирония – эти изверги из меня ее пили несколько часов, теперь я займусь практически тем же, но с гораздо большим удовольствием. Почувствую себя вампиром в готическом замке. На этой мысли я приглушил свет, для большей аутентичности, просидел так больше часа. Петровичу надоело бездельничать, и он сбежал. А я, допив вино, забрался в постель – захотелось найти успокоение во сне. Как ни странно, уснул я быстро и спал крепко. Правда, не долго.

Система HD 44594, планета Находка,

6 сентября 2537 года

Проснулся я от пронзительного воя сирены. Нашарил спросонья на прикроватной тумбочке инфор, глянул на дисплей – мать моя, два часа ночи. Что стряслось-то? Тело соображало куда быстрее сонного мозга, так что я машинально влез в полученный вчера взамен утраченного скафандр, вооружился и вышел из каюты, почти уложившись в норматив. Петрович взволнованно нарезал круги по кают-компании и при виде меня разразился воем, что твоя сирена. Даже заглушил ее на мгновение.

– Да фиг его знает! – ответил я на молчаливый вопрос напарника. – Но наверняка что-то серьезное, раз на всю базу ревун включили. Бежим, короче.

Питомец пристально уставился мне в глаза и вопросительно муркнул.

– Нет, Галю ждать не будем. Пойдем в расположение Охотников. Биолухи и без нас проживут.

Бегом пересекли жилой блок, ввалились в кабину лифта, и я склонился над панелью маршрутизатора. Но ввести точку назначения не успел – заверещал инфор.

– Да, товарищ майор?

Голографическая голова дернула усом, скосила глаз куда-то вниз.

– Ага, Петрович с тобой, – удовлетворенно произнес Исаев. – Можете пока не торопиться, ситуация под контролем. Общий сбор через десять минут в расположении. Как понял?

– Вас понял, – подтвердил я. – А что случилось-то?

– Там все и объясню, некогда каждому повторять! – Майор отключился.

– Ну вот, Петрович, опять непонятное началось.

– Стрррраннооооооооуу! – согласился напарник.

Я успел нахлобучить шлем с активированным коннектором, что существенно облегчило общение. Хотя это не столько вопрос удобства, сколько требование боевого устава Егерей.

В несколько касаний задав на сенсорной панели маршрут, я оперся на стенку капсулы и запустил тестовый прогон софта – данным предписанием должностной инструкции пренебрегать себе дорожке. Проверка успешно завершилась, когда кабина лифта достигла конечной точки маршрута. Мы с напарником выбрались из тесной коробки и оказались посреди суетливой толчеи: все куда-то бежали безо всякой видимой цели. Но это только на первый взгляд. Если присмотреться, то можно увидеть, что Охотники перемещаются тесными кучками по отделениям, поодаль суетятся прапорщики из роты матобеспечения, руководящие переброшкой боекомплекта, снуют с озабоченным видом офицеры. При этом никто никому не мешает, все работают четко и слаженно. Полюбовавшись несколько секунд отлаженным процессом под названием «занятие позиции поднятым по тревоге батальоном», мы с Петровичем вклинились в поток и благополучно добрались до кабинета Исаева. Постучать в дверь я не успел – она гостеприимно распахнулась прямо передо мной. Улыбающийся во весь рот Коля Иванов молча пожал мне руку и жестом пригласил войти.

Исаев же отмахнулся, едва я попытался доложить о прибытии, и ткнул пальцем в ближайший стул. Я намек понял и устроился на свободном месте, с облегчением сорвав с головы шлем. Петрович оккупировал мои колени и наострил уши, а я окинул взглядом помещение. Все были в сборе. Видимо, серьезная буча случилась, если майор собрал ротных и всех троих Егерей. Но по заспанным лицам присутствующих, не отмеченным печатями озабоченности, становилось понятно, что не все так плохо, как кажется.

– Так, теперь все в сборе! – поднялся Исаев. – Товарищи офицеры! Четверть часа назад произошло очередное чепэ: нападение неопознанных форм жизни на четвертый и пятый сектора.

По кабинету прошелестела волна взволнованного шепота: каждый из присутствующих посчитал своим долгом в той или иной форме выразить отношение к происшествию. В большинстве своем оно сводилось к глухому «мля».

– Ситуация под контролем! – повысил голос майор. – Нападение успешно отбито штатными средствами периметра. Автоматические системы сработали своевременно, тварей засекли еще на подходе. Были и летающие, и бегающие. Даже что-то пыталось из-под земли лезть. Бегуны, похожие на кошколаков, застряли в «Заборе», а вот летучие и подземные провалились в «сектор-четыре». По счастливой случайности на территории было всего трое сотрудников, и они успели забаррикадироваться в малом исследовательском боксе. Нападение длилось не больше пяти минут, за это время было поражено сто процентов целей. Они элементарно кончились, и атака захлебнулась. На данный момент в радиусе трех километров от базы значительной концентрации местных живых организмов не наблюдается, фон стандартный. Тем не менее батальон переводится в режим «готовность один». Усиливаются посты, в каждом секторе дежурит группа быстрого реагирования.

– Товарищ майор, разрешите вопрос? – не выдержал Иванов. Дождавшись кивка Исаева, продолжил: – А с какой целью всю базу взбаламутили? Сирену, наверное, на орбите было слышно.

– Да от страха оператор в наблюдательном центре чуть не обделался и с перепугу врубил ревун, – с досадой поморщился майор. – Ему уже пистон вставили, да толку-то... Теперь людей успокаивать до утра будем. Впрочем, нет худа без добра – боеготовность проверили. Считайте это внеплановыми учениями. И раз уж все здесь, займемся анализом видеоматериалов.

Присутствующие офицеры тут же начали вполголоса делиться впечатлениями от подобной перспективы, но Исаев решительно пресек ропот:

– Это приказ, господа военные. К тому же это не займет много времени. Компьютерщики уже обработали видеофайлы и скомпоновали материал в два десятиминутных ролика. Сейчас смотрим и делимся соображениями. Боюсь, днем у нас на это может банально не хватить времени. Седалищем чувствую, светят нам нешуточные неприятности.

– Образцы взяли? – поинтересовался я. – Ознакомиться с результатами анализа можно будет?

– Вряд ли, – обломало меня начальство. – Ни одного образца взять не удалось. ГБР с приданными биологами ни одной тушки на территории не обнаружила. За пределами периметра, что характерно, тоже ничего не нашли. О нападении напоминают только рытвины и довольно широкие туннели типа кротовых. Их уже обследовали, но никаких следов прокопавших их существ нет. Просто ходы под «Забором». Часть уже обвалилась, чуть одного Охотника не завалило внутри.

Н-да. Не могу сказать, что Исаев меня удивил. Нечто подобное я и предполагал. И как раз это мне не нравилось больше всего.

– Удалось заснять процесс разложения останков?

– И что ты, Денисов, вечно поперед бабки в пекло лезешь! – попенял майор. – Сейчас файлы просмотрим, там все прекрасно видно. И если ты намекаешь, что нынешнее нападение суть логическое продолжение происшествия с поисковой группой, то тут ты однозначно прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.